

Региональная стипендиатская программа
Фонда им. Генриха Белля для молодых ученых на Южном Кавказе

Heinrich Böll Foundation
South Caucasus Regional Scholarship Programme
for Young Social Academics in the South Caucasus

Наблюдая за изменениями: стратегии адаптации на Южном Кавказе

Сборник статей

Observing Transformation: Adaptation Strategies in the South Caucasus

Collection of Selected Articles

■■■ HEINRICH
BÖLL
STIFTUNG
SOUTH
CAUCASUS

2011

Наблюдая за изменениями: стратегии адаптации на Южном Кавказе

Издатель: Южно-Кавказское региональное бюро Фонда им. Генриха Белля

Научный редактор: Виктор Воронков | Редакторы: Алена Хуцишвили, Джон Хоран

Observing Transformation: Adaptation Strategies in the South Caucasus

Publisher: Heinrich Boell Foundation South Caucasus Regional Office

Scientific editor: Viktor Voronkov | Editors: Alena Khutsishvili, John Horan

Дизайн: Торнике Лордкипанидзе | Фото на обложке: Гурам Цибахашвили
Отпечатано в ООО «Сезан»

Layout: Tornike Lordkipanidze | Cover photo: Guram Tsibakhashvili
Printed in Cezanne Ltd.

© Heinrich Böll Stiftung South Caucasus, 2011

38 Zovreti st., Tbilisi, 0160, Georgia

T +995 32 238 04 67/68, +995 32 291 37 39 | F +995 32 291 28 97

E info@boell.ge | W www.boell.ge

ISBN 978-9941-9009-9-0

СОДЕРЖАНИЕ | CONTENTS

Предисловие	6
Foreword	9
Миграция из города в деревню и наоборот Migration to the City and Vice Versa	13
Aleksey Hovakimyan From urban to rural: Livelihoods and adaptation of Armenian refugees	14
Амалия Диланян Стать горожанином: сельские мигранты в современном Ереване	26
Татьяна Саркисян Дети бакинских беженцев в армянском обществе: невидимая грань поколений	45
Агрессия и травма Aggression and Trauma	63
Малхаз Салдадзе Агрессия и насилие как способ самоутверждения школьников	64
Khatuna Martskvishvili Relationship between emotional intelligence and post-traumatic stress	85
Трансформация и репрезентация Transformation and Representation	107
Tiko Tkeshelashvili Perceptions of two internal political conflicts and civil unrest in Georgia's modern history	108
Анна Гусейнова «Ты еще в Советском Союзе живешь!»: стратегии адаптации советских учителей в Грузии	129
Тамта Татарашвили Женские и мужские образы в грузинском кино	154
Авторы About authors	176

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вы держите в руках уже шестой выпуск статей, написанных стипендиатами Южно-Кавказского регионального бюро Фонда имени Генриха Бёлля. Здесь опубликованы избранные работы по исследованиям, проведенным в 2008 и 2010 годах. Если бросить ретроспективный взгляд на исследования, выполненные стипендиатами фонда за восемь лет, то можно констатировать появление нового поколения социальных ученых, которое формирует новое научное сообщество на Южном Кавказе, ориентируясь на мировые исследовательские стандарты. Это сообщество объединяет не только уже сформировавшихся молодых ученых, но и неопитов, только делающих первые шаги в науке. Однако все представленные тексты имеют важное общее качество – они интересны.

Понятно, что многие исследователи обращаются к болезненной для Южного Кавказа проблеме беженцев. Так Алексей Овакимян углубляется в интереснейшую тему освоения деревенского пространства в Армении беженцами из азербайджанских городов. Адаптация деревенских жителей в городах, вроде бы, давно изучена со всех сторон. А вот редкий случай обратного переселения (пусть и вынужденного), да еще в гигантских размерах, представляет для исследователя почти непаханое поле. Алексей сосредоточился на анализе стратегий выживания конкретных семей, продемонстрировав те множественные адаптационные схемы поведения, которые использовали бывшие горожане в селе.

В отличие от Овакимяна, Амалия Диланян осмелилась обратиться к теме, в которой уже, кажется, ничего нового сказать нельзя, – теме адаптации сельских мигрантов в городе. Однако свежий взгляд, потрясающая наблюдательность и редко используемый метод автоэтнографии способствуют чтению статьи на одном дыхании. Текст захватывает не столько теоретической концепцией, сколько обилием замечательных деталей, увиденных талантливой исследовательницей.

К теме беженцев обращается и Татьяна Саркисян, которая сосредоточилась на судьбах детей. Она выделяет два поколения детей мигрантов,

что помогает объяснить несовпадение их жизненных стратегий. Исследовательница отмечает принципиальные различия в степени интеграции в армянское общество между поколением-2 (родившиеся в семьях беженцев уже в Армении) и поколением-1,5 (дети, чье раннее детство прошло еще в Азербайджане).

Уже опытный социальный исследователь Малхаз Салдадзе изучал так взволновавший грузинское общество рост агрессии среди школьников. Тема влияния «улицы» на социализацию подростка вызывает особый интерес именно в Тбилиси. Здесь главным авторитетом для большинства подростков является «street corner society», своеобразный общественный институт «убани». Малхаз прослеживает связь между конкурентами в борьбе за юные души (школа vs. «убани») и приходит к выводу, что правила регулирования отношений внутри «убани» (где насилие является нормой) доминируют над школьными правилами урегулирования конфликтов.

Еще одна исследовательница, психолог Хатуна Марцквishvili, обратилась к теме беженцев. Исследуя посттравматический синдром перемещенных лиц из Южной Осетии, она ввела далеко не тривиальное понятие «эмоционального интеллекта». Как утверждает исследовательница, между уровнем эмоционального интеллекта и стрессоустойчивостью существует прямая корреляция. Было также показано, что мужчины легче переживают стресс, нежели женщины, а молодые – легче, чем люди старшего возраста.

Тико Ткешелашвили исследовала изменения в политической культуре населения Грузии на примере отношения населения к двум событиям, разделенным почти двумя десятилетиями. Она отмечает, что особых изменений в политической культуре не произошло, акцентируя внимание на эмоциональном, а не рациональном отношении к политическим событиям. Тико приводит аргументы в пользу утверждения того, что грузинское общество легко расколоть, но трудно объединить. Низкая гражданская ответственность, по мнению автора, способствует разжиганию внутренних конфликтов, а политические лидеры успешно используют «темные черты нации» против оппонентов.

Очень интересна статья Анны Гусейновой о бывших советских учителях, которые пытаются найти свое место в современной реформированной грузинской школе. На примере одной из школ Тбилиси она демонс-

трирует множественность стратегий адаптации учителей в зависимости от изменившихся внешних условий и собственного биографического капитала. Особенно интересно читать о «русских» учителях, чьей идентичности «титულიной нации» был нанесен сильнейший удар, превративший их в «национальное меньшинство». Очень советую читателю не пропустить эту статью, наполненную множеством маленьких находок автора.

Тамта Татарашвили прослеживает историю грузинского кино из гендерной перспективы. Она демонстрирует, как менялись стереотипные образы героев-мужчин и женщин в процессе борьбы традиционной культуры с идеологическими и политическими новациями. Статья выделяется в ряду опубликованных обращением автора к психоанализу в процессе глубокой интерпретации сексуальности в одном из современных грузинских фильмов.

Я бы отметил, что представляемый сборник имеет особую ценность не только для широкого круга социальных исследователей Азербайджана, Армении и Грузии, но для российских обществоведов, которые находятся в информационном вакууме по поводу трансформационных процессов, происходящих на Южном Кавказе, а также для удовлетворения растущего интереса к этому региону у европейских ученых.

Виктор Воронков

Директор Центра независимых социологических исследований
Санкт-Петербург

FOREWORD

You hold in your hands the sixth compilation of articles written by Henrich Boell Foundation South Caucasus scholarship holders. Selected research works conducted in 2008 and in 2010 are presented here. If one looks over the works carried out by Boell scholarship holders in the last eight years, one can conclude that a new generation has emerged of social sciences scholars who are forming a new academic community in the South Caucasus, one that is oriented towards attaining world standards in research. This community brings together not only established young scholars but also newcomers taking their very first steps in academia. Still, all the texts presented are of high quality and great interest.

It is understandable that many researchers looked into problems of refugees – a very topical and painful issue for the South Caucasus.

Aleksey Hovakimyan probes the highly interesting topic of the settlement of rural areas in Armenia by refugees from cities in Azerbaijan. Adaptation from rural to urban life is a familiar and well-studied phenomenon. This rare case of the opposite type of relocation (albeit forced) – on a gigantic scale at that – presents the researcher with uncharted territory. Aleksey concentrates on analyzing survival strategies of specific families, demonstrating the manifold adaptation schemes used by former city dwellers now living in the country.

Amaliya Dilanyan had the courage to tackle a subject about which one might think there is nothing new to say: the topic of rural migrants' adaptation to urban life. But her fresh viewpoint, amazing powers of observation and her use of the rarely-used method of auto-ethnography make the article a compelling read. The text presents not so much a theoretical conception, as an abundance of remarkable details as seen by a talented researcher.

Tatyana Sargsyan, meanwhile, looks at the fate of refugee children. She distinguishes two generations of children of migrants who pursue different adaptation strategies. The researcher notes the key differences in the level of integration into Armenian society between generation-2 (born into families of refugees in Armenia) and generation-1.5 (children who spent their early childhood in Azerbaijan).

The experienced social science researcher Malkhaz Saldadze looks into

the rise in aggression among Georgian schoolchildren that has so worried the society. The topic of the influence of "the street" on the socialization of teenagers is of particular interest in Tbilisi, where, for a majority of teenagers the "street corner society" – the institution of the "ubani" (neighborhood) – is the main authority. Malkhaz observes the connection between the forces competing for the souls of the young people (the school vs. the "ubani") and concludes that the rules for regulating relations inside the "ubani" (where violence is the norm) predominate over the school rules for resolving conflicts.

Khatuna Martskvishvili also explores the refugee issue. In studying post-traumatic stress disorder (PTSD) in Georgians displaced from South Ossetia, she introduces the far-from-trivial concept of "emotional intelligence". The researcher maintains that there is a direct correlation between emotional intelligence and ability to cope with stress. She also shows that men handle stress better than women and young people better than older people.

Tiko Tkeshelashvili studied the political culture of Georgia based on the example of the people's attitudes towards two civil conflicts two decades apart: the civil war of 1991-92 and mass anti-government protests of 2009. She asserts that no major changes took place in the political culture, as people's attitude toward political events remains more emotional than rational. Tiko argues that it is easy to split Georgian society but difficult to unite it. The underdeveloped sense of civic responsibility, she says, facilitates the fomentation of internal conflicts while political leaders successfully use "the dark side of the nation" against their opponents.

Very interesting is Anna Huseynova's article about former Soviet school teachers trying to find their place in the modern, reformed Georgian school system. On the example of one Tbilisi school, she demonstrates the many strategies teachers use in order to adapt to the changed external conditions and their own biographical capital. It is especially interesting to read about ethnic Russian teachers, who were thought of as the "titular nationality" under the Soviet Union, and now find themselves as an ethnic minority. I strongly advise the reader not to miss this article, as it is full of interesting details that the author discovered.

Tamta Tatarashvili tracks the history of Georgian cinema from a gender perspective. She demonstrates how stereotypical images of male and female heroes have changed in the context of the battle between traditional culture and

ideological and political innovations. The article sets itself apart from the others in that the author uses psychoanalysis while interpreting the role of sexuality in a contemporary Georgian film.

I should point out that this collection of articles is of particular value not only for the wide circle of social science researchers of Azerbaijan, Armenia and Georgia, but also for Russian social scientists – who find themselves in an information vacuum in regard to the transformative processes under way in the South Caucasus – and for European scholars, whose interest in the region is growing.

Viktor Voronikov

Director

Center for Independent Sociological Research

St. Petersburg

**Миграция из города в деревню
и наоборот**

**Migration to the City
and Vice Versa**

FROM URBAN TO RURAL: LIVELIHOODS AND ADAPTATION OF ARMENIAN REFUGEES

Aleksey Hovakimyan

Background and research problem

Armenians living in Azerbaijan primarily fled to Armenia in 1989. Most estimates agree that Armenia hosted around 360,000 refugees from Azerbaijan. The influx of refugees roughly coincided with a devastating earthquake in the north-eastern part of Armenia, leaving about 25,000 dead and more than 300,000 homeless and jobless. The change in political and economic systems following the break-up of the Soviet Union and the blockade by Azerbaijan and Turkey resulted in a dramatic social and economic crisis, which formed the background for the refugees' new life in a newly independent country.

Most of the refugees were accommodated in Armenia's rural areas (UNHCR, 2005). The majority of them – 81.3% – came from large cities (Baku, Kirovabad, Sumgait), 16.3% were from medium or small towns, and only 2.4% from rural areas (ibid).

As mentioned above, although a majority of the Armenian refugees (nearly 80%) had an urban background, most of them were given new homes in rural areas (Messina, 1996). Also, it is well-known that the process of ruralization of the rural population took place in most of the post-Soviet countries, and Armenia was no exception in this regard. Hence, the focus of the research will be on the refugees whose living environment changed from urban to rural.

The research questions:

- ▶ What livelihood strategies have rural refugees in Armenia used in the past two decades?

- ▶ How did the change in Armenian refugees' background from urban to rural affect their livelihood strategies and influence their adaptation/integration?

Theoretical framework and methodological approach

Operationalization of the livelihood concept (adapted to refugee research)

A review of the available literature showed that there is still no clear definition of refugee livelihoods. A widely accepted definition of livelihoods is the one given by Chambers and Conway, according to which livelihood comprises the capabilities, assets and activities required for a means of living (Chambers and Conway, 1992). The best way to operationalize the livelihood framework to the current research is to view the household livelihood as a triangle of assets (financial, physical), capabilities and activities. Household members use their capabilities and their assets to carry out the activities through which they earn their livelihood. Capabilities will be viewed in the present research as a combination of knowledge, skills, health conditions and ability to work or manage a household. In his definition of “livelihood” Ellis (2000) placed more emphasis on the access to assets and activities influenced by social relations (gender, class, kin and belief systems) and institutions.

The key unit of the present research is “household”. The term household refers to those who may or may not make up a family, and jointly earn their livelihood with decisions affecting all members of the household more or less equally.

Household assets refer to the resources that households own or have access to for earning a livelihood. Therefore, in the present research the assets include financial, physical and natural capitals. The notion of social capital closely intersects with the concept of capabilities – both imply the existence of social networks, knowledge and professional skills and health. All these will be considered as capabilities. The research looks into livelihoods from the perspective of social relations. So, it should not be seen as a pure study of the “economics of livelihoods”.

Household strategies are the ways in which households deploy their assets and use their capabilities in order to meet their objectives. They are often based on past experience. Household strategies therefore reflect the “actions” part of the livelihood framework triangle (capabilities, assets and activities).

Methodological approach

The research is designed as a case-study and presents a total of three cases. The multi-faceted term “livelihood” points to social relations and how they are processed, while focusing on only one person will limit the possibilities of the framework. Thus, a refugee household, including several representatives of both genders, is the unit of the research. My family’s case serves as a basis for the research. For the same reason (livelihoods pointing to social relations), preference was given to studying and comparing biographic cases of a single community, the village of Karin, Ashtarak region, Armenia. The literature review showed that livelihoods can be further hindered by refugees being placed in remote and/or unfamiliar environments. For this reason, border and remote regions have been excluded from the research as potential geographic areas providing a rural setting for refugee households (Karin is around 25 km from Yerevan, capital of Armenia). Biographic interviews were chosen as a major method for data collection. My own family case representation is based on the method of auto-ethnography, when the author both interviews his/her parents and keeps a diary. None of the interviews were one-off. Follow-ups were conducted to get additional data.

The main criterion for pre-selecting the cases within a given setting was the change in a refugee household’s background from urban to rural. The final selection was determined on the basis of the availability of a household. All three household cases are from the same setting – the village of Karin. All the households have lived in the same setting for at least 15 years. The cases are named after the main interviewees.

THREE CASES FROM THE VILLAGE OF KARIN (ASHTARAK REGION, ARMENIA)

Our family arrived in Armenia by plane on December 4, 1988. The escape from Azerbaijan was spontaneous and chaotic, without any preliminary preparation (as was the case for most of the refugees). My parents had no opportunity to sell or

exchange our apartment. Like many others, in all three cases the households were able to take only personal belongings and some documents with them.

“Armenian authorities were doing their best to accommodate the refugees and provide them with all help they needed... but then the earthquake struck... there were dead, injured, and homeless people all over, and they were probably in a much worse situation than the refugees. The authorities provided a place for us to live, but conditions were very squalid there. But we were ready to accept any offer to avoid sleeping outside. It was an old dilapidated police station in the town of Ashtarak. The four-member family was given a small room of 8 m². Some 25 refugee families were accommodated in this building. We lived there for 7 years, till 1995, when we received a cottage in the village of Karin; each family was given 36 m² (half of a cottage). But living conditions were really hard there – no water, no sanitation, no natural gas supply, no kitchen. We have lived there ever since” (Lyudmila H., my mother, 58).

Inna M., 33, moved to Armenia in 1988, together with her parents and two brothers. She and her father came to Armenia first on November 26, 1988, looking for an opportunity to exchange their home in Baku for an apartment in Yerevan, or to find any other housing option, but with no success. Inna’s aunt lived in Ashtarak at that time, so they stayed there for a couple of days. They were given shelter in the same former police station building – 10 m² for 5 people. Then, in March 1990, her parents went to Baku to sell their house and to bring some of their belongings. But they could not sell the apartment and brought very little with them. Inna remembers:

“It was extremely difficult to organize transportation of property to Armenia. But even if a suitable transport had been available, it would have made no difference to the family because the room they were given in Armenia was too small to hold all the belongings.”

Anya O., 57, was born in Kirovabad region [currently known as Gandja, in Azerbaijan], in the village of Red. She is married, with three daughters and a son. Her family also had to leave in 1988. Anya had relatives in Yerevan and they allowed her and her children to stay in their home for some time. From

April to December 1991 Anya lived in a tent on the land she was granted by the state (her family got possession of the land during the privatization process). In March 1992 the family built a one-room shelter and moved from the tent to that room. Her husband and mother-in-law came to Armenia two months later, in February 1989.

“Urban to rural refugee” livelihoods (assets, capabilities and activities)

The land privatization process started in Armenia in 1991, and our family also received a land plot in the newly built village of Karin (established on former agricultural lands), 5 km away from Ashtarak town. Most of the lands were given to refugees from Azerbaijan, and the village has been mostly populated by refugees ever since. Inna M. and Anya O. also received a land plot there. In 1994, UNHCR, together with the Armenian government, launched a project to build small private houses for refugees and in 1995 our family moved in. My parents have lived in that village since then. My brother is married now and his family lives with my parents. My grandmother died in 2004.

A common feature of all three cases is that the refugees first came to Armenia with only a small amount of the personal belongings they needed most of all. Afterwards, my father arranged for the family’s movable property to be delivered to Armenia. Unfortunately, it was not possible to do anything with our apartment, so this essential family asset was lost. Basically, the refugees were unable to transport anything else to Armenia. The case of Inna M. was almost the same, while Anya O.’s family somehow managed to sell their apartment, albeit at a very low price.

In the following years the dynamic of our family’s material resources was quite typical for a refugee family, and very similar to the other two cases. It was difficult to find a job – the families had to rely on their savings, which were basically sufficient to survive for a year or two. Before the collapse of the USSR, many households had jobs, permanent or temporary, and earned enough for a decent living. The negative aspect here is that the galloping inflation in 1990-1991 forced the households to use both their wages and savings to ensure more or less appropriate living conditions. Until the middle of 1992 my grandmother worked in Yerevan and supported our family. The labour migration in 1992-1995 was another important source of the households’ livelihoods.

It was common for the households to make use of their previously accumulated assets, transported with so much difficulty to Armenia. This type of “negative” strategy, as described in literature, included selling gold (jewellery) and other household belongings (for example, piano, carpets). Refugee livelihoods were also supported by humanitarian assistance (food, fuel) from international community and the Armenian Diaspora. It is interesting, however, that in all three cases the impact of this humanitarian aid on the refugee livelihoods was not significant, contrary to popular belief that it had great importance.

“Like the other refugees, we also received humanitarian assistance (some food and fuel), but it did not have very significant impact on our situation” (Lyudmila H.).

Despite having lost their savings and assets, the households at the same time managed to acquire some new property, such as houses and land plots. In Inna’s and Anya’s cases, their houses were half built, as they were unable to finish the construction. The village of Karin was a newly-established community which lacked water supply, irrigation, natural gas supply and sanitation. There were no asphalted roads, as it was located in a remote, isolated area with poor transport links to other towns of the region. Another common trend in these cases was that the land ownership became the more significant factor. The land was not fertile. My parents and other household members were more or less engaged in other, non-agricultural activities. Some rural practices developed in our livelihoods since then.

At first, neither of my parents had adequate skills for farming or other agricultural activities. Gradually, my mother got accustomed to the rural way of life, even though the process proved very difficult for her. It was a matter of knowledge, skills and psychology (previous profession, lifestyle, etc.). For my father, it was a bit easier because, firstly, the man is responsible for his family’s well being, and, secondly, my father was originally from a village.

“In 1995 we came to the village of Karin. Our land was bare and we started planting different trees... ..at first we grew fruits only for our own consumption, but over the years our production gradually increased. We tried to sell the surplus, but it was difficult, we felt ‘shy’, as we had never traded before... Later, we

accepted the idea that it was our work... With time, I gained some experience and learned a thing or two about trade. Now I can easily sell fruit" (Albert H., my father, 59).

Today, my mother sometimes collects berries and fruit, and barter them for other goods, or sells fruits from the garden. Learning was an important part of the search for new livelihoods strategies and adaptation – acquiring new skills (gardening, trade), building networks (contacts, clients, neighbourhood) and making decisions (what to cultivate). Positive outcomes of learning also were influenced by the greater socio-economic context of the economic progress in Armenia and the rising purchasing power of the people's incomes. My parents say that it was the right decision. Since the early 2000s our land (household garden) has played an increasingly important role for our livelihood – we had enough for our own consumption and were also able to sell the surplus of fruit or barter them for other goods, like milk and cheese. However, my parents said a firm “no” to livestock farming – they had neither experience nor knowledge about how to rear domestic animals.

My family had rather weak ties with Armenia until 1988. None of our relatives lived there (my aunt lives in Russia, while my mother's uncle is a resident of Ukraine). My father knew Armenian quite well, but my mother spoke only the Karabakh dialect, though she mastered the classical Armenian language afterwards. My father is engaged in farming and also employed as a guard at a scientific institute where he previously – before 1991 – worked as an engineer. My mother (also an engineer before 1991) was retrained as an accountant and worked in Yerevan until 2001. Since then she has focused on housekeeping. In my parents' words, they took advantage of their connections, which provided them with a range of useful opportunities. I also benefited from their new connections during my education and at early stages of my career. My parents succeeded thanks to the real-life experience they gained through overcoming significant problems and challenges (debts, borrowings). They gave me a good education in Yerevan, which they think is already paying off – I got an opportunity to continue my education in Sweden with a scholarship. This did not cost anything to our family. I am self-sufficient, I have a good job, and I'm pretty much satisfied with it. Together with my brother, I can now support my family.

My family's case demonstrates that activities, another component of livelihoods, are certainly linked to capabilities, i.e. the activities (adoption of the rural lifestyle, farming and gardening) are based on capabilities and resources. At the end of the day it is the activities that determine how efficiently the capabilities are used within the existing resource base (or exceeding it, taking risks) and shape a livelihood strategy. This aspect is clearly present in the other two household cases as well.

Inna left secondary school in 1993 and continued her education in a vocational school. Her family could not afford to send her to Yerevan for education because of very high costs (education fees and transport fares). Afterwards she enrolled in a private university that opened in Ashtarak in 1994 and graduated in 1999 with a degree in Finance and Credit. Inna never worked permanently in her speciality, and was unable to find other permanent jobs too. Inna's parents did not have higher education. Her father worked as a construction worker and continued to work in the same field in Armenia. Her mother had various jobs and from 1994 (the year they moved into their half-constructed house) until her death in 2000 she worked as a laborer in a local farm. Her brothers did not have higher education either. They had occasional jobs and sometimes sought seasonal employment in other countries. Today one of them is a taxi driver in Armenia (his son studies at Politechnical University), while the other has settled in Russia and got married there. In 2008 Inna completed a computing course in the hope that this qualification, which she thought was much needed, might help her in finding a job. But she failed to find any and currently, she scrapes together a living from private tuition for school children.

Household farming, mainly gardening, is another source of income for Inna's family. These two cases illustrate that refugee households employ diverse livelihoods strategies – labour migration and incomes from land (both monetary and non-monetary), part-time jobs. Regular work played an important role for the household livelihoods.

Anya's and Inna's household asset dynamics are very similar, just like in my own case – some old assets were lost, but new ones were acquired, family savings were widely used to ride out the tough times, diverse means of gaining livelihoods were adopted – full-time and part-time jobs, farming. Since 1998 Anya has worked – both in Azerbaijan and Armenia – as a nurse in the medical facility of her village. After moving to Armenia she acquired

some additional skills. Her husband had worked as a driver in Gandja, Azerbaijan and continued driving in Armenia (her father gave him a MAZ truck, which was an important asset for them but they were forced to sell it 10 years ago in order to repay the debts they had accumulated to give education to their children). Now, he is a driver at the regional bus service. All Anya's daughters are married and live separately (not part of Anya's household anymore). Her son is a trained dental technician. But due to the lack of money for buying assets he needed to start working, he opted to take cooking courses and now works in a restaurant.

Anya's and Inna's household cases differ from ours in the sense that both have some relatives living in Armenia, in other regions. In addition both households built their own social networks of friends. All households invested substantial sums in the education of their children, but the results are different because of personal differences and the difference in decisions and environment (local connections vs. ties with Yerevan, borrowing for education vs. avoiding going into debt).

Analysis of the correlation between adaptation and integration revealed considerable differences in the situation of two generations. Being put in a different setting and external environment, coupled with hardship and poor knowledge of the local language and customs, the households had rather strained relationship with their neighbours at first but relations gradually improved over time. Due to several objective reasons, younger generations usually integrate into a local society quicker and easier than older people. At the same time, integration is not equal to adaptation; rather it crucially depends on the latter. It is an important psychological aspect. The vulnerability of the households is not a result of their refugee status or a consequence of what they have experienced in the last two decades. It stems mostly from the general social and economic context. Some excerpts are interesting in this regard:

"I do not consider myself a refugee, either formally (I am an Armenian citizen) or emotionally. At first the locals were not kind and hospitable to us... It made me feel sad as we were all Armenians... we kept our Armenian traditions ... I tried not to take it to heart very much and turned my attention to other things... As to my current situation, I am dissatisfied that I am unemployed and receive

no pension. But I am happy that my sons have jobs, even though my younger son is currently working in Russia, far away from his own family... My husband is discontent with the poor implementation of laws and low salaries in Armenia” (Lyudmila H.).

The excerpt shows that Inna’s family is not happy with its situation, though both households adopted similar, and quite flexible, livelihood strategies and had more or less similar resource bases. The most likely explanation is that they had different capabilities, which resulted in different levels of their integration and adaptation:

“For me, my life is divided into two parts – before and after 1988... Since 1988 we have just lived in the moment... During all these 22 years he never stopped dreaming of going from Armenia to Russia, as he was greatly dissatisfied with his life here – no opportunities, no positive changes... integration was very slow and painful... I do not like the word “refugee” at all. I have lived in Armenia for over two decades; I have an Armenian passport... I do not consider myself a refugee any more, this is my motherland. At first we were treated very well in Armenia, but soon public attitude towards refugees gradually worsened... I always feel bad about that. At the same time, I have to mention that I have a couple of friends here, who are wonderful people and who are very close to me, as if they were my real relatives... I have grown much attached to our home; I no longer want to leave it” (Inna M.).

“I don’t think I am a refugee. But you know, in my heart, I still feel pain and suffering. I had an orchard in Kirovabad [Gandja] with many persimon trees – we call it 'korolyok'. You know, I just cannot buy them, even now. My children feel much better than we do. They have grown up here, they have friends, acquaintances, and they know a lot of people. When we came here they were aged 3, 9, 13 and 15, respectively. Even though we had very tough days here, we do not regret coming to Armenia” (Anya O.).

Conclusions

The research showed that the households had to resort to a combination of all available livelihood strategies (labor migration and land cultivation) to survive. Despite some parity in assets and capabilities, decisions and actions influenced by psychological factors, within or outside the existing pool of resources, appeared to have played the key role in determining the long-term goals, opportunities and plans of the households, albeit with different results.

Also, the research demonstrated that adaptation was especially important for the livelihood strategies of the refugees. My own family's case (my father's case in particular) and Anya's case showed that social learning plays an important role for livelihood strategies and greatly helps in coping with hardships and challenges. Long-term changes in livelihood strategies, conditioned mainly by the absence of or limited nature of opportunities for employment and labour migration for older members of the households, such as the adaptation to rural lifestyle and adoption of rural practices appeared to have had a strong impact (in all three cases the refugees were forced to move from urban to rural areas). For the younger generation, however, rural practices, i.e., farming and gardening are not the priority. But this problem relates to external factors and is common for all rural communities of Armenia. Although the transition from urban to rural life had an overall positive impact, the livelihood strategy was limited to land cultivation (as a major source of income) – there was no case of livestock farming or any other agricultural activity. Another finding of the research is that capabilities directly affect, or even precondition, the choice of livelihood strategies, paving the way for the adaptation and further integration of the households and their members, though there are objective differences between older and younger generations.

The cases have shown that a common and clear agenda for all household members ensures consistency in actions and this is reflected in livelihood strategies. It was found also that humanitarian assistance, contrary to all expectations, played little, if any, role (even though I feel differently on an emotional level) as its share in the household livelihoods was very insignificant (the households knew they could not rely on it). Finally, while adaptation is a direct long-term result of the livelihoods, integration, albeit based on adaptation, seems to be a more complex, multi-factor and – to some extent – even a psychological process.

References:

1. CIS Migration Report compiled by Messina Claire, Technical Cooperation Centre for Europe and Central Asia, International Organization for Migration, Geneva, 1996.
2. Chambers R. and Conway G., Sustainable Rural Livelihoods – Practical Concepts for the 21st Century, IDS Discussion Paper 296, Brighton, 1991.
3. Ellis F., Rural Livehoods and Diversity in Developing Countries, Oxford University Press, Oxford, 2000.
4. UNHCR, 2005, Statistical Yearbook: Armenia, extracted from <http://www.unhcr.org/4641835e0.html> on 24.02.2010.

СТАТЬ ГОРОЖАНИНОМ: СЕЛЬСКИЕ МИГРАНТЫ В СОВРЕМЕННОМ ЕРЕВАНЕ

Амалия Диланян

Введение

В Ереване, как и в других городах Армении, нередко можно слышать споры о том, кого считать «истинным ереванцем». В общественных дебатах часто высказывается мнение, что «Ереван – это большая деревня»¹, или скорее даже «длярёвня», если кто-то хочет особо подчеркнуть отрицательное отношение к сельской составляющей столичного населения. Существует распространенное мнение, что «деревенского не перевоспитаешь», что отражено даже в армянских поговорках («Сколь сельчанина не вари [не воспитывай], уши останутся сырыми»). В городской среде часто звучит слово «гехци», имеющее негативную коннотацию (производное от «гюхаци», буквально «селянин»), которое наши ереванские собеседники охарактеризовали как некое свойство, не связанное с происхождением. То есть подразумевается человек, не столько не знакомый с городской культурой, сколько «некультурный» (не обращается на Вы, громко говорит в общественных местах, кричит и т. п.). Вместе с тем, во время беседы те же информанты приводили множество характеристик, связанных с противопоставлением города и деревни². Причем интересно то, что основные определения города и села у наших сельских и городских собеседников совпадали. Преобладала точка зрения городского жителя, что является дополнительным указанием доминирования городского дискурса как

¹ Это мнение, среди прочих, высказал также архитектор М. Арутюнян, который в ходе нашей беседы сказал, что «...переезжая в Ереван, сельские жители вместо того, чтобы стать городскими жителями, превращают Ереван в деревню». Фразу «Ереван – это большая деревня» можно встретить также в сатирическом представлении «Семь с половиной» (2008/9).

² Мы не станем здесь подробно останавливаться на этих характеристиках, поскольку в данном случае нам важен сам факт противопоставления.

властного³. Бесперывный миграционный поток не позволяет деревенскому жителю полностью интегрироваться в городскую среду, вследствие чего в Ереване распространились «провинциальные элементы»⁴.

Следует принять во внимание особенности формирования Еревана, где значительная часть населения состояла не только из мигрантов из разных областей Армении, но также из беженцев из армянских областей Османской империи времен геноцида и репатриантов Второй мировой войны. До начала исследований, мне казалось, что нетрудно будет найти потомков ереванцев, которые уже на протяжении пяти-шести поколений живут в столице. Оказалось же, что найти жителя города даже в третьем поколении, очень трудно. И сегодня Ереван, в отличие от других городов Армении, пополнение населения которых пошло на убыль, продолжает принимать новые миграционные потоки из всех частей страны.

Из этой перспективы еще в советское время Армения была похожа по форме на головастика, головой которого служил Ереван, будучи по численности населения и экономическому значению несравнимо больше всей остальной территории вместе взятой. Масштабы подобной диспропорции связаны с практиками обустройства советских городов, когда, например, для разрешения на строительство метро необходимым условием была численность жителей не менее миллиона. Поэтому зачастую рост города искусственно стимулировался местными властями, что, в свою очередь, создавало благоприятную обстановку для новых миграционных потоков из сельской местности. Таким образом, мигранты из сел и провинциальных городов составили большую часть столичного населения. Более того, Ереван часто называют «мозаикой Армении», в нем проживают представители всех областей как Советской, так и Западной Армении.

Роль и значение Еревана сегодня меняются. Он претендует на звание «столицы всех армян». Соответственно, становится актуальным вопрос о том, кого считать «настоящим ереванцем», и как влияют на городскую среду мигранты из села.

Попадая в большой город, мигранты, переехавшие сюда индивидуально или вместе с семьей, встают перед задачей адаптации к новой среде. Возника-

³ Cp. Lipton M., *Why Poor People Stay Poor: Urban Bias in World Development*. London: Temple Smith, 1977, p. 13.

⁴ Тадевосян А. Этнокультурные аспекты переходного периода в городской среде Армении // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Сборник тезисов докладов международной научной конференции, Тбилиси, 25-27 июня 2009 года. Тбилиси, 2010, С. 554.

ют вопросы, почему и насколько они хотят или не хотят адаптироваться к этой среде. Поиск ответов на эти вопросы поможет нам решить основную задачу нашей статьи – выяснить, каким образом в повседневной практике адаптационные процессы влияют на формирование городской идентичности.

Методика исследования

Уже во время первого интервью стало ясно, что для всестороннего исследования отдельным кейсом необходимо считать семью, а не отдельного мигранта, так как каждый член семьи играет определенную роль в адаптации и новой социализации других ее членов⁵. Поэтому я посчитала необходимым использовать в моем исследовании стратегию «case study».

Основными методами полевого исследования стали биографические интервью, участвующее наблюдение и элементы автоэтнографии (я рефлексировала собственный миграционный опыт). Исследование было основано на изучении трех кейсов, то есть трех семей. Автор статьи является членом одной из них. Все семьи связаны родственными узами, то есть в статье анализируется случай единой родственной сети. В двух семьях в течение месяца велись контактные дневники, а также проводились биографические интервью с женщинами, с которыми технически было проще выходить на контакт. Беседы на отдельные темы проводились и с мужчинами из этих семей. Кроме того, проводилось наблюдение за всеми членами семьи в разных ситуациях. Семьи-кейсы были выбраны по следующим критериям:

1. Были учтены причины переезда из села/провинциального города, так как в зависимости от этого по-разному может протекать привыкание к новой городской среде, формироваться установка на адаптацию и изменения локальной идентичности (если таковое происходит).

2. Учитывалось, переехала ли вся семья сразу или члены семьи переезжали поочередно. Это важно, поскольку для остальных членов семьи уже переехавший родственник становится важным ресурсом для адаптации, помогая новичку быстрее интегрироваться в городскую среду. Его городские социальные связи (друзья, коллеги) могут помочь при формировании новых социальных сетей.

⁵ Например, мать семейства признается, что причины принятия некоторых решений ей неизвестны, и что в основном это был выбор её детей.

3. Важно было время проживания в Ереване. Этот факт значим для наблюдения за тем, как время влияет на формирование городской идентичности и на трансформацию прежней локальной идентичности.

Чтобы понять игру и получить от нее удовольствие, зрители должны быть в состоянии следить за изменяющимися взаимосвязанными позициями игроков, т.е. текучей фигурацией, которую образуют обе стороны. Здесь, возможно, еще более отчетливо видно, как бессмысленно было бы рассматривать отдельных играющих индивидов самих по себе как «конкретных», а фигурации, которые они вместе создают, обозначать как «абстрактные», или отдельных играющих индивидов как «реальных», а их группировку, текучую фигурацию на игровом поле как «нереальную»⁶. Для того, чтобы понять такие фигурации, я решила провести интервью и с «коренными ереванцами». Было бы слишком поверхностным рассматривать только «действующих лиц», ибо формирующие «реальность» действующие фигурации двусторонние.

Три варианта адаптации

Итак, для исследования были выделены три основных фактора, которые воздействуют на формирование локальной идентичности: время проживания в городе, наличие социальных сетей на новом месте и причина переезда, к которой мы подробно обратимся в следующей части работы. Влияние указанных факторов рассмотрим на материалах исследования трех семей:

► *Семья-1* (небольшой стаж миграции): отец Саро⁷ – 51 год, мать Нона – 51 год, старшая дочь Луна – 25 лет, младшая дочь Анна – 21 год. Семья переехала в Ереван 2,5 года тому назад. Переезжая сюда, они уже заведомо намеревались поселиться здесь навсегда.

► *Семья-2* (хорошо адаптированная⁸): отец Айк – 41 год, проживает в Ереване 17 лет, мать Нора – 41 год, старшая дочь Нуне – 18 лет, младшая дочь Астхик – 16 лет, сын Мгер – 12 лет, все вместе живут в Ереване 15 лет, сын родился после переезда. По сравнению с двумя другими кейсами

⁶ Элиас Н. Понятие фигурации / Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. С. 64.

⁷ Все имена вымышленные.

⁸ Степень адаптации определена по отношению к двум семьям, включенным в исследование.

данная семья наиболее адаптированная. Члены семьи не только живут долгое время в городе, но и дети уже прошли одно из важнейших звеньев социальной адаптации – школу в Ереване.

► *Семья-3* (промежуточное положение): отец Вардан – 52 года, живёт в Ереване 15 лет, старшая дочь Мане – 29 лет, живёт в Ереване 12 лет, младшая дочь – автор статьи – 24 года, живет в Ереване 9 лет, мать Алла – 52 года, в Ереван не переехала⁹.

Формирование городской идентичности в повседневной практике

Действия человека опираются на его же субъективные интерпретации социальной реальности, которая является совокупностью нравственных принципов, норм, ценностей и правил. Все это кажется настолько естественным, что воспринимается само собой разумеющимся¹⁰. Опираясь на эти представления, люди проводят между собой границы. Восприятие различий и становление границ идет от повседневных ситуаций. Оказавшись в новой среде, сельский мигрант вынужден приспособиться к иной институциональной системе (транспорт, дорожно-транспортные правила, отличающиеся от сельских правила гостеприимства), новым отношениям, и освоить городскую среду.

Городское пространство

Для адаптации к городской среде значение имеет причина переезда. Отец семейства-3, Вардан, в условиях кризиса 1990-х гг. переехал в Ереван для того, чтобы заработать деньги и оплатить учебу дочери. В дальнейшем он основал свой бизнес в Ереване. Однако, несмотря на имеющиеся экономические возможности, он так и не приобрел квартиру в Ереване. При появлении дополнительных финансовых ресурсов Вардан предпочитает ремонтировать и обустраивать свой дом, находящийся в городе N. На требования дочерей приобрести квартиру в Ереване, он обычно отвечает, что у него уже есть дом.

⁹ Варданян М. А. Психологическая трансформация этнической идентичности мигранта-армянина (на примере мигрантов-армян), <http://www.ethnonet.ru/lib/0604-01.html/11/05/2010>.

¹⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: 1995. С. 54-78.

Вардан, говоря о своих будущих планах, предполагает возвращение. То есть переезд в Ереван он всегда рассматривал как временную трудовую миграцию, а не возможность постоянного проживания на новом месте.

Семья-2 переехала в Ереван неожиданно и была вынуждена «сжечь за собой мосты». Первое, что они запланировали, это приобретение квартиры, для чего на протяжении трех лет разрабатывались различные тактики, которые помогли бы скопить достаточно средств для достижения цели. Предполагался даже отъезд за границу на заработки. Стремление во что бы то ни стало приобрести квартиру в Ереване свидетельствует о твердом намерении семьи обосноваться здесь и об установке на интеграцию в новую среду.

Айк в 1995 году проживал в аспирантском общежитии в Массиве¹¹, где занял две комнаты, чтобы можно было перевезти семью. Спустя два года сюда переселилась вся его семья. В дальнейшем они с большими трудностями приобрели соседнюю комнату. Затем за счет коридора была увеличена площадь комнат. Эти перестройки были узаконены, и семья проживает здесь до сегодняшнего дня. Квартира все это время находилась в процессе ремонта. Хозяин думает о приобретении второй квартиры. Жена Нора рассказывает, что Айк уже постепенно свыкается с мыслью о приобретении новой квартиры, так как, по его словам, *«есть сын, и необходимо отдельное жилье. К тому же все-таки это не квартира, а общежитие»*.

Приобретение новой квартиры для отдельного проживания с сыном свидетельствует о том, что Нора и Айк не планируют возвращения, несмотря на то, что в селе у них есть дом. В отличие от них, семья-1 просто не имеет возможности возвратиться и вынуждена остаться в Ереване. Нона говорит: *«Для меня очень сложно. Хочу поверить, что должна остаться здесь, что буду жить здесь до конца жизни и буду похоронена здесь»*.

В плане освоения городского пространства, в первую очередь, осваивается микрорайон, где обосновались мигранты. Независимо от того, хотят ли семьи приобрести квартиру или нет, они предпочитают арендовать или приобрести квартиру в том квартале, где проживают сейчас. Освоение микрорайона, который случайно стал местом их первичного проживания, часто превращает его в желаемое место для приобретения собственной квартиры, дома или даже для снятия нового жилья.

¹¹ Является периферийным районом Еревана.

Когда возник вопрос о переезде, семья Вардана всячески пыталась найти квартиру в округе Аван, а особенно в районе участка Исаакян, где она арендовала жилье. Когда Вардан предложил переезд на улицу Дурьяна того же микрорайона, дочери отказались переезжать, обосновав свой отказ тем, что там практически нет транспорта до центра города. Однако, когда один из друзей Вардана предложил переехать в Джрвеж¹², дочери начали искать квартиру на улице Дурьян, поскольку для них переезд в Джрвеж был равнозначен возвращению в город Н. Вардан сам не захотел переехать. И не только из-за того, что пришлось бы переместиться в более отдаленный от центра район. Ему предлагали снимать квартиру и в других кварталах, была возможность переехать и в центр города, но он отказался от всех этих вариантов. Дело дошло до того, что друзья начали шутить по этому поводу, а один из них предложил переехать на Северный проспект¹³, на что Вардан ответил, что не переедет туда, даже если будет иметь такую возможность. Он предпочитает Аван, поскольку воздух там чистый. Та квартира, которую хочет приобрести семья Саро, также находится в округе, в котором они живут в арендованной квартире.

Таким образом, освоение первоначального района проживания, выбор которого часто обусловлен случайными обстоятельствами, может стать местом более или менее постоянного проживания именно в силу его освоенности и знания. Семьи обычно хвалят те кварталы, где живут, иногда вступая в спор о том, чей же квартал лучше. Можно предположить, что возникает привязанность к новому месту жительства.

В истории Еревана немало примеров, когда именно мигранты являлись основателями новых микрорайонов. Это происходило, например, в первой половине двадцатого века, когда большие миграционные потоки оставили свой след на формировании городской среды, а также на топонимике города. Бурное развитие промышленности после Великой Отечественной войны вызвало быстрый прирост населения за счет миграции жителей сельских районов, а также так называемой «репатриации»¹⁴. Вокруг Еревана появляются новые районы (Новый Арабкир, Новая Себастия, Новая Бутания, Новый Ареш, Зейтун, Новая Малатия). Их названия отсылают к

¹² Участок, относительно недавно вошедший в административные границы Еревана и, по сравнению с Аваном, более отдаленный от центра.

¹³ Новый элитный и дорогостоящий район, построенный в центре старого Еревана.

¹⁴ См.: Малхасян М. Изменение численности населения в XX веке // Ереван 2. Сборник научных статей. Ереван, 2009. С. 71-75.

регионам исхода мигрантов, которые после кровавых событий начала двадцатого века оказались в других странах. Их переселение в советскую Армению понималось как «возвращение на родину» и вошло в общественный и научный дискурс как «репатриация», хотя на ее территории многие из этих мигрантов ранее никогда не бывали.

Итак, эти новые микрорайоны в основном были заселены «репатриантами». «Репатрианты» жили там в определенной изоляции от центра, населенного преимущественно «коренными ереванцами». У «репатриантов» были свои земляческие, ремесленные союзы. Эти микрорайоны были похожи на своеобразные «гетто»¹⁵, и местные прозвали эти кварталы «ахпарскими»¹⁶, а территорию между юго-западным районом и деревней Аргаванд – Ахпарашеном (т.е. построенный ахпарами)¹⁷.

Со временем облик кварталов меняется, особенно в 60-70-е гг. прошлого века, когда в этих районах начинается строительство многоквартирных домов. Туда переселяются «местные», активизируется общение между «местными» и «репатриантами», что способствует их сближению.

Сегодня новые районы в Ереване не называют именами поселений репатриантов. Однако на ереванских улицах можно увидеть магазины или предоставляющие различные услуги учреждения, которые повторяют названия армянских поселений («Джавахк», «Воскетас», «Джаджур» и т. д.). Кажется, что топонимы отражены уже только в названиях магазинов, поскольку переселенцев теперь не так много, они не живут компактными общинами, так что перенести название их бывшего поселения на нынешний район проживания невозможно.

Однако прежнее поселение, как и сто лет назад, имеет для мигрантов очень важное символическое значение. Магазин «Джавахк» находится в районе Аван, где временно и проживает наша семья. Как-то раз, проходя мимо одного из зданий напротив магазина, мой отец сказал: «Это здание ахалкалакцев». Позже я попыталась выяснить, живут ли еще в этом доме ахалкалакцы. Выяснилось, что они здесь действительно проживают и более того – в округе их довольно много.

¹⁵ Степанян А. Строительство пригородных районов Еревана в годы репатриации зарубежных армян // Ереван 2. Сборник научных статей. Ереван, 2009. С.139-147.

¹⁶ Ахпар – западно-армянский вариант слова «ехпайр», что в переводе означает «брат». Это распространенное среди репатриантов обращение, ставшее обозначением всей их группы, имело негативную коннотацию. См.: Степанян А. Репатриация XX века в системе армянской идентичности. Ереван, 2010. С. 202-214.

¹⁷ Мирзоян Л. Топонимы как источник исследований. Неофициальные топонимы Еревана сегодня // Проблемы армянской генеалогии и археологии, I // Материалы IX республиканской конференции молодых ученых. Ереван, 2006. С. 85-89.

Нужно учесть, что Зейтун, Арабкир и другие районы были построены на деньги репатриантов, благотворителей, земляческих союзов. В нашем случае жильцы въехали в уже готовые дома. Аналогично было в юго-западном районе, где компактно живут мартунийцы. В Ереване правительство построило жилой дом для строителей тоннеля Арпа-Севан, а так как все строители были из Мартуни, то они, компактно поселившись там, создали свой небольшой «островок», как они выражаются, «словно настоящий Мартуни»¹⁸. Компактное проживание в какой-то степени изолирует группу и часто мешает усвоению существующих городских практик. Подобные островки могут не только стать помехой на пути интеграции в городскую культуру, но и, напротив, способствовать рурализации городских районов.

Транспорт

Следующим важным фактором освоения городского пространства является городской транспорт. Здесь важно учесть, сколько времени сельский мигрант находится в Ереване. Поначалу он боится потеряться в этом пространстве. Луна:

«Я села на трамвай номер 5, чтоб поехать домой к тете. Посмотрела на трамвай. Села и изнутри заметила, что на нем написано один. Я замешкалась. Выбежала на улицу. Подумала, что я неправильно села. И что я так потерялась? Сошла и увидела, что это была все-таки пятерка».

Вспоминая сейчас этот эпизод, Луна поражается своему страху. Сейчас, как отмечает Луна, она спокойно пользуется транспортными средствами, читая на транспортных щитках, куда едет. Интересно, что когда Луна готовилась в Ереване к сдаче вступительных экзаменов, пользоваться трамваем ей строго наказала мать.

«Трамвай – это не троллейбус, раньше мы больше пользовались этим средством. Особенно я обязательно передвигалась на пятом трамвае, сходила на Шираке. Когда я отправлялась домой к Анжик, я садилась на

¹⁸ Спасибо социологу Алине Погосян за эту информацию.

трамвай номер 5, сходила на улице Комитаса, отправлялась домой к сестре. Для меня этот транспорт был очень легко передвигаемым» (Нона).

Привязанность возникает как к участкам, так и к определенному транспорту. Сейчас Нона предпочитает передвигаться на автобусах:

«Меня только тревожило то, что дверь маршруток открывалась и закрывалась с трудом. А то мне очень нравилось ездить на трамваях и троллейбусах (поскольку нет нужды самой открывать дверь). Я не боюсь, я могу спросить и сесть. Просто меня теснят маленькие, низкие места. Когда мы шли домой, мы обязательно ждали автобуса номер 36, который был относительно пустым. Когда же приезжала полная маршрутка номер 115, Саро не садился, ждал 36 номер, чтоб спокойно сесть и приехать домой. А мы ходили на улице Комитаса».

Избегание Ноной маршруток обусловлено еще и тем, что те часто не останавливались и она шла пешком. Дочери спросили ее потом, почему она не едет на 115 номере, и она ответила, что водители не останавливаются, думая, что она деревенская женщина. Позже выяснилось, что она просто не стоит на остановке. То же самое происходило с ее дочерью, когда та только приехала в Ереван. Она по привычке останавливалась на местах, похожих на те, где останавливается водитель автобуса города N, но которые не были остановками для ереванского транспорта.

Итак, для сельского мигранта проще освоить тот городской транспорт, который меньше сопряжен с непосредственной коммуникацией и где правила его использования более анонимизированы, так что нет необходимости дополнительно вступать в коммуникацию с водителем. Он стремится избегать просьб остановиться на нужной остановке и самому открывать дверь, тем более, что в силу того, что это могут быть разной марки машины, не всегда можно сориентироваться как это делать. Надо заметить, что подобные сложности испытывают и многие городские жители, но в отличие от них, рассматривающих замещение городского транспорта маршрутными микроавтобусами как деструкцию городского пространства и результат переходного периода, сельский житель эти сложности приписывает отсутствию практики пользования городским транспортом, вплоть до дискриминации по причине сельского происхождения.

Одежда

Одежда является тем важным элементом (атрибутом), который содержит в себе информацию о человеке. Оказавшись в городе, сельский житель вынужден учитывать принятые здесь каноны. Если прежде он не обращал особого внимания на одежду, то в Ереване это приобретает важное значение. Часто в городской среде можно услышать: «Этот, видно, только что приехал из деревни». Когда я спрашивала у моих собеседников-горожан, что же, собственно, видно, то они отмечали в первую очередь одежду. Одежда является одним из более критикуемых элементов внешнего вида сельского мигранта. Мои собеседники отмечали, что крестьяне не могут как следует подобрать одежду и ее цветовые сочетания¹⁹. Одна из моих собеседниц отметила, что деревенские парни оставляют расстегнутыми пуговицы на рубашке, из-под которой видны волосы на груди, что не эстетично. Они не знают, что под рубашку следует надевать майку²⁰.

Я постоянно замечала, что для членов нашей кейс-семьи одежда не была особенно важна. То, что в сельской среде одежда не играет большой роли, показывает также другое наблюдение. В отличие от студентов-горожан, студенты из села покупают одежду в начале учебного года. А городские студенты приобретают одежду при каждом удобном случае, например, во время больших скидок²¹. Мои собеседники связывали эту практику с сельским повседневным образом жизни: «*Сельчанин не думает о том, какую одежду он должен надеть утром, чтоб пойти и начать дойку коровы*», – говорит Мане. В деревенской жизни, где доминирует земледельческий и скотоводческий труд, практически отсутствуют места досуга. Никто не размышляет о том, какую одежду надевать утром или вечером. Таким образом, одежда занимает относительно мало места в повседневной жизни деревни. Нарядная одежда становится чем-то, что предусмотрено для особых случаев.

Сразу после переезда в наших кейсах также не придавалось значения одежде: «*Отец в городе N мог пойти на работу в рваной обуви. Он не обращал внимания на то, что он одел*», – рассказывала Луна.

¹⁹ Схожую информацию приводит также Татевик Дарбинян в своей курсовой работе «Выражение группового и национального в современной одежде у молодых людей Еревана» (манускрипт).

²⁰ Я бы отметила, что это присуще не только жителям села, но и ереванцам.

²¹ Эти сведения содержатся в упомянутой курсовой работе Татевик Дарбинян (манускрипт).

«Смотрели на меня взглядом Пайцика²², мол, что же ты надела. А для меня это не было настолько важно. Я могла ходить целый семестр в одних брюках на лекции... Я ходила на лекции в дырявых сапогах, и когда вспоминаю сейчас, понимаю тех людей, которые не хотели со мной общаться»²³, – рассказывает Мане, – «Я не понимала, почему они так ведут себя. Сейчас, когда я смотрю на первокурсников, я понимаю это»²⁴. Она осознала потом, что проблема была в ее одежде. Эти примеры дают хорошее представление о важности наличия «местного» советчика, с помощью которого можно нивелировать внешние различия и приобрести уверенность в себе.

Луна, которая приехала в город еще в студенческие годы, помогает сестре при выборе одежды, покупает новую одежду для отца и матери. Необходимо отметить, что для изменения представлений об одежде, как и в целом для адаптации, важное значение имеет работа. Луна отмечает, что условия работы сделали ее отца более аккуратным, а Нона говорит, что переезд был легким, так как сразу же начали работать. Мане, после того как поступает на работу, меняет стиль одежды со спортивного на классический. Теперь Нору можно часто увидеть с дочерьми во время посещения магазинов в период скидок. Покупка какой-либо одежды практически каждый месяц стала частью повседневной жизни.

Поскольку наши семьи поддерживают связи с прежним местом жительства и часто посещают родственников по различным поводам, то им приходится время от времени переключаться на культуру, о которой они так стараются забыть в новой среде. И если в каждодневной одежде легко сориентироваться, главное – помнить ограничения, которые характерны для сельской мест-

²² Пайцик была героиней популярной в 1980-х гг. в Армении театральной постановки «Такси, такси». Она являлась тещей главного героя, который с подчеркнутым отвращением и запомнившейся многим гримасой произносил имя тещи. В данном случае информантка, идентифицируя себя с этой героиней, имеет в виду презрительное отношение, доходящее до отвращения.

²³ Одежда для моего собеседника-горожанина тоже служила причиной дистанцироваться от сельских сокурсников-мигрантов, она была воспринята как опосредованная форма выражения интересов, мышления ее носителя. «Были ребята, для которых одежда была способом самоутверждения, а другие (приехавшие из районов) по своему представлению одевались красиво не для того, чтобы подчеркнуть свою индивидуальность. Я на джинсах жавелем написала что-то. У нас был переходный возраст, хотели самоутвердиться, такие вот нелепости вытворяли. Просто у нас не было никаких тем для общения, ничего общего» (Ж., 28 лет, Ереван).

²⁴ Неосознанность проблемы может оказаться помехой в процессе интеграции в городскую среду. В нашем кейсе Мане взяла отпуск. В известных мне нескольких случаях после академического отпуска учеба не была продолжена. Процесс адаптации, освоения «городской моды» на примере выбора одежды первокурсниками и старшекурсниками Ереванского госуниверситета описан в курсовой работе Т. Дарбинян.

ности²⁵, то допустимые пределы праздничного туалета во время свадеб или иных обрядов хорошо представляют только недавно уехавшие. После переезда в город Луна купила для Ноны брюки, которые она не берет с собой при поездке в деревню, поскольку в деревне их носить не принято. Вардан и его дочери сталкиваются с некоторыми проблемами во время посещения свадеб, так как дочери не удается выбрать правильный наряд. Он оказывается либо слишком экстравагантным, либо совершенно неприметным, что также не очень желательно для сельского «репатрианта».

Семья Айка (семья-2) во время поездки в деревню не очень стремится подобрать специальный наряд и не делит одежду на «ереванскую» и «сельскую». Зато коррекции подвергается поведение членов семьи. Семья отдыхала на черноморском побережье с коллегами Айка. Однако отдых там им не понравился, и они решили переместиться к родственникам. Когда они встретились, у Айка в руках была сигара. Жена косым взглядом намекнула мужу, чтоб он ее выкинул. Айка, взглянув на родственников, обратился к жене с просьбой принести спички, чтоб закончить с этой «буржуазной» привычкой, смущаясь, что его с сигарой застали бывшие земляки. В ситуациях временного погружения в среду бывших односельчан у сельских мигрантов быстро срабатывает механизм переключения²⁶. Живя в Ереване уже долгие годы, поддерживая при этом связи со своими земляками²⁷, Айка выработал такой механизм. В нашем третьем кейсе подобный механизм переключения между разными системами правил развит куда менее. Старшая сестра жаловалась, что плохо себя чувствует из-за того, что не может подобающим образом «хорошо» угостить родственников, приехавших из провинции, так как никак не может понять, как же правильнее организовать такое угощение: на «городской» или «сельский» манер.

²⁵ Например, нежелательны блузки на бретельках, обнажение живота, ношение шорт и т.п.

²⁶ О переключении идентичности и соответственного поведения см. Georg Elwert, *Switching of We-Group Identities: The Alevis as a Case Among Many Others*: In Kehl-Bodrogi, Krisztina – Kellner-Heinkele, Barbara – Otter-Beaujean, Anke (eds.): *Syncretistic Religious Communities in the Near East*, 1997, Koninklijke Brill, Leiden, pp. 65-87.

²⁷ Каждую субботу и воскресенье Айка едет в деревню.

Гостеприимство

Новый год отмечается с большим размахом как в селах, так и в Ереване. Этот праздник играет важную роль в общественной жизни и является неформальной регистрацией социальной сети, так как все родственники и друзья обязуются посетить дома друг друга и тем самым напомнить о своем присутствии в жизни данной семьи или человека. Исследование этого празднования дает интересный материал о формировании новых сетей и поддержке старых.

Был получен сравнительный материал городских и сельских ритуальных практик празднования Нового года. Одной из них являлось новогоднее угощение, оформление праздничного стола. Несмотря на то, что собеседникам нравилось повторять, что важным элементом хорошего новогоднего праздника является не стол, а «веселое сердце» и «семья»²⁸, стержнем обсуждений во время интервью являлся именно стол, его содержание и оформление.

Я попросила Нону (семья-1) рассказать о Новом годе. Она отметила, что практически ничего не изменилось как в подготовительных работах, так и в блюдах, подаваемых на стол. Только вот сейчас больше покупок делают дети. Мане (семья-3) выразила удивление во время интервью, насколько бедным оказался стол там, где она гостила, и вспоминала как «по обычаю» стол «богато накрывался», когда она только приехала.

«Стол ... должен быть полным настолько, чтобы когда твои гости ушли со стола, должно казаться, что они ничего не тронули, ничего не убыло... А сейчас, когда приходят, думаю о том, чтобы едва хватило, на столе осталось бы как можно меньше, было бы ровно столько порций, сколько гостей сидят за столом. Сейчас важнее подать необычное блюдо, чтобы оно чем-то заинтересовало, удивило гостей».

Несмотря на то, что Мане отмечает некоторые изменения в правилах гостеприимства, она в то же время поражается бедному содержанию стола горожанина. Пока процесс адаптации не завершился, Мане очень боялась того, что может угостить неподобающе родственников из района и тем самым обидеть их. Однажды пришедшие родственники пожаловались, что их

²⁸ Определения даны собеседниками.

встретили нерадостно. Дело в том, что моя родственница, которая живет в Ереване, захотела сделать что-то особенное и вечером предложила гостям хаш (жирный бульон), тем самым нарушив привычный порядок и правила угощения, так как это блюдо традиционно подается лишь в утреннее время. Это было воспринято как нечто оскорбительное. Мане боялась, что похожая ситуация может сложиться и с ней. Если для ереванца следует придумать что-то оригинальное, то для родственников это должно быть традиционное блюдо. Из перспективы двух локальностей – сельской и городской – одни и те же практики удостоиваются различных оценок.

Звуки

Недавно переехавшие в город сельские жители остро воспринимают «городские звуки». Они ощущают дискомфорт из-за звукового поля, которое городской житель, как правило, не воспринимает. Например, когда семья-1 переехала на новую квартиру, мать семейства не могла заснуть, поскольку умывальный соседка находилась над их спальней. Когда соседка открывала воду ночью, ей казалось, что вода лилась прямо на нее. В первое время любимым занятием одной из дочерей было лежать на полу и слушать звуки соседского телевизора. Для недавно приехавших было странно, что люди живут «друг на друге» (это тем или иным образом постоянно отмечалось в интервью). Когда они переместились в другое здание со сравнительно лучшей звукоизоляцией, уже было странно и непривычно лишиться прежних звуков.

Дома у Саро всегда просят, чтобы разговаривали тихо, так как *«стены настолько тонкие, что слышно все, о чем говорят»*. Нона рассказывала, что когда она только переехала, то *«слышала, как дышит сосед»*. «Странности» определенно отражаются на формировании новых повседневных практик, так как формируется представление, что ты разделяешь с чужими людьми единое пространство и вынужден подчиняться новым правилам сосуществования. Нельзя было шуметь, вешать капающее мокрое белье и т. д.

Как мы помним, когда семья Айка только переехала, ему удалось занять две комнаты в общежитии. Для того чтобы дойти до «спальни», не проходя по общему коридору, он вынужден был прорубить в стене между комнатами дверь. Соседка, услышав шум, пожаловалась в милицию на

перестройку помещения. Милиционер сказал, что нельзя изменять что-либо. Айк попросил разрешить ему маленькое самоуправство, так как он не мог постоянно таскать маленьких детей через коридор, и пообещал, что если придут проверять, он поставит назад «плиты перегородки».

Интересно, что соседка пожаловалась не на шум, а на нарушение правил коммунального сосуществования. Здесь под «сосуществованием» понимают не только условия безопасности, но и разные формы поведения, в той или иной степени имеющих потенциал воздействия на жизнь соседей²⁹. Иногда эти условия нарушались настолько, что ответственные за здание были вынуждены повесить в лифте призыв к жильцам не выбрасывать мусор из окон³⁰.

Язык

Язык считается одним из тех важных маркеров, при помощи которых проводится граница между «чужим» и «своим». Неслучайно в армянском языке слова «барбар» (диалект) и «варвар» имеют единый корень³¹. Локальный язык, диалект или говор, в этом случае становится важным маркером для самоидентификации и экзоидентификации. Когда Айк разговаривает на сельском диалекте, дочери просят отца перестать, на что отец демонстративно говорит громче: «*Что такое? Это же наш язык*». Когда он обзывает какого-то горожанина, он делает это при помощи диалекта не для того, чтобы его не поняли, а для того, чтобы как-то выделиться, подчеркнуть свое происхождение, показывая, что он «чужой», но тем не менее «хороший» и «честный». Айк любит говорить, что они из дворянского рода, тогда как непонятно, что из себя представляют ереванцы («*кто такие эти ерлаканы?*»). «Ерлакан» является диалектным словом, которое означает «местный». Эмигрировавшие в 1915 году из-за геноцида сасунцы так называют местных, в том числе даже тех, кто эмигрировал еще в 1894-96 гг. во времена гамидовских погромов в том же Сасуне.

С другой стороны, переход к диалекту является выражением прина-

²⁹ Ср.: Утехин И. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2001.

³⁰ Объявление висит в лифте дома, где проживает семья-2. Необходимо отметить, что объявление не имело отношения к нашему кейсу.

³¹ Об этом смотри подробно: Abrahamian L., *Armenian Identity in a Changing World*, Mazda press, 2007, pp. 10-20.

длежности к «своей» группе. Дочь Айка рассказывала, что встретила преподавателя односельчанина, который узнав, чья она дочь, начал с нею разговаривать на диалекте. Он этим как бы показывал, что они «свои». Однако она постыдилась, что ее могут посчитать деревенской, хотя до этого она призналась сыну того же человека, что она из N. Постыдившись говорить на сельском диалекте с односельчанином, она с большим удовольствием делала это в своей городской среде, где она эпатировала диалектом или использовала его специально, чтобы развеселить окружающих. В данном случае язык становится чем-то, что может удивить, а не маркером сельского человека. Необходимо отметить, что члены семьи Айка гордятся тем, что они сасунцы. Интересно, что говорят именно «сасунцы», а не «энцы» (из N). Здесь, вероятно, отмечается субкультурная региональная особенность, а не сельскость. Аик единственный в семье всегда отмечает то, что он «энец». Более того, он считает свою деревню лучшей. Часто родственники шутят на эту тему (например: «*В вашей деревне скоро откроют теннисное поле*»). В исследуемых семьях переходят на диалект, когда принимают гостей-односельчан. Нона всегда с гордостью отмечает, что они говорят как ереванцы и все удивляются тому, что они лишь недавно переехали. Также она не забывает сказать, что они на прежнем месте жительства всегда отличались от других своим поведением:

«На нашей работе более не ощущают, что я приехала из деревни. Я не деревенщина, а приехала из деревни... эта наша кладовщица К. и та женщина, которая работает со мной, говорят, что они не ощущали, что я приехала из деревни. Приехали из деревни в город и не чувствуется разницы. Как будто родились и жили в городе. Не знаю, отчего это, от нашего поведения или от представлений. Можно сказать, что с сельскими мы сельские, а с городскими – городские».

Характерно, что здесь снова очевиден механизм переключения идентичности: соответствующее социальное окружение автоматически определяет выбор языка – «сельского» или «городского». Мане говорит, что ее всегда выдает звучность голоса и акцент. В данном случае, правда, языковой барьер не преодолен, но в то же время она этого не скрывает. Инте-

ресно, что Мане рассказывает о том, что она не любит, когда ее спрашивают, откуда она родом, так как она не считает себя ни жительницей Еревана, ни города N. Она и не знает, как ответить на этот вопрос: переходная ситуация, смена места проживания лишили ее локальной идентичности, что для большинства ее окружения является ситуацией «ненормальной».

Заключение

Проведенное исследование позволяет предположить, что локальная идентичность и адаптация к городской среде имеют обратную зависимость. Несмотря на то, что семья Айка является наиболее адаптированной к городской среде и считает себя «живущей в городе», ее локальная идентичность остается «энской». Во втором поколении уже формируется идентичность горожанина, однако дети также отмечают, что они, в первую очередь, сасунские (региональная локальная идентичность предков), а не ереванские. При этом отождествление с региональной группой более расширенного порядка становится альтернативой и средством отдаления собственной локальной идентичности.

Члены первой семьи, наименее адаптированной среди трех кейсов, во время наших бесед часто отмечали, что они полностью порвали прежние связи с селом, осознанно пытаясь стать горожанами. Здесь необходимо учесть, что для них как для новоприезжих вопрос репрезентации себя в новом качестве был более актуальным.

В случае третьего кейса мы увидели, как Мане отказывается делать выбор какой-либо локальной идентичности, несмотря на то, что считает себя живущей в городе, но этот вопрос для нее не столь важен. С другой стороны Вардан, живущий в городе дольше дочерей, резко отказывается признавать себя горожанином и остается «энцем». Такой выбор в пользу сельской идентичности возможно обусловлен его возрастом: становление Вардана, годы его молодости и формирования собственного «я» пришлись на время проживания в N.

Несмотря на перечисленные различия, во всех трех кейсах налицо хорошо работающий механизм переключения идентичности, в зависимости от актора коммуникации.

Итак, чем больше семья адаптирована (второй кейс) к новой среде, тем сильнее она подчеркивает свою «не ереванскую» идентичность, тогда как мигранты, оказавшиеся в Ереване сравнительно позже (первый кейс), наоборот, всячески стараются репрезентировать себя как местных, по возможности скрывая или хотя бы не афишируя свое сельское происхождение.

ДЕТИ БАКИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В АРМЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: НЕВИДИМАЯ ГРАНЬ ПОКОЛЕНИЙ

Татьяна Саркисян

*«Пришельца не притесняй и не угнетай его;
ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской»
(Ветхий Завет, Исх. 22:21)*

После распада СССР население закавказских республик оказалось разделено гражданством, а также правовыми, языковыми, валютными и таможенными барьерами, не получив необходимого времени для осознания новой ситуации и возможности выбора гражданства и страны проживания. Этнизированные элитами конфликты стали причиной возникновения огромного числа беженцев. Социальная интеграция этих беженцев является сегодня одной из важнейших проблем Южного Кавказа.

В 1991 году в Армении произошла коренная трансформация экономики и сформировалась новая политическая система, начали развиваться демократические институты. Дезинтеграция СССР имела тяжелые социально-экономические последствия для всего армянского общества. Конфликты конца 1980-х годов и война в Нагорном Карабахе привели к тому, что более 360 000 человек бежали из Азербайджана и нашли свое пристанище в Армении. Большая часть беженцев (81%) бежала из больших городов Азербайджана (Баку, Кировобад, Сумгаит), 16% – из средних или маленьких городов и лишь 3% – из сельской местности¹. Беженцы стали не единственной уязвимой группой в стране, так как большая часть населения столкнулась с безработицей и ухудшением жизненных условий, вследствие чего больше половины насе-

¹ Groenewold G., School J., The Living Conditions of Refugees in Armenia: Millennium Development Indicators and Coping Behavior // UNHCR Country Report, Armenia, 2006, (<http://www.nidi.knaw.nl/nl>).

ления Армении оказалось за чертой бедности². Однако с 1999 года и по сей день интеграция беженцев в армянское общество является важной стратегической целью государственной политики³, направленной на окончательное преодоление разделения общества на «беженцев» и «местных» в рамках концепции «Одно государство – один народ». После принятия нового закона о гражданстве в 1995 году начался долгий процесс добровольной натурализации беженцев и предоставления им гражданства Республики Армения, права быть избранным и голосовать, а также выезжать за пределы страны. Однако процесс натурализации все еще не закончен.

В этой статье я пишу о детях бакинских беженцев. Исследование показало, что следует различать два поколения детей беженцев. Для доказательства этого утверждения я анализирую их жизненный путь, имплементируемые ими стратегии выживания, социальную и территориальную организацию пространства, ценностные ориентации и коллективную идентичность в рамках соответствующего социально-экономического контекста. Статья является обобщением выводов качественного социологического исследования⁴, проведенного в Ереване в течение 2008 года, и изучения документальных источников, в частности отчетов Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев в Армении.

Казалось бы, прошел достаточно большой период времени (16 лет) для того, чтобы беженцы из Баку, а тем более их дети, стали полноценными членами армянского общества. Проведенное исследование свидетельствует, что дети беженцев на пути интеграции в практически моноэтническое армянское общество сталкиваются с определенными барьерами. К ним относятся: компактное проживание, плохое владение армянским языком, место рождения и возраст информанта, а также стереотипы, существующие в армянском обществе в отношении бакинцев.

² Там же.

³ Президент Армении Р. Кочарян неоднократно заявлял об этом в СМИ.

⁴ Исследование проводилось в Ереване. Были проанализированы биографии 10 информантов (найденных через социальные сети), рассказанные ими в рамках свободного интервью. Информантами стали дети тех, кто переехал в Ереван как беженцы из Баку после событий в Нагорном Карабахе в период 1988-1992 гг. Были проинтервьюированы как родившиеся в Ереване, так и те, кто переехал в Ереван в раннем возрасте (до 10 лет). Отдельный акцент был сделан на том обстоятельстве, проживали ли беженцы компактно или дисперсно. Все интервью были записаны на диктофон, а в дальнейшем транскрибированы для качественного анализа. Информация была кодирована по тематическим блокам. При кодировании первичных данных все реальные имена были заменены символическими для сохранения анонимности участников исследования.

Опираясь на эмпирический опыт западных ученых в изучении иммигрантов, а также на данные, собранные во время моего исследования, я выделила два различных паттерна поколений детей беженцев. Говоря о детях бакинских беженцев, я имею в виду молодых людей, проживающих в Ереване, чьи родители, перебравшиеся из Баку в Ереван, получили статус беженцев⁵. Выявление паттернов поколений стало возможным благодаря анализу поколенческих различий и выявлению факторов, влияющих на жизненный путь информантов.

В итоге мною были выделены второе и полуторное поколения детей бакинских беженцев. Ко второму поколению были отнесены дети, рожденные в Ереване, а к поколению 1,5 – рожденные в Баку. Различия в биографиях информантов, на мой взгляд, подтверждают гипотезу о правомерности этой типологии.

В начале статьи я рассматриваю методологический и теоретический дискурс о понятии «поколение» в социологии. Далее я описываю стратегии выживания детей бакинских беженцев в армянском обществе и пишу об основных факторах интеграции, рассматривая территориальную организацию пространства и языковую адаптацию детей беженцев. Последняя часть текста посвящена анализу различий между выделенными поколениями детей беженцев в контексте социализации, жизненного пути, социальных возможностей, ценностных ориентаций и коллективной идентичности.

Поколение: теоретический дискурс и методологический обзор

Социологическая традиция описания поколений берет начало в западной социологии со времен К. Мангейма⁶. Существует четыре интерпретации понятия «поколение»: биологическое, генеалогическое, демографическое и историко-культурное. Но, несмотря на многозначность понятия и широту его использования, можно констатировать, что методологической основой анализа поколений служит концентрация на социальной дифференциации, связанной с временными особенностями каждого последую-

⁵ В рамках данного исследования наличие либо отсутствие статуса беженца в настоящий момент не является значимым.

⁶ Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение, №2, 1998. С. 7-47 (текст 1928 г.).

щего поколения относительно общих черт данной исторической общности⁷.

К. Мангейм ввел концепцию «исторической локализации общностей». Условные поколения могут локализоваться на историческом континууме как хронологически (поколение 80-х годов), так и символически, через соотнесение с каким-либо историческим событием (поколение революции), выдающимися личностями (поколение Пушкина) или приписываемыми символическими ценностями (потерянное поколение)⁸.

Историческое событие или факт, оказавший на судьбу социальной общности наибольшее символическое влияние, определивший «дух времени», можно считать более существенной точкой отсчета в определении условных границ поколений, понимая, однако, что такие границы достаточно условны, как и типы, их представляющие. За точку отсчета в эмпирическом определении границ закономерно принимать крупное историческое событие или процесс, оставшийся важнейшим в памяти данного поколения⁹. Таким событием стал «ужас в Баку» для поколения-1,5, а в биографиях второго поколения центральное событие – «арменификация».

Для комплексного описания массовых поколений в западной социологии используется понятие «**паттерна поколений**». Для эмпирического изучения широко признанными являются критерии, предложенные Х. Беккером¹⁰. К таким критериям относятся социальный контекст становления поколения (наиболее важные события, имевшие место в период формирования), состояние средств массовой информации в тот же период; система социализации, социальные возможности в формативный период; системные характеристики поколения (величина и состав когорт, составляющих поколение, поколенческая культура, поколенческие союзы); биографические характеристики поколения (жизненный путь, ценностные ориентации, поведенческие образцы).

В моей работе я попыталась осветить некоторые из этих паттернов в рамках анализа поколенческих различий второго и полуторного поколения бежен-

⁷ Семенова В. В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. А. Левады, Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 81.

⁸ Кон И. Открытие «я». М.: Политиздат, 1978.

⁹ Семенова В. В. Современные концепции. С. 81.

¹⁰ Becker H., Dynamics of Cohort and Generation Research. Amsterdam 1997, p. 230.

цев. В литературе различают второе и полуторное поколения иммигрантов в зависимости от места рождения и социализации¹¹. Обычно понятие «второе поколение иммигрантов» применяется к первому поколению, которое родилось в новой стране. Менее распространенный термин «поколение-1,5» («полуторное поколение») относят к тем, кто иммигрировал в детском возрасте. Считается, что поколение-1,5 является носителем характеристик страны рождения, которое продолжает ассимиляцию и социализацию в новой стране. Мое исследование подтверждает правомерность такого деления.

Дети беженцев: стратегии выживания и факторы успешной социальной интеграции

Изначально мною была выдвинута гипотеза о существовании различий в социально-культурной интегрированности детей беженцев, обусловленных компактной формой проживания, которая подтвердилась в рамках исследования. Между детьми беженцев и местным населением в этом случае возникают социальная дистанция и культурное отчуждение. В дальнейшем я поняла, что на интегрированность также влияет поколенческая принадлежность, обусловленная, на мой взгляд, социально-экономическим контекстом и другими факторами. Анализ биографий детей беженцев выявил, что второе поколение лучше интегрируется в армянское общество, нежели полуторное.

Стратегии выживания: ассимиляция / аккомодация

Исследование указывает на различие в стратегиях выживания между поколениями 1,5 и 2. Под стратегиями выживания я понимаю набор определенных действий/выбор плана действий, с помощью которого дети беженцев интегрируются в армянское общество либо дистанцируются от него. В рамках данного исследования интеграция в целом рассматривалась в экономической, социальной и культурной сферах. Однако ввиду

¹¹ Wikipedia, 15 December 2008, http://en.wikipedia.org/wiki/Immigrant_generations.

того, что многие информанты еще очень молоды, я ограничилась рамками социальной и культурной интеграции бакинских беженцев.

Исследование указывает на существование двух основных стратегий выживания в армянском обществе, которые можно обобщить как «стратегия ассимиляции» и «стратегия аккомодации». Аккомодация (приспособление) происходит быстро, при этом индивид/группа является главным действующим лицом, сознательно приспособляющимся к наличествующим условиям. Ассимиляции свойственен постепенный отход от старой культуры и поведенческих шаблонов по мере принятия новых¹².

Для стратегии ассимиляции характерно позиционирование себя как «местной/местного», отказ от бакинского образа жизни¹³ (ценностей, норм поведения и бакинской субкультуры), создание и поддержание интенсивных социальных контактов за пределами своей социальной группы, недостаточное знание армянского языка.

Для стратегии аккомодации характерно позиционирование себя как «бакинки/бакинца», ярое отстаивание своих прав, акцентирование достигаемых статусов (человеческих характеристик), а не предписанных (обусловленных местом рождения), тесные социальные контакты в пределах своей социальной группы, широкое использование ресурса общинной взаимопомощи, хорошее знание армянского языка.

Данные исследования указывают на то, что поколение-1,5 позиционирует свое положение в обществе как «состояние жертвы моноэтничного государства» с явной социальной дифференциацией на «местных» и «бакинцев». Это состояние жертвенности сопровождается имплементацией стратегии выживания, которую можно охарактеризовать как «стратегия аккомодации». Исследование выявило, что второе поколение беженцев

¹² Boyd M., Grieco E., Socioeconomic Achievements of the Second Generation in Canada // International Migration Review, 1998. Vol. 32. No 4, pp. 853-876, (<http://www.jstor.org/stable/2547663>).

¹³ В субъективных представлениях всех информантов «образ жизни бакинских армян» включает следующие характеристики:

а. отношение к Баку – позиционируют Баку как самый красивый город на земле, репрезентируют себя как бакинцев;

б. язык – придерживающиеся этого образа жизни в повседневности используют русский язык и имеют бакинский акцент;

в. музыка – слушают ностальгическую музыку (особенно шансон в исполнении бакинского армянина Боки);

г. кухня – готовят бакинскую выпечку (шакарбура – выпечка с ореховой начинкой и сладким тестом, похожим на хлеб, имеет форму полумесяца), а как горячее блюдо – долму;

д. посуда – имеют бакинскую посуду, армуды (бакинские стаканы из белого стекла, благодаря их форме напиток легко охлаждается сверху, оставаясь горячим снизу).

позиционирует себя двояко, в зависимости от формы проживания. Стратегию выживания второго поколения при компактном проживании можно охарактеризовать как стратегию аккомодации, при дисперсном проживании - как стратегию ассимиляции.

Организация территориального пространства

Р. Парк и Э. Берджес утверждают, что социальные отношения всегда локализованы и переплетены с физическим пространством¹⁴. И мое исследование подтвердило, что фактически территориальное пространство, в случае компактного проживания бакинских беженцев, структурирует социальные отношения и внутри и вне общегития, увеличивая социальную дистанцию между местными жителями и беженцами, но усиливая сплоченность в пределах своей общины. Результатом сплоченности является развитая общинная взаимопомощь, свойственная, в основном, именно тем бакинским армянам, которые проживают компактно.

Языковая адаптация

Красной нитью во всех интервью проходит мысль о том, что знание армянского языка является значимым фактором для преодоления барьеров на пути к социально-культурной интеграции. Языковая адаптация второго и полуторного поколения беженцев связана с социальным контекстом – лингвистической абсорбцией и билингвизмом в Армении. В советское время в Армении, наряду с армянским языком, широко употреблялся русский. Однако после распада СССР сильное давление национализма начало вытеснять русский язык, приводя к монолингвизму. В итоге русскоязычная часть армянского народа стала жертвой языковой трансформации. Многие потеряли работу ввиду языкового несоответствия. Языковая адаптация оказалась проблематичной и для второго поколения русскоязычных граждан Армении, которые учились в школе в 1990-е годы. В отличие от

¹⁴ Цит. по: Rumbaut R., *Assimilation and Its Discontents: Ironies and Paradoxes* // *The Handbook of International Migration: The American Experience*, Charles Hirschman, Josh Dewind, Philip Kasinitz, USA, 1999, p.186.

штата Флорида в США, где дети эмигрантов поголовно владеют английским языком¹⁵, у поколения-1,5 бакинских беженцев в Армении преобладает русский язык, а в некоторых случаях проявляется даже отвращение к армянскому: *«Когда вернулась сюда, у меня началась апатия, не хотела ни с кем разговаривать, я не могла слышать этот армянский»* (Лина, 29 лет, социальный работник, поколение-1,5).

«Я до сих пор не научилась чисто говорить на армянском, хотя понимаю армянскую речь» (Нина, студентка, 25 лет, поколение-1,5).

Лингвистический раскол порождает стереотипы, возмущение, а также усиливает напряжение и враждебность в обществе: *«Как-то говорила с мамой на русском, из маршрутки кто-то сказал: «Может по-турецки говорить будешь?»* (Элла, студентка, 18 лет, второе поколение).

Данные исследования указывают на то, что второе поколение беженцев свободно владеет армянским языком: *«И армянским, и русским спокойно владею. Мыслю на обоих языках. Я родился здесь, с детства общался на армянском, дома – на русском, на улице – на армянском»* (Марат, 18 лет, студент, второе поколение).

«Проблем с армянским у меня больше нет, я очень хорошо им владею» (Марина, 19 лет, безработная, второе поколение).

Повторяющаяся неоднократно в интервью со вторым поколением фраза *«в Баку мужчины хорошо держат своих жен»* указывает на закономерность этой оговорки и свидетельствует о том, что второе поколение даже мыслит на армянском языке.

Поколенческие различия у детей бакинских беженцев

Согласно данным исследования, важнейший фактор поколенческих различий – социально-экономический контекст первичной социализации, что ведет к различиям в идентичности, локусе контроля, жизненном пути, субъективном ощущении травмированности, стратегиях выживания и установке на реэмиграцию.

¹⁵ Portes A., Schauffler R., Language and the Second Generation: Bilingualism Yesterday and Today // Special Issue: The New Second Generation // International Migration Review, 1994. Vol. 28, N 4, pp. 640-661.

В отличие от родителей, которые социализировались в Азербайджане в рамках советских ценностей, социализация детей неоднозначна и зависела от социально-экономического контекста. Второе поколение, родившееся в Армении, менее травмировано, имеет внутренний локус контроля и конструирует свою коллективную идентичность иначе, не провоцируя культурный раскол в армянском обществе. Оно не ощущает действия стереотипов в отношении своей «субэтнической» принадлежности и социального статуса (то есть производных от «бакинства» или «беженства») и не нацелено на реэмиграцию.

Социально-экономический контекст социализации: советское и постсоветское поколения

Фактически становление двух поколений детей беженцев проходило в разные формационные периоды. Ведь в переломный 1991 год произошла смена экономического и политического строя общества, повлекшая за собой изменения в системе социализации поколений. Ввиду радикальных реформ произошла трансформация экономической системы армянского общества от планово-командной к рыночным отношениям.

Предложенный Х. Беккером социально-экономический контекст является наиболее используемым эмпирическим критерием понятия «паттерна поколений» в западной социологии¹⁶.

Социальные ценности и локус контроля

Так как основной этап социализации поколения-1,5 разворачивался в советские 1980-е годы, а социализация второго поколения относится, скорее, к 1990-м годам, то поколение-1,5 можно отнести к паттерну советского поколения, а поколение-2 – к паттерну постсоветского поколения.

Дихотомия прошлое – будущее отражает различия в советских и постсоветских ценностях. Поколение-1,5 идеализирует прежние времена «до

¹⁶ Becker H., Dynamics, p. 230.

ужасных событий» и «город Баку», на будущее смотрят пессимистично: *«Начало моей жизни хорошее, середина тяжелая, что будет в конце, пока не знаю. До семи лет в Баку жила шикарно. Если бы не эти события, если бы мы остались в Баку...»* (Карина, 25 лет, безработная, поколение-1,5). Фраза «до ужасных событий» означала лучшие времена. *«Мы – люди затерянного полуострова... У нас здесь нет будущего...»* (Лина, 29 лет, социальный работник, поколение-1,5).

Капитализм ориентирован на будущее, проникнут тенденциями активности и прогресса. Рыночная экономика – это новации, изобретательность, широта взглядов, разрыв с традициями и прошлым. Основой социального опыта полуторного поколения стало пребывание в двух социальных измерениях (бакинского и ереванского), отсюда возможность сравнения их как двух составляющих жизненного пути. При этом детское прошлое в Баку идеализируется, а воспоминания о нем специально поддерживаются. Таким образом, ностальгия по прошлому является важным культурным синдромом поколения-1,5. Второе поколение, в отличие от поколения-1,5, ориентировано на ереванскую составляющую жизненного пути. Даже знания о Баку, передаваемые родителями, во втором поколении достаточно поверхностны и эмоционально нейтральны.

Дихотомия «внутренний – внешний локус контроля» также отражает различия в советских и постсоветских ценностях. При внутреннем локусе контроля социальный актер верит в свою власть над собственной жизнью, при внешнем локусе контроля он ощущает свою неспособность, зависимость от власти, которая находится вне его.

Согласно полученным в исследовании данным, второму поколению, в отличие от поколения-1,5, свойственен внутренний локус контроля: *«Закончу институт, а потом хочу представлять в партии наш район. Я верю, что может многое измениться, уже изменилось»* (Марат, 18 лет, студент и член партии, поколение-2).

В отличие от второго поколения, которое рационализирует свой социальный статус внутренним локусом контроля, поколение-1,5 рационализирует и интерпретирует свое настоящее и будущее из перспективы внешнего локуса контроля. Рационализация происходит путем акцентирования внимания на внешних условиях как детерминанты социальной катастрофы («ужасные события в Баку», неудачи в карьере и т. п.): *«Если*

бы не местные армяне, я бы сейчас не была бы беженкой» (Лина, 29 лет, социальный работник, поколение-1,5).

«[Если бы не] эти ужасные события в Баку, я бы многого достигла» (Карина, 25 лет, безработная, поколение-1,5).

На формирование локуса контроля воздействует культурная стабильность¹⁷. Очевидно, что второе поколение столкнулось с более стабильной социальной средой, нежели поколение-1,5, которое пережило «Сумгаит», «Карабах», «землетрясение», «темные годы», резкую языковую и культурную трансформацию.

Говоря о социальной мобильности, оба поколения признают важность наличия социального и экономического капитала: *«Бакинцам трудно добиться успеха, так как у них нет знакомств, нет спины, нет квартиры, и мы отличаемся от других. Мы все золото оставили, а у бакинцев всех было много золота»* (Кристина, 25 лет, безработная, поколение-1,5); *«Если у тебя есть властный знакомый, ты пойдешь вперед, если нет, то дойдешь до чего-то и все. Только два-три процента достигают успеха без знакомств»* (Марат, 18 лет, студент, второе поколение).

Жизненный путь и социальные травмы

Другим значимым критерием паттерна поколения является жизненный путь, который различается в зависимости от поколения. Так как жизненный путь поколения-1,5, в отличие от поколения-2, насыщен социальными травмами, предполагаю, что полуторное поколение можно считать «травмированным поколением», поскольку ключевыми событиями его биографии стали «ужасные события в Баку», «переселение», «война в Сумгаите», «разрушительное землетрясение», «война в Карабахе», «темные годы». Этим событиям информанты придают большую субъективную значимость. На мой взгляд, пессимизм в отношении будущего среди информантов полуторного поколения беженцев обусловлен не только «советскостью», но и субъективным ощущением своей травмированности.

¹⁷ Wikipedia, 15 December 2008, http://en.wikipedia.org/wiki/Immigrant_generations.

Жизненный путь и социальные возможности

Если рассматривать в качестве ядра интеграции равенство шансов на участие в жизни принимающего общества, как утверждают Эссер и Гайслер¹⁸, то тогда в центре интеграционных процессов оказываются равные возможности получения образования. Большая часть информантов полупотурко и второго поколения имеет только среднее образование, поскольку высшего они не смогли получить из-за тяжелого социально-экономического положения семьи. Получившие же высшее образование нашли себе работу в отличие от тех, кто такого образования не получил. Но даже работающие информанты в большинстве случаев заняты в сфере обслуживания (кафе, ресторан, парикмахерская, бар и т. д.) и очень редко по профессии (переводчик, социальный работник).

Субъективная значимость процессов стереотипизации

Социальную реальность повседневной жизни можно понять в континууме типизаций, анонимность которых возрастает по мере их удаления от «здесь-и-сейчас» ситуации «лицом-к-лицу»¹⁹. Данные исследования показывают, что после массового переселения беженцев из Баку в Армению имел место двухсторонний процесс **стереотипизации**, а также наклеивание социальных ярлыков на беженцев со стороны принимающего большинства. В ходе исследования были выявлены следующие стереотипы по отношению к бакинцам.

Как показал ряд проведенных интервью, отождествление бакинок с проститутками носит массовый характер. Субъективно многие бакинских армян отождествляют с турками и наклеивают социальные ярлыки: հայ թուրքի մտանքով (армянин с мотором турка), թուրք (турок), քարվեղի (бакинец)²⁰, շուր տված հայ (перевернутый армянин).

¹⁸ Гайслер Р., Неравенство шансов на образование – причины и следствия // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива. Санкт-Петербург: Алетей, 2008. С. 150.

¹⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Издательский дом «Медиум», 1995. С. 59.

²⁰ Ярлык «քարվեղի» (в переводе на русский язык – «бакинец»), в данном контексте имеет ярко негативную смысловую нагрузку, противопоставляя «бакинцев» и «армян».

Проведенные интервью с детьми беженцев указывают на различия в значимости процессов стереотипизации между поколениями. Процессы стереотипизации не являются актуальными сегодня и не представляются значимыми для второго поколения беженцев, однако значимы для поколения-1,5:

«Сейчас все стали наконец-то одним народом» (Марат, 18 лет, студент, поколение-2);

«Есть армяне, которые не любят приезжих. Но сейчас не встречаю таких. Мы все армяне, ну и что, мама бакинская» (Элла, студентка, 18 лет, поколение-2);

«Раньше, когда в маршрутке говорили по-русски, люди оборачивались и говорили: «Они на русском говорят – это бакинцы», – а сейчас хорошо относятся» (Марина, 19 лет, безработная, поколение-2);

«Когда мой жених узнал, что я из Баку, ему очень это не понравилось, прямо плохо стало, глаза округлились. Это клеймо быть бакинкой в Ереване. После этого мы с ним не встречались» (Лина, 29 лет, социальный работник, поколение-1,5);

«Здесь нас называют «шур твац хай, баквеци, как будто мы не те же армяне. Каждый день приходится доказывать, что о человеке надо судить по его достоинствам, а не по тому, откуда он родом» (Карина, 25 лет, безработная, поколение-1,5).

Установка на эмиграцию

Нацеленность на эмиграцию есть почти у всех информантов. Надо отметить, что подобные настроения свойственны вообще очень многим жителям Еревана, особенно молодежи. Я проанализировала из «миграционной перспективы» жизненные пути каждого из моих информантов, чтобы сделать выводы относительно существования специфики (или ее отсутствия) мотивации к эмиграции именно у детей беженцев. Прделанный анализ дал возможность выявить факторы, способствующие повторной миграции среди бакинских беженцев. К ним относятся: плохое знание армянского языка, «опыт кочевника», отсутствие сильной эмоциональной

привязанности к Армении, чувство относительной депривации, обширные миграционные сети за пределами Армении и малый социальный капитал (связи) в Армении. Если сопоставить некоторые биографические факты и отрывки из интервью бакинских беженцев, то можно заключить, что фактор наличия/отсутствия социальных связей является самым значимым при принятии решений о повторной миграции для обоих поколений.

Возникает вопрос о существовании различий в мотивации к повторной эмиграции между поколениями детей беженцев. Представляется, что такие различия существуют. Поколение-1,5 придает больше субъективной значимости повторной миграции, нежели поколение-2. Информанты, относящиеся ко второму поколению, склонны воспринимать повторную миграцию как возможный, однако не самый желаемый вариант.

Спецификой нацеленности на повторную миграцию, на мой взгляд, является «опыт кочевника» и отсутствие сильной эмоциональной привязанности к Армении:

«Понятие родины у меня как-то размыто. Столько переездов, что у меня нет чего-то родного, наверно, родина все же Армения, так как все время говорят «армяне, армяне!» Ну и потом, у армян такая древняя история, я чувствую все-таки немного гордость за Армению» (Нина, 25 лет, студентка, поколение-1,5);

«Для меня родина – Баку, и все! Я бакинка!» (Карина, 25 лет, безработная, поколение-1,5);

«Не люблю, что мы так много говорим о родине, так сильно «любим» родину. Для моих родителей родина все же Баку. А я не успела почувствовать это там, а когда я приехала сюда, все было против того, чтоб оно сформировалось тут» (Анна, 27 лет, переводчик, поколение-1,5).

Путь из Баку в Ереван почти у всех информантов не был прямым. Сначала они переселялись в какой-то другой город (Ставрополь, Тбилиси, Ванадзор, Ташкент) либо в сельскую местность (Карабах, Аршалуйс). При этом надо отметить, что многие информанты определенный промежуток времени прожили в Карабахе ввиду наличия там родственных связей. По этим причинам предшествующий «опыт кочевника», на мой взгляд, усиливает их установку на эмиграцию.

Вероятность повторной миграции в рамках теории международной миграции объясняется принципом кумулятивной каузальности²¹, в основе которого лежит суммирование миграционных стимулов в рамках миграционного опыта, таких, например, как расширение миграционных сетей, институтов, поддерживающих международную миграцию, субъективная социальная значимость смены работы, места жительства и т. д. Являясь вынужденными мигрантами, беженцы более склонны к повторной эмиграции, нежели местные жители.

Как отмечалось выше, многие бакинские беженцы эмигрировали из Армении в 1990-е годы. Как известно, людей привлекает в принимающей стране не только возможность увеличить там свои доходы абсолютно, но и желание увеличить свои доходы относительно доходов своей референтной группы. Адаптационные практики в принимающих странах, где поселились беженцы из Баку, протекают, на мой взгляд, неоднозначно. В рамках теории утверждается, что с увеличением чувства относительной депривации, усиливается мотивация на миграцию²². Определенные факторы (ряд неудач социальных и экономических реформ, военные действия в Сумгаите и Карабахе, землетрясение) усугубили положение бежавших в Армению по сравнению с уехавшими в другие страны, породив чувство относительной депривации. Кроме того, это чувство могло усиливаться из-за неприязненного отношения армянского общества к беженцам, проявляющегося в их стереотипизации. А степень владения армянским языком имеет непосредственное отношение к установке на эмиграцию.

Коллективная идентичность: «мы» – «они»

Анализируя сложившуюся ситуацию в плоскости взаимоотношений беженцев и местного населения, приходишь к бинарной оппозиции «мы» – «они» в рамках вроде бы единой этнической группы. В частности, социальное дистанцирование проявляется у поколения-1,5 и проживающего компактно поколения-2.

²¹ Massey D., Theories of International Migration: A Review and Appraisal, Population and Development Review, 1993, Vol. 19. N. 3, p. 431.

²² Там же.

Полуторное поколение, в отличие от второго, презентует свою культуру, прежде всего соотнося себя с определенным социальным временем, как историческим (определенные социальные события и процессы), так и психологическим (ощущение своей ущербности из-за незнания языка, ограниченности социального и экономического капитала). Поколение-1,5 бакинских беженцев позиционирует свое положение в обществе как положение жертвы моноэтнического государства, нацеленного на явную социальную дифференциацию групп «местных» (ереванских/своих) и «бакинцев» (приезжих, «чужих»). Заметно, что второе поколение бакинских беженцев, проживающее дисперсно, презентует себя как местных, акцентируя факт места рождения, места проживания и наличия паспорта РА. Для них потеряло значение дискурсивное противопоставление «беженцы – местные», зато актуализировались «карабахская идентичность» и «русскоязычность как социальный капитал». Однако при компактном проживании второе поколение позиционирует себя как бакинцев (ключевые события биографии: «учеба», «дружба с соседями», «успешное освоение армянского языка в школе», «разница в ценностях местный/бакинец», «поиски партнера»).

Заключение

Данная статья написана на основе анализа 10 биографий детей бакинских беженцев, проживающих в Ереване. В рамках исследования подтвердилась гипотеза о существовании различий в социально-культурной интегрированности детей беженцев, обусловленных формой проживания. При компактном проживании между детьми беженцев и местным населением возникает социальная дистанция и культурное отчуждение, которые выражаются не столь явно при дисперсном расселении. Хорошее знание армянского языка является значимым фактором интеграции и в значительной степени способствует преодолению барьеров на пути интеграции в общество.

В процессе исследования у меня сформировалась гипотеза о том, что биографии детей беженцев отражают различия между поколением-1,5 и поколением-2. Согласно проведенному анализу, центральным событием в биографиях поколения-1,5 являются «события в Баку», тогда как для второго поколения центральным событием стал «переход на армянский язык обучения и освоение языка». Проведенное исследование наводит на мысль о том, что поколения различаются по своим ценностным ориентациям и установкам.

Данные исследования указывают на то, что второе поколение, в отличие от поколения-1,5, свободно владеет армянским языком. Языковая адаптация полуторного поколения беженцев связана с социальным контекстом лингвистической абсорбции и билингвизмом в Армении. Языковая адаптация второго поколения связана с социальным контекстом монолингвизма и доминирования армянского языка.

Поколения различаются не только в лингвистическом контексте, но и в социально-экономическом, детерминировавшем ценностный пласт социализации. Поколение-1,5 формировалось, ориентируясь в первую очередь на «советское общество», тогда как основной этап социализации второго поколения проходил в «постсоветских условиях». Поколение-1,5 пессимистично настроено относительно своего будущего. Второе поколение куда более оптимистично. Синдром ностальгии по прошлому является важным культурным синдромом поколения-1,5, тогда как второе поколение ориентировано на будущее и ереванскую составляющую жизненного

пути. Основой социального опыта полуторного поколения стало пребывание в двух социальных измерениях, где первое часто идеализируется, а воспоминания о нем специально поддерживаются. Второе поколение бакинцев менее травмировано и характеризуется внутренним локусом контроля. Поколение-1,5 является травмированным поколением, имеет внешний локус контроля. Второе поколение конструирует свою коллективную идентичность иначе, не провоцируя культурный раскол в армянском обществе, не ощущает наличия стереотипов по поводу своей «субэтнической» принадлежности и социального статуса, то есть производных от «бакинства» или «беженства», и не нацелено на эмиграцию.

Данные исследования указывают на то, что поколение-1,5 позиционирует себя как «жертву моноэтнического государства, попустительствующего явной социальной дифференциации на «местных» и «бакинцев». Это состояние жертвенности сопровождается имплементацией стратегии выживания, которую можно охарактеризовать как «стратегию аккомодации». Второе поколение беженцев позиционирует себя двояко, в зависимости от формы проживания. Жизненную стратегию второго поколения при компактной форме проживания можно охарактеризовать как стратегию аккомодации, при дисперсном – как стратегию ассимиляции.

Анализ биографий детей беженцев выявил, что поколение-2 лучше интегрируется в армянское общество, нежели поколение-1,5. Это дает основания предположить, что на степень интегрированности влияет поколенческая принадлежность, обусловленная, на мой взгляд, социально-экономическим контекстом становления поколения. Данная гипотеза нуждается в дальнейших исследованиях. Для всестороннего изучения беженцев и их интеграции в армянское общество интересно было бы, в том числе, проанализировать стереотипы и установки местного населения.

Агрессия и травма

Aggression and Trauma

АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ КАК СПОСОБ САМОУТВЕРЖДЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Малхаз Салдадзе

Введение

Среда агрессии и насилия в школах может иметь широкий спектр социальных и психологических факторов, определяющих тип регулирования девиантных межличностных отношений. Жизнедеятельность подростков нельзя представить себе вне контекста социальной жизни общества. Поэтому невозможно объяснить поведение, определяющееся понятиями «девиантное», «агрессивное» или «криминальное», без учета той социальной среды, в которой социализируется подросток. Например, если в обществе определенный тип регулирования межличностных отношений, основанный на насилии, считается нормативным, то встает вопрос, как категоризировать подобное поведение в данном обществе?

Говоря о проявлении агрессии и насилия среди подростков, с точки зрения мотивации можно выделить два типа подобного поведения. Первый связан с прибеганием к насилию для достижения определенных целей (материальных, например), а второй – с применением насилия как средства самовыражения и самоутверждения. В обоих случаях социальная среда играет определяющую роль в формировании модели поведения. С одной стороны, она диктует те материальные цели, которые можно достичь с помощью насилия, а с другой, она предопределяет выбор в пользу насилия как средства самовыражения (как с точки зрения утверждения доминирования, так и с точки зрения защитного механизма от агрессии других). Поэтому для того, чтобы определить агрессивное поведение как девиантное или нормативное, стоит обратить внимание и на то, как складываются социальные нормы, освоенные и передаваемые школьниками.

Говоря об общем социальном контексте и о его связи с формированием норм и ценностей, которые определяют поведение молодежи, нужно учесть и то, насколько быстро меняется сама общественная структура и переосмысливаются функции тех социальных институтов, которые оказывают влияние на социализацию. Исходя из этого, следует проследить изменения в поведенческих моделях подростков параллельно с изменениями в механизмах школьной социализации (школа и образовательная система в целом потенциально обладают тем ресурсом, который может ослабить травматические последствия быстрых социальных перемен). Здесь я считаю важным выделить важнейшие проблемы, определяющие процесс формирования личности как будущего гражданина, с одной стороны, и возможность самореализации индивида, с другой.

1. Неструктурированность жизни (недостаток рутинной деятельности для достижения конкретных личностных целей) и неопределенность будущего (возможность планирования жизни, что, в свою очередь, придает стабильность восприятию окружающего социального мира)¹.

2. Ощущение нестабильности межличностных отношений, основанных на достижении общих целей и определении круга доверия, и взаимоотношений на основе социокультурных критериев доминанции/выживания².

3. Повышенная нетерпимость к предлагаемым извне конструктам формализации и структуризации межличностных отношений, что, в свою очередь, накладывается на возрастные, институциональные и социальные характеристики³.

4. Исходя из последнего, формируется агрессивное поведение как способ самовыражения, самозащиты и самоутверждения.

Вкратце можно сказать, что все эти проблемы объясняются недостатками трех основных потребностей, определяющих социальность любой личности: потребности в общности, в структуре и в смысле жизни⁴. Ощущение общности повышает чувство уверенности в себе и будущем. Так как меняющаяся социальная среда в Грузии ознаменовалась разрушением прежних институтов, то в

¹ Toffler A., *Future Shock* // New York: Bentam Books, 1971, p. 104.

² Etzioni-Halevy E. & Etzioni A., *Social Change: Sources, Patterns, and Consequences* // New York: Basic Books, 1964, p. 67.

³ Gerth H. & Mills C. W., *Character and Social Structure: The Psychology of Social Institutions* // New York: Harcourt, Brace & World, Harbinger, 1953, p. 75.

⁴ Bird C., *The Crowding Syndrome: Learning to Live With Too Much and Too Many* // New York: David McKay, 1972, p. 35.

обществе само собою происходит переосмысление принадлежности и лояльности к группам. Это особенно травмирующе отражается на молодежи, которая склонна к усилению формирования замкнутых социальных пространств по признакам, основанным на однородности (neighborhood, родственные связи, религиозная или национальная принадлежность и т. д.), в том числе сплоченных едиными целями (нередко криминальные банды подростков сформированы по месту жительства и носят соответствующие названия). Отсутствие формализованного пространства коммуникации между различными группами молодежи приводит к выработке механизмов регулирования отношений, которые не требуют медиации извне (формального авторитета, то есть социальных институтов, признанных и одобренных вне зависимости от групповой принадлежности). Такие механизмы основаны на насилии как на инструменте определения иерархии между индивидами как внутри групп, так и между носителями разной групповой принадлежности. Подобно механизмам определения общности с узкими группами прямого общения, структура жизнедеятельности и восприятие смысла жизни также носит суженый характер. Прочная привязанность к микросоциуму определяет индивидуальные жизненные приоритеты и средства их достижения в соответствии с представлениями самого микросоциума о хорошем и приемлемом, а спектр возможностей самореализации определяется господствующими в группе взглядами.

Вышесказанное, конечно же, не объясняет поведенческие модели всего спектра грузинской молодежи. Оно позволяет, скорее, выделить факторы, определяющие поведенческие стратегии отдельных подростковых сред, которые условно можно назвать агрессивно-доминирующими в школьной среде (в бытовой терминологии эта социокультурная группа самоопределяется как «карги бичи» – «хороший парень», или «карги типпи» – «клевый чувак»).

Объектом предлагаемого исследования не является выявление механизмов становления склонных к насилию групп в молодежной среде. Исследование этого возрастного сегмента и его поведенческих норм даст возможность понимания того, как определяются поведенческие модели и других групп школьной молодежи. Я поставил следующие вопросы:

1. Как сама, так называемая, агрессивно-доминантная группа себя определяет?
2. Какова взаимосвязь между принципом формирования групп и проявлением/применением насилия:

- ▶ инструментальная, нацеленная на достижение определенных целей?
- ▶ или традиционная, определяющая сохранность групповых различий на социокультурной основе и укрепляющая доминацию?

3. Как отвечают на полученные вызовы те, кто не принадлежит к выше охарактеризованным группам?

- ▶ происходит ли формирование индивидуальных/коллективных поведенческих стратегий?
- ▶ какими могут быть эти стратегии (индивидуальная изоляция или сопротивление, формирование групп на основе общих интересов)?
- ▶ принимаются ли «условия игры» предложенные доминантами?
- ▶ какие внешние механизмы (формальные авторитеты) «защиты» могут составлять элементы поведенческой стратегии выживания?

Данная статья посвящена выяснению этих вопросов путем анализа социальных структур молодежных групп в школьной среде и за ее пределами. Особое внимание уделяется тем поведенческим стратегиям, которые вырабатываются в пространстве, определенном социально-территориальными связями и в обиходе именуемом «убани». «Убани» характеризуется локальной идентичностью в городской среде, соответствующими социальными связями между носителями этой идентичности и распределением социальных ролей доминации и субординации между ними. «Убани» формирует пространство для выстраивания системы взаимоотношений, которая предполагает, с одной стороны, конкуренцию за позиции внутри этого локального сообщества и конкуренцию с носителями аналогичных идентичностей других локальностей за престиж и статус собственного «убани». Социальную структуру «убани», как правило, формируют представители мужского пола, разделенные на возрастные категории, но могущие включать как подростков так и взрослых. Несмотря на разделенность, разные группы (к тому же конкурирующие между собой внутри «убани») тесно связаны друг с другом взаимопомощью, особенно если дело касается защиты позиций и престижа собственного «убани».

Анализу подверглись структуры и механизмы регулирования межличностных отношений «убани» и школьной среды, их сопоставление и практическое пересечение. В этом смысле прослеживается тенденция доминации социальной среды «убани» в жизнедеятельности подростков. С одной стороны, анализируется школа как формализующая межличностные отношения социальная

среда, с другой – «убани», которое демпфирует и вытесняет формальные правила школы своими более действенными и живучими механизмами регулирования и выстраивания социальных взаимоотношений в группах сверстников. Соответственно тенденция применять насилие как основной механизм упорядочения отношений в среде «убани» проявляет себя как глубоко укоренившееся явление и в школьной жизнедеятельности подростков.

Исследование проводилось в двух школах Тбилиси, которые находятся в Мтацминдском и Сабурталинском районах города. Выбор ареала исследования был определен, с одной стороны, наличием нашумевших фактов насилия в этих районах города, а также различиями в престижности школ по их местонахождению и их истории (с этим увязываются и социальные статусы обучающегося там контингента). В исследование были вовлечены 14 информантов из обеих школ (из них 6 преподавателей и 8 подростков), с которыми проводились интервью с определенной периодичностью. Информанты подросткового возраста были учениками десятого класса обеих школ. Выбор информантов был обусловлен тем, что в этой возрастной категории определенный этап социализации уже пройден и уровень рационализации при применении насилия как механизма или инструмента достижения определенных целей выше, чем в младших возрастных группах.

Проявление агрессии в «убани» и в школе: проблема насилия

Одним из наиболее важных аспектов школы как среды, в которой проявляются те или иные формы насилия, является ее привязанность к территории («убани»). Привязанность к району в этом случае выражается не в административном, а в социокультурном смысле. «Убани», или район, как определенная социокультурная среда, обязательным образом проявляет себя в поведении школьников. Территориально школа естественно находится в пределах конкретного района, и там учатся дети в основном из этого же района. Но вместе с тем, школа не столь тесно замкнута на территории, на которой расположена, поскольку в ней учатся дети и из других районов Тбилиси. Смешанный контингент учащихся обуславливает важность принадлежности к определенному «убани».

Учащиеся одной школы, которые идентифицируют себя как мтацминдцы, подчеркивают свою принадлежность к этому району в отношениях с теми, которые учатся в этой школе, но живут в других районах. Такая привязанность к районной идентичности больше наблюдается в мтацминдской школе, чем в сабурталинской. Это может быть объяснено, с одной стороны, социокультурными различиями районов (Мтацминда является центральным, престижным районом, а Сабуртало менее престижно). С другой стороны, это связано со степенью неоднородности учащихся в школах и конкретно в тех классах, в которых проводилось наблюдение. В сабурталинской школе, большинство учащихся являются сабурталинцами, но в классе, в котором проводилось наблюдение, большинство учащихся проживает в разных районах. В этом случае принадлежность к Сабуртало как к «убани» особо не проявляется (не формирует большинства), но принадлежность к другим «убани» явно подчеркивается в отношениях между учениками.

«[Наша] школа, это особая школа, во-первых, из за ее истории... а во-вторых, здесь все-таки, в основном, учатся дети из элитных районов... интеллигенция больше сконцентрирована в центре [имеется в виду города Тбилиси] и соответственно детям из интеллигентных семей легче ходить в нашу школу» (Хатуна⁵, учительница мтацминдской школы).

«В нашей школе смешанный контингент... Они из разных районов, но наши ученики в основном сабурталинцы... Если ссорятся или спорят, дети не всегда поддерживают друг друга из-за того, что они из одного района... Бывало, что один мальчик твердил другому, что раз ему все-таки приходится учиться здесь [имеется в виду Сабуртало], то лучше не тревожить здешних [то есть сабурталинцев]» (Мзия, учительница Сабурталинской школы).

Почему так важна принадлежность к «убани»? В первую очередь, «убани», или район проживания ученика, создает определенную почву для деления на большинство и меньшинство. Поскольку школа принимает детей в основном из того района, где она расположена, то она воспринимается детьми этого же района как своя, и, соответственно, в отношениях с одно-

⁵ Имена респондентов изменены.

классниками или с другими учащимися этой же школы проявляется четкое деление по районному принципу.

«...Я замечала, что дети с Мтацминды держатся друг за друга, но это больше касается мальчиков... Они бывают соседями или родственниками, хорошо знают друг-друга, дружат и за пределами школы, поэтому нет ничего странного в том, что они и в школе формируют неким образом исключительно свои «кружки» (Этери, учительница мтацминдской школы).

«Мы, сабурталинцы, не держим себя как-то особо, но если кто-то ведет себя вызывающе и не уважает нас, то мы его конечно же поставим на свое место, это все-таки наша школа [имеется в виду, что школа находится на Сабуртало]» (Эмзар, 10 класс, сабурталинская школа).

Во вторых, «убани» и связь с ним, по мере респектабельности и своей «устной» истории (иногда именно в криминальном смысле), создают некий престиж и уважение по отношению к тем, кто ассоциируются с ним. Так, например, одна девочка, порицая своих одноклассников за их интересы и вкусы, апеллировала к тому, что они из Глдани и Тэмка, тогда как она проживает на Плеханова и долгое время жила в Ваке (10 класс, сабурталинская школа).

Примером использования репутации района и, соответственно, социальных связей внутри прославившихся определенными качествами «убани» служит следующее наблюдение. Мальчик в споре с ровесником упомянул о своих связях с «именитыми» парнями своего района: *«...скажу хоть одно слово Х., и он и его ребята [«састави»] всю Ярмарку [один из «убани», граничащий с Мтацминдой в центре города] на ноги поставят» (10 класс, мтацминдская школа).*

В последнем случае, даже если ученики из одного и того же района, фактором определения уважения или же почета является близость с «хорошими парнями» в «убани». Это, в свою очередь, определяет представление о самом «убани» в школе и смешение этих двух пространств. В разговоре с директором мтацминдской школы выяснилось, что долгое время школа была под «наблюдением» «убани» и у школы был свой «смотритель» («макурбели») из «убани», который сам был ее учеником. В подобной ситуации школа именуется «черной». В том случае, если в школе нет «смотрителя»,

ее называют «красной». Функция «макуребели» состоит в том, чтобы обеспечить влияние «убани» и ее парней в школе, создать порядок, приемлемый для них, и защищать тех, кто принадлежит «убани». Если ученики из других районов нарушали определенную субординацию, установленную в среде учеников, имело место давление на них. Такая тенденция в мтацминдской школе прослеживалась до 2005 года (со слов учителей). Установленный порядок, по словам директора школы, был изменен путем перевода определенного круга учеников, представлявших «убани», в другие школы.

«Эти шаги [имеется в виду исключение некоторых учеников из школы] многое изменили, хотя, конечно же, дети все еще продолжают драться и ссориться, но это уже происходит за пределами школы... До этого даже бывшему директору школы приходилось считаться с «макуребели». Если что-то терялось или ситуация в классах выходила из-под контроля, директор школы вынужден был просить его о помощи... Сейчас ситуация другая» (Дали, директор мтацминдской школы).

Перерезать психологические связи между «убани» и школой трудно, и они в той или иной форме будут проявляться в тех формах отношений между школьниками, которые связаны с насилием.

Так как роль «убани» в структурировании межличностных отношений в подростковых группах наиболее важна, интересно и то, как это пространство пересекается с той функционально нагруженной средой социализации, которую представляет школа. В ходе бесед с учителями выяснилось, что агрессивное поведение детей (хотя оно редко перерастает в открытое физическое насилие) – обычная проблема для школ. Учитель мтацминдской школы вспоминает, что последний факт насилия среди учеников произошел в 2006 году, когда один из учеников ранил ножом своего одноклассника. Продолжение этой истории трагично: мальчика перевели в другую школу, где в результате очередной ссоры он был убит своим одноклассником.

«Видимо мальчик настолько был вовлечен во все эти уличные дела, что его исключение ничего не дало. Школа и его конфликты с учениками тут были не причем... Новые отношения в новой школе ничего позитивного не дали» (Марина, учительница мтацминдской школы).

Эта история интересна тем, что открытое насилие в отношении ровесников не всегда происходит в пределах школы и не всегда объясняется разделением социальных ролей внутри подростковых групп, складывающихся в школьной среде. Как раз наоборот, доминирующую роль в формировании социальных связей и стратегий поведения играет «убани».

Кто может выступать сторонами конфликта в школьной среде? Ими могут быть как ученики, так и учителя. Наблюдения в ходе уроков показали, каковы типы взаимоотношений в школе между учителем и учениками, с одной стороны, и между самими учениками, с другой. Коммуникативное пространство не едино, оно фрагментировано (и в этом различий между двумя школами не видно). Учитель не может обеспечить вовлечение в процесс обучения всего класса. Как обычно, класс делится на несколько групп подростков, образующих замкнутые круги общения, в которые учитель старается не вмешиваться. Нельзя сказать, что преподаватель не замечает подобной ситуации, но, видимо, ему приходится мириться с этим и предоставлять сложившимся группам возможность самим регулировать коммуникативное пространство.

Это позволяет сделать вывод, что преподаватели остерегаются конфликта с учениками, но, наверное, не из-за боязни стать объектом насилия, а из-за возможности потерять авторитет в классе, который основывается на осознании «дружеских» отношений. Объясняя свое поведение на уроках и, в частности, в отношении учителей с точки зрения «дружеских» отношений, ученики подчеркивают, что фактором, определяющим уважение к старшим (в данном случае к преподавателям), является поведение последних. В этом смысле подростки подчеркнуто требовательны к своим преподавателям, от которых они ожидают равного отношения к себе:

«Чтобы учитель/ница нам понравился/лась, он/а должен/должна иметь с нами дружеские отношения, если он/а ведет себя как всезнайка и указывает или приказывает, что делать, у нее будут проблемы... Если учитель/ница не нравится, то мы срываем занятия» (Саша, 10 класс, сабурталинская школа).

На вопрос учителям, возникали ли у них конфликтные ситуации с учениками, ответ был отрицательный, хотя они рассказывали о случаях с другими преподавателями. На основе полученных ответов можно выделить следующие формы агрессии в отношении преподавателей со стороны учеников:

1. Эмоциональное давление:

«Одной учительнице, она – старая женщина, спрятали очки, потом показали ей, размахивали перед ней, и когда она старалась забрать очки обратно, дети кидали их друг другу, не давая возможности приблизиться... Оказывается, весь класс смеялся над этим» (Кристина, учительница сабурталинской школы).

2. Физическое насилие:

«Был у нас случай, когда ученику не понравилась оценка и он набросился на нее... взял за шею, наверное, ему просто хотелось напугать ее» (Эка, 10 класс, мтацминдская школа).

Причинами агрессии в отношении учителей могут выступать разные факторы. С одной стороны, это может быть обусловлено возрастом, и, соответственно, разностью представлений о нормативном поведении (если, например, преподаватель не может принять «условия игры», называемые учениками как «дружеские отношения»). В этом случае, со слов информантов, объектами подобного рода агрессии становятся в основном преподаватели старше 60 лет (хотя это не закономерность, всё зависит от преподавателя и его умения строить отношения):

«Детям больше нравятся молодые преподаватели, они лучше нас понимают, дружат с нами...» (Мака, 10 класс, сабурталинская школа).

«...Ученики саботируют уроки учителей, которым за 60... Они [учителя] привыкли проводить уроки в ином режиме, любят дисциплину, а сегодняшние дети не такие, как в былые времена... Они [ученики] легко находят слабости и, если заметят, что учитель возмущается или нервничает, усиливают давление... в основном выражается в насмешках» (Натиа, учительница сабурталинской школы).

Объекты агрессии могут выбираться и по визуальным характеристикам (класс может найти что-то смешное во внешности учителя):

«...Например, детям не понравилось платье учительницы или их рассмешила ее прическа...» (Натиа, учительница сабурталинской школы).

Подобного рода агрессия обычно подчеркивает социальную иерархию в школьной подростковой среде, и, в основном, идет со стороны лидеров класса. По всей видимости, это позволяет им утвердиться в глазах ровесников как вышестоящих в групповой иерархии. Такое поведение направлено на подрыв формальных авторитетов и на их замену на более понятные и близкие к внешкольным социальным структурам доминантные социальные роли:

«...Они [лидеры в классе] просто хотят показать какие они крутые, чтобы потом девочки говорили, что они могут со взрослыми такое вытворять» (Сосо, 10 класс, мтацминдская школа).

«...Я никого не боюсь, если могу с мальчиками ругаться, то могу и учителям показать, что я не слаба...» (Нино, 10 класс, сабурталинская школа).

Исходя из выше сказанного, в школьной среде явно прослеживается противопоставление двух социальных пространств – самой школы как формализующей среды социализации и внешкольного, часто олицетворенного в социальных структурах «убани». В этом противопоставлении или, скорее, пересечении двух пространств, функционально более живучим и действенным выступает именно последнее. Оно, с одной стороны, не принимает и заменяет правила поведения, навязываемые первым, и предлагает более понятные для подростков правила регулирования межличностных отношений, которые могут стимулировать и легитимировать насилие как внутри групп сверстников, так и между подростками и учителями.

Доминанция и агрессия: насилие как средство самоутверждения подростков

Внешняя по отношению к школе социальная среда, которая для подростков олицетворена «убани», является одним из наиболее важных про-

странств генерирования тех моделей взаимоотношений, которые работают и в школе. Именно в «убани» происходит установление приоритетов самовыражения и утверждения в группах ровесников, которые способствуют формированию доминантных ролей:

«...Важно, кого ты представляешь в «убани», если ты никто, тебя никто не будет уважать, если ты имеешь право говорить в «убани», то и в школе к тебе будут относиться по иному» (Дато, 10 класс, мтацминдская школа).

Завоевание уважения, что зачастую выражается в доминации над сверстниками или в принадлежности к доминантной группе, по словам информанта из мтацминдской школы, по-разному происходит в «убани» и в школе. В «убани» важную роль играет семья, личностные характеристики и, главное, длительность общения в кругу ровесников (друзья детства). Степень устойчивости социальных связей с «убани» определяет и статус в школьной среде подростков, что, в свою очередь, выражается не только в применении лексики, жестикуляции или мимики, характерной для социализировавшегося в «убани» подростка, но и в вовлечении авторитетных представителей «убани» в регулирование межличностных отношений со сверстниками в школе. В этом смысле использование выше перечисленных маркеров среды (лексики, жестикуляции или мимики) принимается другими сверстниками как должное, как право, закрепленное за индивидом, который признается в качестве «карги бичи» [клевый чувак] представителями самого «убани». Употребление же этих внешних, символических и опосредованных средств коммуникации со стороны тех, кто не вовлечен в иерархизированные группы сверстников «убани», не только не принимается как должное, но и карается как не поддержанное соответствующими связями в «убани».

В школе все это важно постольку, поскольку плотные социальные связи с «убани» накладываются на школьную среду, позволяя членам «убани» владеть большими ресурсами в борьбе за доминирование и самоутверждение. Соответственно, в подобной среде подросткам приходится создавать альянсы друг с другом в целях защиты от агрессии других. Фактором, определяющим сплоченность круга индивидов, часто выступает общая социальная история, которая обычно берет начало с «убани» (например, соседство, дружба с раннего детства, исходя из общего круга общения в рамках «убани») или с

ранних лет социализации в самой школе, что, в свою очередь, может представлять собой ресурс противопоставления себя и себе подобных механизмам доминанции, навязываемым «убани». Нужно учесть, что если в рамках конкретной школы структурирование сверстников происходит как на основе принадлежности к «убани», так и на основе общей истории в рамках самой школы (вне зависимости от принадлежности к «убани»), то механизмы и логика регулирования взаимоотношений являются схожими, что выражается в «социальном сервисе» обеспечения защиты от агрессии:

«Когда я перешел в эту школу, ситуация мне уже была знакома. Два моих друга из прежней школы учатся в моем классе... и поэтому у меня тут особых трудностей не возникало. Мы с самого первого класса вместе учились, и здесь мы держимся вместе. Поэтому никто не сможет нам что-то указывать» (Саша, 10 класс, сабурталинская школа).

Школьная среда, по мере своей пестроты и того, насколько она не учитывает индивидуальные потребности отдельных учеников или групп, сложившихся за ее пределами, подчас порождает более силовые правила самоутверждения, нежели «убани». Подобное положение вытекает из того, что подростки воспринимают «убани» как более знакомую для них гомогенную среду, тогда как школа в силу того, что здесь учатся дети из разных «убани», гетерогенна. В этом случае самоутверждение и завоевание авторитета требует силового подхода. Соответственно школьные успехи не обеспечивают уважения со стороны сверстников, важно то, как подросток смог прославиться в «убани»:

«Невозможно избежать драки, если хочешь завоевать уважение и авторитет. Только учеба не создает выгодное положение для мальчика в школе, здесь важно, как тебя знают в «убани», и насколько сможешь завоевать доброе имя между теми, кто тебя не знает по «убани». Бывало, у меня были разборки и со старшеклассниками» (Эмзар, 10 класс, сабурталинская школа).

Несмотря на то, что положение подростка и групп подростков в школе, уважение к ним или страх перед ними могут обуславливаться сложившимся имиджем в «убани», высокая конкуренция в борьбе за лидерство

в школе не всегда отдает первенство представителям того «убани», в котором находится школа. Гетерогенность школьной среды дает право на лидерство сильнейшему, вне зависимости от его принадлежности к тому или иному «убани». Здесь нужно учесть, что «сильнейшие» не воспринимаются подростками в отрыве от групповых привязанностей в школе и за ее пределами. Как правило, таковыми опять-таки воспринимаются вовлеченные во внешкольные социальные связи, имеющие опыт разборок и сильные связи с теми, кому делегировано право быть арбитром в конфликтах. Также нужно учесть, что наделяет подобными правами опять же «убани». В этом случае уже приходится говорить о различиях в статусах между разными «убани», представленными в школе.

Однако не во всех случаях мы имеем дело с гетерогенностью подростковой школьной среды по критерию принадлежности к разным «убани». В отличие от мтацминдской школы, контингент учащихся в сабурталинской школе в основном из Сабуртало, поэтому восприятие различий школьной среды и «убани» минимально. Как правило, ученики в этой школе знают друг друга с детства, имеют общие социальные истории в рамках внешкольных группировок, основанных на принципах соседства, а в некоторых случаях и родства. Некоторых информантов из одного и того же класса связывала дружба семей. Подобные факторы определяют сплоченность внутри групп сверстников не только на основе идентичности «убани» и общей социальной истории, но и на основе общности интересов. В качестве подобной общности может выступать спорт, азартные игры и, как правило, взаимопомощь - как материальная (по мере необходимости собирают деньги как на общие цели, так и на индивидуальные нужды), так и в смысле физической поддержки при разборках с другими группами сверстников в школе и за ее пределами. С точки зрения последнего, роль «убани» очень значима для получения защиты и покровительства в случае необходимости:

«Хорошо, что школа находится на Сабуртало, я ведь тоже в этом районе живу, и если понадобится звать на помощь, все друзья тут. Я многих крутых парней знаю в этом районе, и если понадобится связаться с ними, для меня не проблема» (Эмзар, 10 класс, сабурталинская школа).

Конечно же, группы, претендующие на доминирование в школе, не всегда совпадают по составу с членами какого-то «убани». В подобные группы могут входить и представители других «убани», но в этом случае приобщение к группе обусловлено длительным опытом совместного общения и завоевания доверия:

«Дружба основывается на том, что мы все друг друга знаем из «убани», а если кто-то из друзей не из нашего «убани», то мы его знаем и уважаем через опять-таки друга» (Дато, 10 класс, мтацминдская школа).

Высокая конкуренция за авторитет в школе увязывается с укреплением позиций в «убани». В зависимости от того, насколько группа, претендующая на уважение в школе, преуспевает, растет и его авторитет в «убани». Соответственно происходит определенное пересечение двух пространств, и в этом случае школа выступает как поле созидания авторитета в самом «убани»:

«Вообще в школах всегда есть определенное количество парней из «убани», которые обуславливают положение дел... и эти школы в «убани» славятся именами этих парней» (Эмзар, 10 класс, сабурталинская школа).

Этот процесс протекает, наверное, с момента осознания важности приобретения авторитета среди сверстников. По мере обозначения приоритетов ученики больше стараются самоутвердиться в глазах сверстников через агрессию и насилие, нежели через успехи в учебе. Однако в некоторых случаях возможно, что приоритеты могут измениться по мере ощущения стабильности достигнутого положения в школе:

«...До девятого класса я не занимался уроками, у меня продолжался период самоутверждения, сейчас больше времени трачу на занятия» (Дато, 10 класс, мтацминдская школа).

Получается, что завоевание своего места в школе и утверждение авторитета группы после достижения уверенности в непоколебимости своих позиций позволяет индивиду развивать и собственную индивидуальную стратегию, если это не противоречит представлениям о приемлемом для

других членов группы. Представления о приемлемости таких стратегий информантом из мтацминдской школы объясняется отсутствием противоречий со сложившимися в «убани» правилами:

«Поведение в школе зависит и от «убани». Например, в Окросубани большинство крутых парней наркоманы, и зачастую школьники берут с них пример и считают, что быть похожим на них это хорошо» (Сосо, 10 класс, мтацминдская школа).

Одним из наиболее важных аспектов выбора индивидуальной стратегии среди членов доминантных групп является то, как происходит структурирование взаимоотношений внутри вторичных групп. Структурирование вторичных групп в школе происходит как на основе принадлежности к «убани» или связям с представителями «убани» (о чем говорилось выше), так и на основе взаимных услуг. Исходя из последнего, строится иерархия в группе. Утвердившиеся в качестве доминантов подростки получают возможность решать конфликты как между сверстниками внутри школы, так и за ее пределами. Право регулировать взаимоотношения сверстников определяется не только имиджем доминанта, но и теми социальными ресурсами, которые имеются в его распоряжении (место, занимаемое в иерархии «убани», социальные связи с авторитетными парнями из «убани»). Предоставление защиты дает возможность доминантам расширять сложившуюся группу путем приобретения новых «клиентов» и соответственно укреплять собственные позиции внутри группы:

«...Сейчас, после того как я утвердился в школе, ...все просят иметь отношения, просят в чем-то помочь, а раз поможешь, он уже твой друг. Хотя такого друга иногда можно и притрунить, для него ты все равно авторитет и стоишь выше, и такому другу иногда нужно напоминать его место» (Дато, 10 класс, мтацминдская школа).

В подобных отношениях, конечно же, никто и не может усомниться в авторитете того, кто либо признан лидером, либо приобщен к доминирующей группе. В этом случае выбор или пересмотр приоритетов без нанесения урона приобретенному авторитету обеспечивается стабильным местом в иерархии:

«Я уже нашел свое место как среди школьников, так и среди парней в «убани», поэтому никто не скажет, что я лох [«гоими»]. Многие хотели бы быть самим собой, но стыдятся или боятся, что потеряют авторитет. Я утвердил себя среди таких людей, которые не будут меня осуждать за свои взгляды и действия» (Дато, 10 класс, мтацминдская школа).

Иногда самоутвердившийся в школьной доминантной группе подросток не способен пересмотреть свои индивидуальные приоритеты. Эта проблема может быть объяснена структурой внешкольных вторичных групп, в которых протекает жизнь этого подростка. Это может происходить тогда, когда, например, группы или их представители не имеют связи с теми старшими слоями «убани», которые реализовали себя в профессиональном или материальном смысле и которые становятся примерами для подражания. В этом случае вторичная группа может быть экстерриториальной, то есть «убани» играет минимальную роль и членство в группе, возможно, и не предполагает связи разных групп подростков с конкретным «убани». С другой стороны, специфика самого «убани» может создать ситуацию, когда подростки изолированы от опыта, накопленного старшими. Соответственно членство в подобных группах в этом случае не основано на четко сформулированных целях, а общие интересы могут выражаться через инструментализацию сетевых отношений, через оказание определенных взаимных услуг, зачастую носящих девиантный характер:

«В основном друзья помогаем друг другу в уличных вопросах⁶, если нужно, например, помочь в драках, собрать деньги, которые были проиграны другом» (Саша, 10 класс, сабурталинская школа).

Строго иерархизированные в школьной среде группы сверстников, которые также вписываются и в контекст «убани», регулируют отношения и конфликты по-разному, в зависимости от того, насколько возникают трения внутри групп «убани» или среди групп или индивидов, представляющих разные «убани». Следовательно, разнятся методы и механизмы регулирования отношений:

⁶ Примечательно то, что информант говорит об улице («куча»), а не «убани». Возможно, улица представляет более анонимную среду общения, где групповые принадлежности и иерархия размываются.

«Если говорить о применении насилия, то это зависит от того, кто тебя провоцирует. Если это кто-то из близких, все решается в кругу друзей по «убани», а если это кто-то чужой [из другого «убани»], то он получит по заслугам» (Эмзар, 10 класс, сабурталинская школа).

Принадлежность к разным «убани» повышает риск применения насилия, перед теми, кто представляет другой «убани», ответственность снижается. Но вместе с этим использование насилия в качестве инструмента разрешения спорных вопросов среди подростков этого возраста (X-XI классы), видимо, основывается в большей мере на рациональном подходе, нежели на импульсивном. Стороны тщательно оценивают силы друг друга и учитывают риски:

«У каждого есть своя группа в своем «убани», и если на то пойдет, дело дойдет до серьезной потасовки, а это никому не выгодно. Все знают, что если кто-то просит из «убани», то обязательно нужно помочь. Если даже самый слабый меня попросит, я пойду с ним на разборку, поэтому если можно избегать вовлечения других парней по «убани», то лучше так и делать, а то чужие с чужими легко могут затеять настоящую драку. Причин для столкновения группировок [«састевеби»] нельзя допускать. Если у сторон имеется разум, они на это не пойдут» (Дато, 10 класс, мтацминдская школа).

Отношение к «чужакам» помогает лучше обозначить границы «своих». Недоверчивое, порой враждебное отношение к тем, кто не вписывается в группу, помогает укреплять эмоциональную зависимость члена доминантной группы от установившейся иерархии. Дискриминация или отторжение «чужаков» укрепляет уверенность в превосходстве группы и ее членов, при этом проявление индивидуальной инициативы в отношении сближения с «чужаком» может расцениваться как неподобающее поведение:

«У нас есть один сосед, наш ровесник, который переехал к нам четыре года назад, и только в этом году мы стали с ним здороваться. Не то, чтобы у нас к нему были особые претензии, просто было бы неловко со стороны хотя бы одного из нас отдельно завести с ним разговоры. Друзья по «убани» расценили бы это как подлизывание [«шметэноба»]... иногда

чужаков нужно сразу на место ставить, а то у них может появиться иллюзия, что они могут иметь те же права, что и у нас» (Дато, 10 класс, мтацминдская школа).

Доминантной модели поведения в школьной среде сопутствуют и другие модели поведения отдельных подростков или групп, которые не подпадают под категорию доминирующих и определенным образом реагируют на доминирующие образцы поведения. Условно можно выделить три таких модели:

а) *Конфронтация* – когда отдельно взятый индивид противостоит сложившемуся порядку или старается его не принимать, что может выражаться в перманентном конфликте или в отчуждении от среды с возможной дальнейшей изоляцией:

«В драки попадал... и, конечно же, то, что я сам отважился протестовать против чего-то, и это кому-то из крутых не понравилось» (Сосо, 10 класс, мтацминдская школа).

Конфронтационная модель поведения прослеживается и в тех случаях, когда подросток, не вписывающийся в доминирующую группу, старается достичь пересмотра ролей и утвердить себя в иерархии группы:

«Было однажды, один парень возомнил, что он крутой, хотя на самом деле его не так уважали в своем «убани». Начал нам права качать в классе, затеял драку с моим другом, а когда дело дошло до разборки, мы его поставили на свое место» (Эмзар, 10 класс, сабурталинская школа).

Говоря о конфронтационной модели поведения с целью пересмотра ролей, следует уделить внимание ответным реакциям доминирующих групп на проявления альтернативных моделей поведения, подрывающих установленный порядок:

«...Один мой разбогатевший друг начал надменно с нами говорить. И когда его избили и поставили на свое место, он понял, что если собирается, чтобы его уважали в «убани», он не должен так себя вести.

После этого он возобновил с нами дружбу, но мы к нему потеряли доверие и уважение» (Дато, 10 класс, мтацминдская школа).

б) *Адаптация* – когда отдельный подросток или группа приспосабливается к сложившейся среде. Выработка адаптивного индивидуального поведения в иерархизированной среде основывается на рациональной оценке сил, когда осознается, что противостоять группе в одиночку не имеет смысла:

«...Ссоры, будь то словесные или физические, – это легкий путь, поэтому для меня не приемлемы» (Сосо, 10 класс, мтацминдская школа).

в) *Субординация* – когда происходит инкорпорирование в доминирующую группу с приписыванием себе подчиненной роли. Субординация также может проявиться как поведенческая модель, которая регулирует отношения, основанные на взаимных услугах внутри иерархизированной среды:

«...Есть и такие, которым нужна наша помощь, и мы им помогаем, но они не такие, как мы, они слабаки, и мы все время им это указываем... иногда дают нам деньги, иногда посылаем их за хачапури... потому что нуждаются в нас» (Саша, 10 класс, сабурталинская школа).

Трудно говорить о строгом совпадении поведения отдельных подростков с перечисленными моделями, но, исходя из полученного материала, возможно проследить их проявление в поведении по отношению к лидерам подростковой среды и соответствующим группам. Пересечение социального пространства «убани» со школьной средой вносит правила первого в жизнь школьников. Соответственно распределение социальных ролей и функций подростков в школе происходит по той же логике, которая регулирует их жизнь в «убани». Даже если говорить о группах, существующих вне связей с «убани», то и в них все-таки видна схожая социальная структура, основанная на иерархии, и те же механизмы поддержания этой иерархии, характерные для «убани».

Заключение

Социальная среда насилия и агрессии школьной молодежи не локализуется исключительно в школьной среде. Как с точки зрения ее детерминантов, так и с точки зрения практики, агрессия выходит далеко за пределы школьной среды и охватывает довольно широкий спектр жизнедеятельности молодежи.

Категоризация агрессивного поведения школьной молодежи вызывает некоторые трудности. С одной стороны, подобное поведение включает в себя элементы девиации, но с другой стороны, возникает проблема с определением тех базисных социальных ценностей, на основе которых можно было бы определять поведение молодежи как отклоняющееся. К сожалению, в рамках данного исследования это поле вопросов осталось без анализа.

На данном этапе можно заключить следующее. Насилие (как физическое, так и психологическое) является преобладающей формой регулирования межличностных отношений фрагментированного на группы школьного социального пространства. Таким образом, агрессивный тип поведения представляется некой нормой в жизни молодых людей.

Исходя из рассмотренных выше моделей поведения и типов агрессии, можно также заключить, что агрессия и насилие не только обеспечивают доминирование отдельных подростков в групповой иерархии, но и способствуют укреплению и даже самовоспроизводству установленного порядка. В этом смысле насилие как инструмент удерживания порядка может выступать и в качестве техники социального обучения членов (или будущих членов) подростковых групп приписанным ролям (как доминантным, так и субординированным). Важно учитывать как роль саморегулирующихся структур подростковых групп, так и внешней социальной среды, из которой заимствуются модели поведения, цели и ценности. В становлении этих структур особенно важной является роль «убани», где сосуществуют девиантные группы разных возрастных категорий и где складываются механизмы внешнего регулирования. Авторитеты из «убани», являясь объектами подражания и регуляторами конфликтов, формируют в подростковых группах соответствующие механизмы поведения. Таким образом, через внешние объекты подражания, через установленные механизмы применения санкций вырабатываются правила взаимоотношений между членами групп сверстников, которые, в свою очередь, нацелены на распределение статусных ролей внутри группы.

RELATIONSHIP BETWEEN EMOTIONAL INTELLIGENCE AND POST-TRAUMATIC STRESS

Khatuna Martskvishvili

Abstract

The goal of the present study is to investigate the relationship between emotional intelligence (EI) and post-traumatic stress disorder (PTSD) on the sample of Georgian internally displaced persons (IDPs) (as a group who has experienced potentially traumatic events). A total of 200 internally displaced persons (100 men and 100 women) were administered with (1) Trait Emotional Intelligence Questionnaire (TEIQue) (Petrides, 2009) along with (2) The Impact of Events Scale – Revised (IES-R) (Weiss & Marmar, 1997) and (3) A short questionnaire assessing socio-demographic characteristics, the nature of the trauma and post-war changes in their life. The results of the study show that the trait EI global score is predictor for PTSD. The trait EI self-control factor has predictive value for PTSD. Trait EI facets, specifically self-esteem and emotion regulation, are also PTSD predictors. The results show also that PTSD symptoms are effected by the character and nature of the trauma, in particular, people who experienced the death of close relatives or family members reported more PTSD symptoms then those who did not have such experience, but the level of trauma exposure (the number of days spent in a conflict zone) was not correlated with the severity of the post-traumatic stress. Traumatic events had a greater impact on women than on men, and affected older people more than youths. There were no significant differences in post-traumatic stress scores between IDPs living in collective centers and those residing in the so-called new settlements. The implications

of these findings for using the trait emotional intelligence as a predictor for individuals who may experience traumatic stress and for working out the recommendations for developing emotional intelligence and coping training modules and psychological service projects for IDPs are discussed.

Key words: Trait Emotional Intelligence, Post-Traumatic Stress Disorder, Internally Displaced Persons.

Introduction

The Russian-Georgian conflict of August 2008 forced some 27,000 people to flee their homes in various parts of Georgia, swelling the number of IDPs – estimated at some 223,000 by that time – who were uprooted by the conflicts in South Ossetia and Abkhazia in the early 1990s.¹ The IDPs were exposed to potentially traumatic events (horrors of war, the loss of property and deaths of relatives). In fact, finding refuge in a foreign country and being displaced in one's own country are quite different stressful experiences and the accompanying demands and challenges are also different. Although there are estimated 26 million IDPs around the world, a rather small number of studies have been carried out so far to examine their problems (meaning those displaced within their own country), in contrast to thousands of studies about refugees (those who fled their country and sought shelter in another one). Only a few studies have addressed mental health problems of IDPs and analyzed mechanisms of coping with trauma, but they left out the role of emotional intelligence as a personality factor in dealing with trauma.

Many traumatic events (wars, natural disasters, car and air accidents) happen every day all over the world. In clinical psychology it is very important to identify the factors that can help a person to cope with trauma effectively. Generally speaking, it is not easy to define a traumatic event, because what is traumatic for one person won't necessarily traumatize another. In spite of this, however, it is possible to identify a potentially traumatizing situation, which DSM-IV defines as an experience that causes physical, emotional

¹ The United Nations High Commissioner for Refugees, 2009, www.unhcr.org.

or psychological distress and harm. It is an event that is perceived and felt as a threat to one's safety or to the stability of one's world. The range of symptoms includes re-experiencing, avoidance and hyper-arousal. These symptoms are quite normal at the initial stage of coping with trauma – it is a normal reaction to abnormal and emotionally challenging events and individuals usually cope with them in different ways. Sometimes people lack coping resources and, therefore, have difficulty dealing with a traumatic situation – and a post-traumatic stress disorder develops as a result. How effectively an individual copes with trauma depends on various factors. These factors include personal and situational variables: specifics of a traumatic situation, personality traits and life experiences of the affected individual and related traumas, cognitive ability (McFarlane, 1992; Heszten-Niejodek, 1997; Parkes, 1986; Rentoul and Ravenscroft, 1993; Regehr, Hill & Glancy 2000). Unfortunately, research results regarding these factors are incoherent, as they did not suggest a direct link between post-traumatic stress disorder and a particular personal characteristic. It is still unclear which personal traits determine a person's resilience to traumatic stress disorder. If we take into account the nature of a traumatic event, which is overwhelmed with emotional information, it sounds logical to assume that emotion regulation, emotion expression and emotion management are essential for processing the emotional information. Perception, expression, understanding and the ability to manage one's own or others' emotions form what is called Emotional Intelligence. Merging these aspects into a single unified structure is a major result of the last decades of research (Bar-On, 2006; Goleman, 1995, 1998; Mayer & Salovey, 1997; Petrides & Furnham, 2000, 2001). So, if we consider that EI is a constellation of these aspects (emotion regulation, emotion expression), it would be reasonable to assume that just these aspects of EI could help individuals to deal with traumatic experiences.

According to available literature on traumatic stress, specifics of a traumatic event are very important for coping with trauma and may determine the outcome. Coping strategies vary depending on the particular situation. Furthermore, each stage of a stressful situation requires a different coping strategy – the strategy that is appropriate at the initial stage of a traumatic event may be unsuitable for the next stage (Lazarus & Folkman, 1984, 1985, 1986). If we

consider internal displacement as a specific traumatic situation, we can assume that its characteristics can influence the coping process and, consequently, its outcome (the severity of post-traumatic stress). The current research examines two characteristics of a stressful situation: trauma exposure – the number of days spent in a war zone – and trauma specifics (death of close relatives or family members).

Thus, summarizing the above considerations, it can be concluded that the main goal of the present study is to identify the personal factors that help a person to cope with trauma effectively and determines his/her resilience to the post-traumatic stress disorder. More precisely, the present paper attempts to identify the function and role of the trait emotional intelligence in coping with trauma and explore the relationship between the trait emotional intelligence and post-traumatic stress on the sample of internally displaced persons² as a group of people with potentially traumatic experiences.

The specific predictions of the study:

- ▶ If there is a correlation between trait EI and PTSD, participants with higher trait EI scores should be less likely to experience PTSD symptoms;
- ▶ Different trait EI components should have different predictive values for PTSD;
- ▶ There should be gender and age differences;
- ▶ If there is a correlation between the nature of a traumatic situation and PTSD, (a) a high level of trauma exposure (the number of days spent in a conflict zone) should cause a high level of PTSD and (b) trauma specifics (death of family members) should influence the trauma coping process, and, consequently, its outcome.

THE CONCEPT OF EMOTIONAL INTELLIGENCE

The concept of emotional intelligence has become increasingly popular in the last decade, following the publication of Daniel Goleman's best-seller "Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ". Emotional intelligence is usually defined as a dispositional characteristic or the ability

² These people became internally displaced after the Georgia-Russia conflict in 2008.

to understand, accurately perceive, express, and regulate emotions (Mayer & Salovey, 1997).

There are three main models of emotional intelligence nowadays (Emmerling, Shanwal & Mandal, 2008):

1. The Ability-Based model – Salovey’s and Mayer’s concept of emotional intelligence defines it within the confines of the standard criteria for a new intelligence. They define emotional intelligence as “the ability to perceive emotions, integrate emotions to facilitate thought, understand emotions and to regulate emotions to promote personal growth”. Emotional intelligence is the ability to recognize the meanings of emotion and their relationships as a basis for reasoning and problem solving. It is a person’s capability to perceive emotions, assimilate emotion-related feelings, understand the information contained in those emotions, and manage them (Mayer & Salovey, 1997).

2. The Emotional Competencies model (Goleman, 1998) includes a number of interpersonal and emotional competencies (Hay Group, 2005), some of which derive from the leadership competence model. According to this model, EI is not an inherent talent but an acquired competence that needs to be worked on and can be developed to achieve outstanding performance. In fact, Goleman believes that emotional intelligence is one of the most important predictors of success in the workplace. The model claims that individuals are born with a general emotional intelligence that determines their potential for learning emotional competencies.

3. Trait Emotional Intelligence models – (a) Trait Emotional Intelligence model (Petrides & Furnham, 2001, 2007) and (b) Emotional-Social Intelligence model (Bar-On, 2006).

a) According to the Emotional-Social Intelligence model, emotional intelligence and cognitive intelligence equally contribute to a person’s general intelligence, which then indicates a person’s potential for success in life. Emotional intelligence is defined as the ability to understand oneself and others, to communicate with others, to adapt and to cope with the immediate surroundings, and to deal with environmental demands successfully.

b) Trait EI model focuses on the personality framework. This model defines emotional intelligence as “a constellation of emotion-related self-perceptions and dispositions located at the lower levels of hierarchical personality taxonomies” (Petrides & Furnham, 2001). An alternative version of this

concept is a trait emotional self-efficacy. This is a constellation of behavioral dispositions and self-perceptions concerning one's ability to recognize, process, and utilize emotion-laden information. The definition underlines self-perceived abilities and behavioral tendencies which are measured through self-report. The conceptualization of emotional intelligence as a personal trait separates it from human cognitive ability taxonomy.

The concept of emotional Intelligence has been used for a number of purposes, such as job selection, diagnosis, and evaluation; most of the studies are focused on emotional intelligence as a factor which plays important role in professional and academic success and in social relationships. A number of studies have been conducted in the last five years to examine emotional intelligence as a predictor variable, which can help predict how vulnerable individuals are to cope mental disorders. These studies showed that individuals with higher levels of emotional intelligence have fewer mental health problems. They are able to deal with stress easily and successfully cope with environmental challenges, changes and demands. Individuals with lower levels of emotional intelligence are less resilient to mental disorders (see, e.g., Downey et al, 2008; Hansen, Lloyd & Stough, 2009; Leible & Snell, 2004; Martinez-Pons, 1997; Nolindin, 2006; Schutte et al., 1998; Summerfeldt, Kloosterman, Antony & Parker, 2006; Tsausis & Nikolau, 2005). Patients exhibit lower emotional intelligence compared to non-clinical groups. Unfortunately, the research produced inconclusive data regarding these factors. Different components of emotional intelligence may be involved in different mental health problems and it is still not clear which component of emotional intelligence contributes to the development of trauma symptoms.

POST-TRAUMATIC STRESS

According to DSM-IV, an essential feature of post-traumatic stress disorder is the development of symptoms following exposure to an extreme traumatic stressor. DSM-IV defines a traumatic event as an experience that causes physical, emotional, and psychological distress or harm. It is an event that is perceived and experienced as a threat to one's safety or to the stability of one's

world. The range of symptoms includes: (1) re-experiencing, (2) avoidance and (3) hyper-arousal. Almost everyone experiences at least some of these symptoms as a result of a traumatic event.

(1) Re-experiencing – individuals relive the traumatic event or events in some way or another and may have repeated upsetting memories of the event. Sometimes, these memories may resurface unexpectedly, for no apparent reason, while at other times they may be triggered by a traumatic reminder. These memories can cause both emotional and physical reaction. Sometimes they seem so real that it feels like the event is happening again. This phenomenon is called a “flashback”. Re-experiencing the event may cause intense feelings of fear, helplessness, and horror similar to the feelings the person had when the event actually took place. Re-experiencing consists of the following components:

- ▶ Intrusive, upsetting memories of the event;
- ▶ Flashbacks (acting or feeling as if the event was happening again);
- ▶ Nightmares (either of the event or of other frightening things);
- ▶ Feelings of intense distress when reminded of the trauma;
- ▶ Intense physical reaction to the reminders of the event (e.g., rapid heartbeat and breathing, nausea, muscle tension, sweating).

(2) Avoidance and numbing symptoms – individuals who suffer from PTSD tend to avoid places, people, or other things that remind them of a traumatic event and can trigger painful memories of what they went through. They may avoid going near places where the trauma occurred or seeing/hearing stories about similar events. They may avoid other sights, sounds, smells, or people that are reminders of the traumatic event. Some people find that they try to distract themselves as a way to avoid thinking about their traumatic experiences.

Numbing symptoms are another way to avoid psychological trauma. Individuals with PTSD may find it difficult to be in touch with their feelings or express emotions toward other people. For example, they may feel emotionally “numb” and “detached”. They may be less interested in activities they once enjoyed. Some people forget, or are unable to talk about, important parts of the event. Some think that they will have a shortened life span or will not reach personal goals such as having a career or family.

Avoidance and numbing includes several indicators:

- ▶ Avoiding activities, places, thoughts, or feelings that remind of the trauma;
- ▶ Inability to remember important aspects of the trauma;
- ▶ Loss of interest in activities and life in general;
- ▶ Feeling detached and emotionally numb;
- ▶ Sense of a limited future (individual doesn't expect to live a normal life span, get married, have a career).

(3) Hyper-arousal symptoms – individuals are hyper-sensitive to normal life experiences. People with PTSD may feel constantly alert after the traumatic event. This is known as increased emotional arousal, and it can cause difficulty sleeping, outbursts of anger or irritability, and difficulty concentrating. They may find that they are constantly “on guard” and on the lookout for signs of danger. They may also find that they get startled:

- ▶ Difficulty falling or staying asleep;
- ▶ Irritability or outbursts of anger;
- ▶ Difficulty concentrating;
- ▶ Hyper vigilance (constantly “on guard”);
- ▶ Feeling jumpy and easily startled.

There are also some other common symptoms of post-traumatic stress disorder, including: anger, guilt, shame or self-blame, substance abuse, depression and hopelessness, suicidal thoughts and feelings, feeling estranged and excluded, feelings of mistrust and betrayal, headaches, stomach problems, chest pain, etc.

Post-traumatic stress disorder and emotional intelligence

Among all available scientific literature there is only one published study about the relationship between (Stough et al. 2009) emotional intelligence and post-traumatic stress disorder. The study investigates whether emotional intelligence can predict how individuals respond to traumatic experiences. A random sample of 414 students participated in the study (Hunt & Evans 2004), which applied Nottingham Emotional Intelligence Scale (NEIS) for measuring emotional intelligence. The NEIS is a single-factor scale which can assess only the global score of emotional intelligence,

not the scores for separate EI components. The selection criteria for the sampling of respondents did not include the experience of a traumatic event, though 298 respondents claimed to have had such an experience. The study demonstrated a link between EI and trauma. In other words, there was a clear correlation between emotional intelligence and trauma-related symptoms – those with higher EI tended to have fewer symptoms. But the study fell short of establishing which component of emotional intelligence is involved in the development of trauma symptoms. It is the present study that gives answer to this question.

METHOD

Participants and procedure

Altogether, 200 internally displaced persons (average age=38.15, SD=14.70) volunteered to participate in the study: 100 women and 100 men.

Education of the participants: 38.0% of participants had secondary education, 8% had incomplete secondary education, 33.0% with higher education, 16.5% with vocational education and 4.5% of them are students.

Employment status: A large proportion of the participants (90%) were unemployed. Of those who were employed 3.5% were employed in the state sector, 3.0% were employed in the private sector, 2.5% were employed in academic institutions, 1.0% were in the armed forces.

Marital status of the participants: A majority of the participants were married (61.5%) or single (30.0%). Small proportions of the participants were divorced (5.5%), widowed (3.0%).

Residence of the participants: 50% were residents of IDP Collective Centers (mostly dilapidated old buildings) and 50% of participants lived in so called New IDP Settlements (small houses or cottages provided by the government). The participants came from different Georgian villages.

The questionnaires were handed out to every IDP at their place of residence, along with standard instructions on how to fill them out.

Measures

Emotional intelligence

Theoretical framework. The theoretical framework for the study is the Trait Emotional Intelligence model. According to this model, emotional intelligence is “a constellation of emotion-related self-perceptions located at the lower levels of personality” (Petrides & Furnham, 2001). An alternative definition of the term is trait emotional self-efficacy.

Instrument. Trait Emotional Intelligence Questionnaire (TEIQue v 1.5) (Petrides, 2009). It is a self-report questionnaire designed to measure 15 facets of emotional intelligence, four factors and trait EI global score.³ In this study we used the Georgian version of the Trait Emotional Intelligence Questionnaire (G-TEIQue) (Martskvishvili, Mestvirishvili, Arutinov, 2011), which broadly replicates the factor structure of the British TEIQue. It also comprises 15 primary facets, and four higher order factors: emotionality, sociability, self-control, and well-being. It has appropriate psychometric properties and proved efficient and relevant in numerous studies.

A short questionnaire assessing socio-demographic characteristics, trauma exposure and specifics and post-war life changes

The questionnaire was divided into following sections:

- ▶ Demographic information – gender, age, education, employment status;
- ▶ Post-war life changes – health and economic status, relationship quality, etc.;
- ▶ Health – self-perception of psychological health conditions;
- ▶ Economic status – self-perception of the current, past and future economic conditions;
- ▶ Characteristics/nature of stressful situations;
- ▶ Trauma exposure (number of days spent in a conflict zone);
- ▶ Trauma specifics (death of family members).

³ A detailed description of the factors and subscales is provided in the Appendix.

Trauma influence and post-traumatic stress symptoms

Theoretical/clinical approach. Criteria were based on the diagnostic and statistical manual of mental disorders (4th ed.), (DSM-IV R).

Instrument. The measurement of post-traumatic symptoms is: The Impact of Event Scale – Revised (IES-R) (Weiss & Marmar, 1997). The IES was originally developed by Horowitz, Wilner, and Alvarez (1979) as a standardized scale to measure PTSD using three main diagnostic criteria. The original version of the scale (which did not assess hyper-arousal) has been validated by numerous studies and has appropriate scale characteristics. It is a self-report measure designed to assess current subjective distress for any specific life event. IES-R has three sub-scales (Horowitz, Wilner, & Alvarez, 1979):

1) Avoidance – efforts to avoid talking, thinking and having feelings about the traumatic event and evade any reminders of the event (“I tried not to think about it”);

2) Intrusion – unpleasant images, thoughts about trauma, reliving the traumatic experience, “flashbacks” (“I thought about it when I did not mean to”);

3) Hyper-arousal – physical reaction of the body as if the danger was still present (“I had trouble falling asleep”).

The internal consistencies for the questionnaire for our sample are as follows: (1) Avoidance (8 items; $\alpha = .74$); (2) Intrusion (8 items; $\alpha = .74$); (3) Hyper-arousal (6 items; $\alpha = .83$); (4) Global PTSD index (3 scales; $\alpha = .84$).

RESULTS

Correlation between EI and PTSD

The correlation analysis (Pearson R) showed that there is a correlation between global EI score, trait EI factors, facets and PTSD variables (Table N1).

Table N. Correlation between PTSD and G-TEIQue variables

	Avoidance	Intrusion	Hyper-arousal	PTSD
Self-esteem	.086	.021	-.004	.036
Emotion expression	-.146*	-.103	-.140*	-.148*
Motivation	.055	.047	-.011	.033
Emotion regulation	-.067	-.333**	-.395**	-.317**
Trait happiness	-.057	-.212**	-.196**	-.184**
Empathy	-.045	.011	-.053	-.032
Social awareness	-.048	-.003	-.012	-.023
Impulsiveness (low)	-.033	.007	-.075	-.039
Emotion perception	.018	.022	-.031	.002
Stress management	-.044	-.238**	-.264**	-.218**
Emotion management	-.137	-.061	-.131	-.124
Trait optimism	-.015	-.194**	-.143*	-.141*
Relationships	.025	.040	-.020	.016
Adaptability	-.055	-.220**	-.162*	-.173*
Assertiveness	-.106	-.185**	-.217**	-.199**
Well-being	-.002	-.173*	-.152*	-.132
Self-control	-.061	-.237**	-.310**	-.242**
Emotionality	-.054	-.015	-.085	-.059
Sociability	-.123	-.111	-.158*	-.150*
Global TEI	-.065	-.160*	-.205**	-.170*
** $p \leq .01$; * $p \leq .05$				

Global Trait EI – standard multiple regression showed that emotional intelligence global score explains 2.9% of variability ($R^2_{ADJ}=.024$, $F(1,198)=5.88$, $p<.05$) and is a predictor for PTSD ($\beta = .17$, $p<.05$).

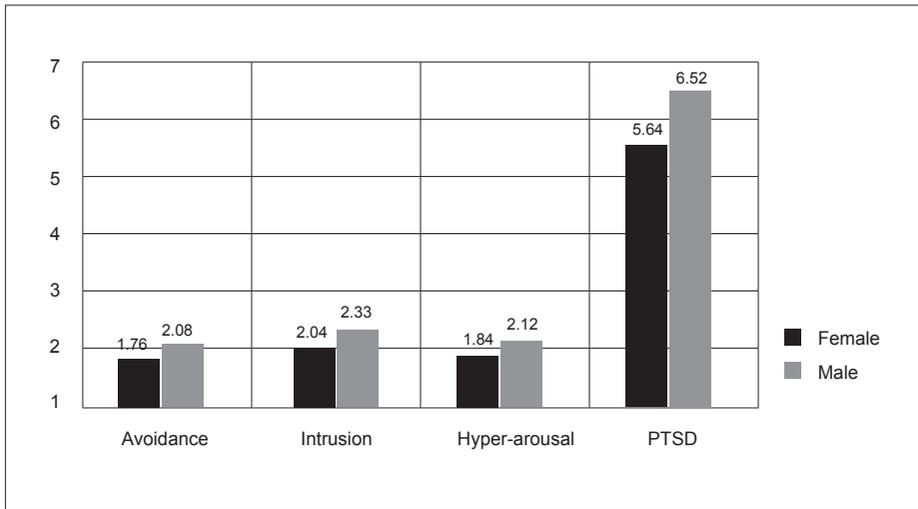
Trait EI factors – a combination of 4 EI factors explains 8.3% of variability ($R^2_{ADJ}=.065$, $F(4,195)=8.20$, $p<.000$) and only the factor of self-esteem appears to be a predictor for PTSD ($\beta = -.28$, $p<.01$).

Trait EI facets – 15 EI facets explain 21.6% of variability ($R^2_{ADJ} = .152$, $F(15,184) = 3.37$, $p < .001$). Self-esteem ($\beta = .22$, $p<.01$) and emotion regulation ($\beta = -.25$, $p<.01$) are both found to be predictors for PTSD.

Gender difference in post-traumatic stress

The results of the study revealed that a traumatic event had a greater impact on women than men (Figure N1). The difference between mean scores was statistically significant for all sub-scales and for the total PTSD score.

Figure N1. Gender difference in PTSD

Age and PTSD

Standard multiple regression showed that age explains 3.1 % of variability and is a predictor for PTSD ($R^2_{ADJ} = .026$, $F(1,198) = 6.33$, $p < .05$) ($\beta = .17$, $p < .05$).

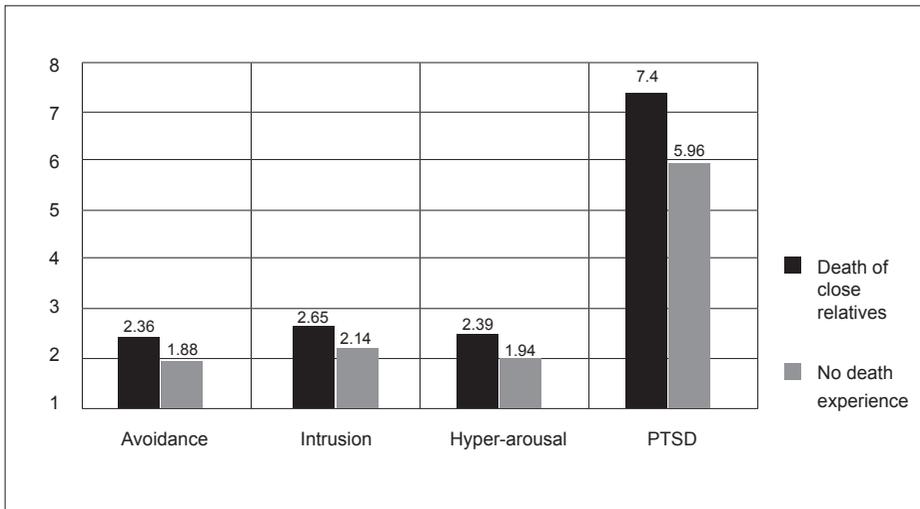
Place of residence and post-traumatic stress

It should be mentioned that there was no significant difference in PTSD scores for IDPs living in collective centers and those residing in the so-called new settlements.

Correlation between trauma nature and PTSD

Trauma specifics – Individuals who experienced the death of family members reported more PTSD symptoms ($M=7.19$) than those without such experience ($M=5.97$) $t= -2.47$ $df=198$ $p=0.01$. The difference was statistically significant for all PTSD scales (Figure N2).

Figure N2. PTSD differences according to the trauma specifics

Trauma exposure – the number of days spent in a war zone.

The study results showed that the number of days spent in a war zone and in a conflict zone is not correlated with PTSD severity.

DISCUSSION

Theoretically, it is very logical and not unexpected that EI global score and trait EI facets and factors have predictive value for PTSD, if measured by EI models (Bar-On, 2006; Goleman, 1998; Mayer & Salovey 1997; Petrides & Furnham, 2001). In fact, any of these models implies to some degree that individuals with high EI can deal with environmental demands effectively and cope with emotional information easily.

Among trait EI factors, only the self-control factor has predictive value for PTSD. According to the trait EI model, it involves emotion regulation, resistance to temptations and stress management. Emotion regulation was the strongest predictor of PTSD. Theoretically, it would be logical if another factor had the highest predictive value, e.g., stress management, but this was not the case. This is likely due to the operational definition issue, as questions on the questionnaire related to stress management were formulated in a way that put emphasis on how well a person deals with pressure or workload rather than on how well a person can process emotional information with traumatic content, which is more important for dealing with trauma.

All the participants had experienced the same traumatic events, albeit with different degrees of severity. All of them lost their homes and were displaced inside their own country. If there had been participants with other, different traumatic experiences, we could have compared the results. But there were no such participants. It can be assumed, therefore, that in this case other EI facets will have predictive value, not the emotion regulation. The result again corroborates our suggestion that each EI facet should have a different predictive value for dealing with trauma. If we had been able to measure other mental disorders in the study, different trait EI variables would have had predictive value for the disorder. But the given study did not provide the opportunity to assess all those variables. So, it is a subject for future research.

As to the gender difference in PTSD, one of the possible explanations of the gender difference in PTSD is the gender stereotype in Georgian culture which requires men to “hide” their emotions and concerns, while women can openly express the symptoms they are suffering from.

Higher levels of PTSD in older people might be a result of not only past but also current circumstances, as older people usually assume greater responsibility for dealing with new stressful living conditions than younger people.

The participants who experienced the death of family members reported more PTSD symptoms than those who had no such experience, but the number of days spent in a war zone was not correlated with PTSD severity. At first glance it seems logical to assume that the more days people spend in a war or a conflict zone, the more severe the PTSD should be, as they are subjected to more traumatic events. But that indicator proved wrong. The classification of traumatic events divides them into two distinct groups: rapid and abrupt events,

often lasting a few minutes or a few hours, and systematic, repeated and lasting exposure. PTSD could develop as a response to both types of events. So, the number of traumatic experiences is not connected with PTSD severity. The study results showed that the number of days was just a formal indicator of trauma and suggested that we should choose a more relevant indicator to find out the connection with PTSD (e.g., whether a person witnessed someone's killing or was caught in crossfire, air raid or artillery bombardment). It should be also mentioned that the participants came from rural communities that have not lived in peace since the beginning of the 1990s (the start of the Georgian-Ossetian conflict).

CONCLUSIONS

The findings of the study allow us to draw the following conclusions:

(1) Trait EI is a predictor of post-traumatic stress – persons with higher EI scores are less likely to experience PTSD symptoms;

(2) Different trait emotional intelligence facets have different predictive value for post traumatic stress and emotion regulation is an essential facet for dealing with PTSD symptoms of IDPs;

(3) There are gender and age differences in post-traumatic stress – traumatic events have a greater impact on women than on men, and greater influence on older people than youths;

(4) There is a correlation between trauma specifics (the death of family members) – those who experienced the death of family members report more PTSD symptoms than those without such experience, but the level of trauma exposure (the number of days spent in a conflict zone) is not correlated with post-traumatic stress severity.

Theoretical and practical implications. Emotional intelligence is a relatively new concept and only a few studies have addressed it so far.⁴ There is no literature in which components of emotional intelligence are involved in the development of post-traumatic stress disorder. That is why our assumption that EI should have a predictive value for PTSD is based on EI theories. Accordingly, if these results prove the theory, the study will have substantial theoretical value.

The study identified personal factors related to specific behaviors that are effective in dealing with trauma. They provide a basis for preparing recommendations on the development of coping strategies, EI training-modules and psychological relief projects for IDPs. The study results show that Trait EI is a predictor for coping with PTSD. This finding is important for professionals working on personnel selection for jobs and positions associated with high levels of tension and stress (military servicemen, police officers fire-fighters). It is possible to use G-TEQue in combination with other personnel selection criteria.

Limitation and delimitation. The study has several limitations, as it covers only one specific stressful situation. For this reason it is impossible to generalize

⁴ It should be mentioned that number of studies on EI is increasing. As of 1995 the number of publications was 14, as of 2010, it has reached 13,000, Stough et al. (eds.), 2009.

the study results and apply them to other stressful situations, as there is no indication as to which component of trait EI is involved in dealing with other stressful situations. It is appropriate, however, to assume in general that individuals with higher EI are likely to cope with any type of trauma effectively. But it should be noted that examination of other traumatic situations was not the goal of the study. The second limitation is that the sampling was not clinical. If it had been, it would have made it possible to measure EI predictive value for PTSD with higher accuracy. But IDPs were chosen for the study because they represent a group of people with potentially traumatic experiences and the probability of PTSD symptoms is high among them.

Future research and recommendations. It would be useful if future research projects are focused on two priority objectives: (a) to measure the predictive value of EI and its facets for post-traumatic stress in different traumatic situations, and (b) to explore the role of EI as a predictor for other mental disorders (e.g., anxiety, depression) on the basis of a clinical sampling.

References:

1. Bar-On R., The Bar-On Model of Emotional-Social Intelligence (ESI), 2006, *Psychothema*, (18 supl), pp. 13-25.
2. Downey L. A., Johnston P. J., Hansen K. L., Schembri R., Stough C., Tuckwell V. & Schweitzer I., 2008, The Relationship Between EI and Depression in a Clinical Sample, *The European Journal of Psychiatry*, 10, pp. 105-116.
3. Emmerling R. J., Shanwal V. K. & Mandal M. K., (eds.), *Emotional Intelligence: Theoretical and Cultural Perspectives*, Nova Science Publishers, 2008.
4. Folkman S. & Lazarus R. S., If It Changes It Must Be a Process: Study of Emotion and Coping During Three Stages of a College Examination, *Journal of Personality and Social Psychology*, 1985, 48 (1), pp. 150-170.
5. Folkman S. & Lazarus R. S., Dunkel-Schetter C., DeLongis A. & Gruen R. J., Dynamics of a Stressful Encounter: Cognitive Appraisal, Coping, and Encounter Outcomes, *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986, 50 (5), pp. 992-1003.
6. Goleman D., *Emotional Intelligence: Why Can It Matter More Than IQ*, New York: Bantam Books, 1995.
7. Goleman D., *Working With Emotional Intelligence*, New York: Bantam Books, 1998.
8. Hansen K., Lloyd J. & Stough C., Emotional Intelligence and Clinical Disorders in C. Stough et al. (eds.), *Assessing Emotional Intelligence: Theory, Research and Application*, The Springer Series on Human Exceptionality, 2009.
9. Hay Group McClelland Center for Research and Innovation, *Emotional Competence Inventory (ECI) Technical Manual*, 2005.
10. Heszen-Niejodek I., Coping Style and Its Role in Coping With Stressful Encounters, *European Psychologist*, 1997, 2(4), pp. 342-351.
11. Horowitz M., Wilner N. & Alvarez W., Impact of Event Scale: A Measure of Subjective Stress, *Psychosomatic Medicine*, 1979, 41(3), pp. 209-218.
12. Hunt N. & Evans D., Predicting Traumatic Stress Using Emotional Intelligence, *Behavior Research and Therapy*, 2004, 42, pp. 791-798.
13. Lazarus R. S. & Folkman S., *Stress, Appraisal and Coping*, New York: Springer, 1984.
14. Leible T. L. & Snell W. E. Jr., Borderline Personality Disorders and Aspects of Emotional Intelligence, *Personality and Individual Differences*, 2004, 37, pp. 393-404.
15. Martinez-Pons M., The Relation of Emotional Intelligence With Selected Areas of Personal Functioning. *Imagination, Cognition and Personality*, 1997, 17, pp. 3-13.

16. Mayer J. D. & Salovey P., What is Emotional Intelligence? In: P. Salovey & D. Sluyter (eds.), *Emotional Development and Emotional Intelligence: Implications for Educators*, 1997, New York: Basic Books, pp. 3-31.
17. McFarlane A. C., Avoidance and Intrusion in Post-Traumatic Stress Disorder, *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 1992, 180(7), pp. 439-445.
18. Nolindin K., *The Relationship Between Emotional Intelligence and Social Anxiety in a Clinical Sample*, Unpublished Honors Thesis, Swinburne University of Technology, Australia, 2006.
19. Parkes K. R., Coping in Stressful Episodes: The Role of Individual Differences, Environmental Factors and Situational Characteristics, *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986, 51 (6), pp. 1277-1292.
20. Petrides K. V. & Furnham A., Trait Emotional Intelligence: Psychometric Investigation With Reference to Established Trait Taxonomies, *European Journal of Personality*, 2001, 15, pp. 425-448.
21. Petrides K. V. & Furnham A., On the Dimensional Structure of Emotional Intelligence. *Personality and Individual Differences*, 2000, 29, pp. 313-320.
22. Petrides K. V., Pita R., Kokkinaki F., The Location of Trait Emotional Intelligence in Personality Factor Space, *British Journal of Psychology*, 2007, 98, pp. 273-289.
23. Petrides K. V., *TEIQue Technical Manual*, University College of London, 2009.
24. Regehr C., Hill J. & Glancy G. D., Individual Predictors of Traumatic Reactions in Firefighters, *Journal of Nervous and Mental Disease*, 2000, 188(6), pp. 333-339.
25. Rentoul R. & Ravenscroft T., Managing Post-Traumatic Stress in the Emergency Services, *Disaster Management*, 1993, 5(4), pp. 199-201.
26. Schutte N. S., Malouff J. M., Hall J. E., Haggerty D. J, Cooper J. T., Golden, C. J., et al. (1998), Development and Validation of a Measure of Emotional Intelligence. *Personality and Individual Differences*, 1993, 25, pp. 167-177.
27. Stough C., Saklofske D. H., Parker J. D., *Assessing Emotional Intelligence: Theory, Research and Applications*, The Springer Series on Human Exceptionality, 2009.
28. Summerfeldt L. J., Kloosterman P. H., Antony M. M. & Parker J. D. A., Social Anxiety, Emotional Intelligence and Interpersonal Adjustment, *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 2006, 28 (1), pp. 57-68.
29. Tsaousis I. & Nikolaou I., Exploring the Relationship of Emotional Intelligence With Physical and Psychological Health Functioning, *Stress and Health*, 2005, 21, pp. 77-86.
30. Weiss D. & Marmar C., The Impact of Event Scale-Revised: In: J. Wilson & T. Keane (eds.), *Assessing Psychological Trauma and PTSD*, New York, Guilford, 1997.

Appendix A

Sampling domain of TEIQue⁵:

Facets :

1. Adaptability
2. Assertiveness
3. Emotion expression
4. Emotion management (others)
5. Emotion perception (self and others)
6. Emotion regulation
7. Impulsiveness (low)
8. Relationships
9. Self-esteem
10. Self-motivation
11. Social awareness
12. Stress management
13. Trait empathy
14. Trait happiness
15. Trait optimism

High scorers view themselves as . . .

- . . .flexible and willing to adapt to new conditions
- . . .forthright, frank, and willing to stand up for their rights
- . . .capable of communicating their feelings to others
- . . .capable of influencing other people's feelings
- . . .clear about their own and other people's feelings
- . . .capable of controlling their emotions
- . . .reflective and less likely to give in to their urges
- . . .capable of maintaining fulfilling personal relationships
- . . .successful and self-confident
- . . .driven and unlikely to give up in the face of adversity
- . . .accomplished networkers with superior social skills
- . . .capable of withstanding pressure and regulating stress
- . . .capable of taking someone else's perspective
- . . .cheerful and satisfied with their lives
- . . .confident and likely to "look on the bright side" of life

Factors:

1. Well-being . . .generalized sense of well-being, extending from past achievements to future expectations
2. Self-control . . . a degree of control over individuals urges and desires
3. Emotionality . . . belief of having a wide range of emotion-related skills
4. Sociability . . . successful social relationships and social influence skills

⁵ Interpreting sub-scale scores are extracted from: Psychometric Properties of the Trait Emotional Intelligence Questionnaire (TEIQue), (Petrides, 2009), in Stough, Saklofske, Parker, 2009 –Assessing Emotional Intelligence: Theory, Research, and Applications.

Трансформация и репрезентация

Transformation and Representation

PERCEPTIONS OF TWO INTERNAL POLITICAL CONFLICTS AND CIVIL UNREST IN GEORGIA'S MODERN HISTORY

Tiko Tkeshelashvili

*Hegel was right when he said that we learn from history
that man can never learn anything from history.*

George Bernard Shaw

Introduction

Among all the opinion pieces about the origins and evolution of a crisis in a country or discussions about related processes, two views usually stand out from the rest. According to one, national memory is too short and its ability to learn lessons from past mistakes is rather limited. The other holds, that no experience, positive or negative, is wasted, that it is probably stored in *collective memory* and that it is one of the key factors in a political culture that shapes the process. The 2009 political crisis in Georgia, marked with massive protest rallies, is just one in a series of events that sparked similar public discussions and raised questions about what kind of political culture has developed in the country since the 1991-92 civil war.

What is a political culture? The term *Political Culture* was first introduced by Gabriel A. Almond (an American political scientist) in 1960s. He defined political culture as a set of expectations, perceptions, and forms of behavior which members of a political system have with regard to this system in general and institutions and actions in particular. It means that political culture can be assessed by finding out what members of a political system know about the sys-

tem they belong to, what kind of attitudes they have and how they act in the given system.¹

In order to understand political culture fully, one has to study everything it is expressed in: types of political actors, motivation, forms of political competition and participation, decision and choice-making processes, attitudes, values, visions, political symbolism and political communication (applied political language).

At first, political culture studies usually focused on analyzing *perceptions* of an actual political reality. Accordingly, opinion polls and surveys relied on commonly used methods for assessing a given political culture. Later, other variables – such as traditions, history, and national identity – were added to the equation in order to get a *bigger picture* and better understanding of the political culture of a nation.

The present paper looks into only one fragment of the bigger picture. It captures perceptions of political analysts and researchers on political leadership culture in the context of the two civil upheavals that took place in Georgia in 1991/92 and 2009. The paper begins with an overview of the two milestone political events, followed by presentation and analysis of in-depth interviews conducted in March-September 2010.

Purpose of the study

Despite some similarities, the two aforementioned conflicts in the modern history of Georgia differ in ways which reflect, to a certain degree, the dynamics or change of the political culture in Georgia over the last two decades.

What is the difference between these two conflicts? Have political leaders and various actors involved in the processes, as well as the society as a whole, advanced in terms of their ability to address major political disagreements? The massive protest rallies of 2009 which reached their apex on May 6 and 26 had a less tragic ending than the civil confrontation of 1991-1992 because the modern Georgian society (especially the

¹ It should be mentioned that popular understanding of political culture in Georgia is different from how it is defined in political science. We often hear people speak about the presence or absence of political culture rather than about the nature of political culture.

political leadership) demonstrates more *responsible attitudes* and is more wary of the potential consequences of its actions? What are the main driving factors of this “rational” approach? Has the Georgian political culture changed since the early 1990s?

It is a changed style of political leadership on both conflicting sides, the argument goes, that seems to have prevented the protest from rallies turning violent and evolving into a new civil war in 2009.

Although it is important to examine perceptions of different groups – members of political parties, authorities, and ordinary citizens – the given research concentrates on political analysts and researchers, because these are the people who study, analyze, and discuss social-political developments in a country as part of their profession and, therefore, can be considered opinion-makers. This paper is an attempt to answer the above-specified questions by identifying and presenting respondents’ perceptions of these two events and analyzing perceived similarities and differences. Another goal of the research is to reveal common and conflicting views in this particular sampling.

The main objective of the interviews was to collect, classify, analyze and present attitudes, perceptions and opinions of a select group of respondents² on the two abovementioned events rather than to reconstruct political processes or verify real facts.

The sampling of respondents was based on diverse selection criteria, including their political preferences, visions, backgrounds, and attitudes towards political processes. None of them was a member of any political party. Some of them were fierce critics of the government, while others criticized the opposition. There were also respondents who were equally critical of both the current ruling elite and the opposition forces. But the interviews showed that despite these differences, experts viewed political processes in a similar way and shared certain opinions (presented below).

The research methodology included:

- ▶ Desk research – overview of articles about political culture and the two events, as well as opinion polls;
- ▶ In-depth interviews with opinion-makers – the central component of the research and the main source of information for the analysis;

² In total 9 in-depth interviews were conducted. No respondents are named in this paper.

- ▶ Analysis – the final stage of the research, analysis of the gathered materials.

The interviews were the main source of information for the analysis. All other materials were used as a complementary source.

The questions of the interviews were designed and arranged into the following thematic segments:

- ▶ Assessment of the civil war of the early 1990s: description of the government and main opposition forces; assessment of the leadership styles; identification and description of the supporters of each conflicting party; assessment of the processes that led to the civil war;
- ▶ Assessment of the present-day situation: description of the government and main opposition forces; assessment of the leadership styles; identification and description of the supporters of each conflicting party; assessment of the processes that led to the crisis.

The interviews produced interesting results and helped reveal the main perceived features of the political leadership during the two researched periods, as well as perceptions of its response to the internal political crisis. A comparative analysis of these perceptions made it possible to find out which features are considered/perceived to have changed or improved and which are new and characteristic of the current leadership.

The two conflicts – an overview

Two key events are the focus of the present research: the civil war of the early 90s and the internal political crisis of 2009. The former is the first, while the latter is one of the latest³ internal political conflicts in the two decades of Georgia's independence. Both provide important background for better understanding and comparing of the perceived changes in Georgian political culture.

Since regaining independence, the young and inexperienced Georgian state, which inherited a lot of serious problems, has gone through a number of troubled periods, some of which led to violent conflicts posing a grave danger

³ At the moment of the study.

to the statehood and sovereignty of the newly independent country. The first democratically elected Georgian government was in power for only about 14 months. The escalating tensions between the government and the opposition, which accused the president of *dictatorial behavior, totalitarianism, cultivation of extreme nationalism, and unwillingness or inability to carry out economic reforms*, evolved into a civil war in December 1991 January 1992 and resulted in the overthrow of President Zviad Gamsakhurdia. Afterwards, the country was temporarily governed by the so called *Military Council* representing influential warlords and main paramilitary and criminal groups. It was during its rule that Georgia lost control over South Ossetia (in 1992) and Abkhazia (in 1993). Apart from inflicting heavy casualties and extensive damage to the livelihoods of hundreds of thousands of civilians, the Abkhaz-Georgian and Georgian-Ossetian conflicts plunged the country into political instability and significantly slowed down its social and economic development. Georgia was long unable (and in some sense is still struggling) to overcome this negative legacy.

It seems reasonable to conclude that the young Georgian state – its political elite and general public – was not prepared for new challenges and responsibilities emanating from the status of a newly independent country. Unfortunately, bitter political rivalry and personal ambitions of the political leaders on both sides of the political divide and their inability to reach a compromise over most crucial issues brought about disastrous consequences for the country.

Some political scientists (this opinion was also reflected in the interviews) believe that this political inexperience stemmed from the negative Soviet legacy. Both the ruling elite and the opposition had little experience of dissident activities. Most of the former Soviet political elite (some of them took up various positions in the Georgian government after the break-up of the USSR) were incapable of independent political decision-making, as previously they had to obey orders from Moscow and implement them in a one-party and generally loyal environment.

A number of significant events have taken place in Georgia since the end of the civil war, including the 2003 Rose Revolution, the November 7, 2007 unrest, and the 2008 August war. The last two had a huge negative impact on the country's social and political life, though it is obvious to me that their characteristics are very different from those of a civil war.

Although the 2009 political confrontation between President Saakashvili and his team on the one hand and the opposition on the other, shows some similarity to the aforementioned conflict of the 1990s (similar emotional overload, the way society was divided and the impact on ordinary people), there are also significant differences (in relation to the development of events, the response of conflicting parties to the crisis and, most importantly, the consequences).

Political opponents⁴ heavily criticized the government for adopting what they said were wrong development priorities and irrelevant forms of modernization for the country. The opposition leaders claimed that *the Georgian government was too authoritarian and disrespectful to fundamental freedoms and human rights and the rule of law; that all decisions were actually made by a relatively small circle of the president's confidants and advisers; and that the Georgian political system was too centralized*. In their words, such a regime was unacceptable for a democratic country. The confrontation resulted in a stand-off that prompted a wide range of opposition forces to unite around the idea of bringing an end to the regime. The opposition initially managed to mobilize a substantial number of supporters (some tens of thousands).

On April 7, 2009 the leaders of the opposition alliance which spearheaded the mass protests from April to June issued a statement demanding President Saakashvili to step down on the grounds that he *“has abused power in all possible ways; launched a war, ignoring the will of the Georgian people and being well-aware that it was impossible to win and would result in the loss of Georgian territories and claim hundreds of lives among the Georgian military and our fellow citizens in Tskhinvali; ruined the Georgian economy and sold most national assets to Russians; deprived his people of basic freedoms including freedom of speech; illegitimately destroyed and confiscated private property; widely used election fraud and manipulated votes in the last presidential elections to remain in power. All this means that he has lost legitimacy and the trust of his people, and cannot lead this country any longer. If he stays in power, Georgia will face a real danger of a new war and even more destruction.”*

⁴ President Saakashvili and his party, which has a constitutional majority in the Parliament, were challenged by the opposition, namely an alliance of several oppositional parties, which pressed for his resignation and snap presidential and parliamentary elections.

The mass protest rallies and demonstrations concentrated were mainly in Tbilisi and involved radical actions, such as the blockade of streets and administrative buildings over a long period of time (April-August 2009). Except some small-scale skirmishes between pro-government and opposition supporters, the 2009 demonstrations were largely peaceful. But on May 6⁵ and May 26⁶ tempers suddenly flared up and the protest turned violent, leading to clashes between the protesters and the police. A group of protesters even briefly blocked the main railway. Fortunately, the conflict soon de-escalated and bloodshed was prevented.

It is worth noting that both presidents – Gamsakhurdia (86% of the votes) and Saakashvili (96% of the votes in the first term and 53% in the second) – came to power with substantial electoral support and a high level of public confidence. And both lost people’s support in a relatively short time. In both cases the protest began as civil unrest, involving large numbers of people from almost all strata of the population, and was marked with heightened tensions and emotional overload.⁷ It is also important to note that both conflicts involved different social groups and different parts of society stood across a dividing line. The extreme polarization of society is a common feature of these two events.

While these two conflicts are similar in the sense that they split society into two conflicting and irreconcilable camps, I agree with the opinion that this was not the case during the Rose Revolution. In 2003 the Georgian society seemed more consolidated against Shevardnadze’s rule due to massive and immense public discontent with the government over a wide array of issues (corruption and economic stagnation).

⁵ “Several opposition politicians and activists were injured as a result of confrontation with the police outside the Tbilisi police department headquarters late on Wednesday evening. Protesters arrived at the headquarters after the popular singer and the activist Giorgi Gachechiladze suddenly showed up at the rally outside Parliament on Wednesday evening and called on the protesters to march towards the Tbilisi police department to demand a release of three activists arrested in connection with an assault on the public TV.” Civil.ge, May 7, 2009 <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=20863&search=>.

⁶ “Tens of thousands of protesters gathered on May 26 – Georgia’s Independence Day and the 48th day of street protests – demanding President Saakashvili’s resignation. After Giorgi Gachechiladze’s speech the protesters moved towards the St. Trinity Cathedral to attend a prayer by Patriarch of the Georgian Orthodox Church, Ilia II. Amid the heightened tensions, Ilia II issued a statement suggesting that the opposition should drop its demand for President’s resignation. Late on May 27, hundreds of opposition activists and supporters blocked the main railway at the Tbilisi central railway station for about three hours – it was the first time the opposition has employed this tactic since the protest began on April 9”. Civil.ge, May 27, 2009.

⁷ The civil war of the 1990s had a huge impact on society, leaving scars that lasted for years. In the following years Gamsakhurdia’s supporters were arrested en masse and/or marginalized in society.

The peaceful character of the 2003 Rose Revolution led local and international political analysts to assume that civil and political culture in Georgia had changed and become more *mature* in comparison with the early 1990s. It was widely seen as a success story for the entire region. After the revolution, a majority of local and international experts concluded that despite some minor problems, it had a positive impact on the country's political, social and economic development and society's transformation process. It was perceived as a successful example of a peaceful change of power. It seemed that Georgia's civil and political culture had substantially improved and the country entered a new, more advanced phase of the state-building process. But later dramatic events, namely the forceful break-up of a peaceful demonstration on November 7, 2007 and the Russian-Georgian war in August 2008, caused some experts to question the sustainability of the Georgian state institutions and the Georgian leadership's ability to maintain stability in the country.

The steady escalation of tensions in 2009 fuelled widespread fears that violence, i.e. a clash between the police and the protesters, was unavoidable. Assessments and opinions expressed in various public discussions, TV or radio talk shows, and newspaper articles, suggested that the situation was very much reminiscent of the events of the early 1990s. Parallels were drawn between the two confrontations, triggering a heated public debate. A deep split in the society was evident,⁸ and the public began to ask: why are we getting into the same trouble and turmoil again and again? Are we able to learn anything at all from the past experience?

Fortunately, the political opponents managed to prevent the worst fears from coming true. Although the prospect of violence was quite real, the conflicting parties demonstrated a sufficiently rational and responsible approach.⁹ The main question is how it was possible. What prevented the 2009 events from becoming a repeat of 1991?

⁸ A good illustration of this could be the fact that there were groups of pro-government and pro-opposition artists.

⁹ CRRC blog on Freedom House 2010 Report: "Nation in Transit": "...report notes that despite political unrest and demonstrations, both the protesters and the government mostly refrained from violence, which had been a severe problem in previous years. As a result, it may be construed that Georgia is making certain attempts at progress in this realm." <http://crrc-caucasus.blogspot.com/2010/07/post-soviet-states-democratic-decline.html>.

1991-92 – perceived features

This section describes the respondents' views and assessments of the above-mentioned developments. The first question asked the respondents to evaluate Gamsakhurdia's leadership first as chairman of the Supreme Council of Georgia and then as president. Respondents identified key actors and groups that influenced political processes and their proponents, political goals of the leaders and the means by which they planned to achieve these goals.

► Political leadership and society were described generally in similar terms. The respondents used the following adjectives to characterize these actors: inexperienced, unethical, populist (negative connotation), radical, extremist, immoral, unrealistic/inadequate, selfish, irrational, prone to confrontation, unprincipled and dishonest. It is noteworthy that Gamsakhurdia and his team didn't expect that they would eventually come to power. Therefore they had little idea what to do and how to govern the country in the event that it became independent. Some respondents attributed the leadership's inexperience to the negative legacy of the Soviet past, emphasizing that generations of Soviet citizens were brought up without knowing anything about how the government works and what state management is. One of the respondents recalled attempts to establish the Soviet model of management in certain governmental agencies. Former Soviet functionaries and government members proved largely irrelevant in the new reality because they were used to implementing Moscow's direct orders in a one-party environment with no opposition.

“Those who came to power had no idea how to govern the country and how the state functions, especially in a transitional period which, on the one hand, often generates self-destructive processes and, on the other hand, requires to handle these processes correctly in order to transform” (A. R.).

Gamsakhurdia and his team had also little experience in political relations. They tried to stifle and suppress all dissent and opposition, labeling opposition supporters and leaders as “enemies” and refusing to talk to them. One of the important questions of the interviews was about the origin of conflict. Gamsakhurdia's weak leadership and inability to govern efficiently caused rifts and

discord within the government. Some of his closest allies – Sigua, Kitovani – defected to the opposition, eroding his legitimacy and authority. According to the respondents, Gamsakhurdia and his team had used wrong approaches all along. In the words of one of them:

“They had a feeling that they were surrounded by a hostile environment, both outside and within the country. The biggest external danger was the Soviet Union, the Kremlin. Besides, they expected sabotage and resistance from the existing elites [inside the country]” (G. N.).

The respondents described exaggerated hopes and expectations of western assistance and involvement (UN, the US, European states) and unrealistic estimates of Georgia's resources (water, tea) as wishful thinking which was characteristic of Georgian society in the early 1990s.

“Both the general public and the leadership had strong mytho-poetic thinking: history was mythologized (all Georgians were said to be brave) and it was widely believed that the country would be able to live solely on profits from Borjomi mineral water. Unrealistic as they were, such views were very popular in the society” (D. L.).

In terms of values, the ultra-nationalistic ideology pursued by Gamsakhurdia's government was another indicator of its incompetence and irrelevance. On the whole, the Georgian society had a rather vague system of values at that time.

“In fact, they [Gamsakhurdia's government] failed to understand that Georgia was a multiethnic country and, therefore, their policies tended to be apparently discriminatory” (M. C.).

According to one of the respondents, the fact that a known criminal managed to build enormous political influence and power also illustrates what kind of society Georgia was in the early 1990s – a society with corrupt values, where criminals were respected and even admired.

“The intelligentsia turned against Zviad because of his extremism but at the same time they tolerated Jaba Ioseliani. This cannot be denied. He was even elected to the parliament. They sat alongside each other in the parliament and nobody told him: You are a criminal. They treated him as an ordinary man” (G. K.).

Respondents generally agreed that the part of society that challenged Gamsakhurdia regarded the alliance of Ioseliani and Kitovani as nothing more than an instrument to get rid of the ruling elite. They wanted to overthrow Gamsakhurdia at all costs, while Ioseliani and Kitovani wielded real power backed by force – Mkhedrioni and elements of the National Guards. Another explanation of why Ioseliani was accepted by the society is that the country was in chaos at that time.

The respondents also emphasized that the lack of values made people feel totally disorientated in the new reality. That period, referred to as transitional, saw a lot of random people take up positions in government and various political unions, trying to exploit the country’s chaotic situation for personal gain (to get power, money). Also, the society’s political choices and preferences were based mainly on emotions rather than rationality.

▶ The overall context was described as chaotic, disordered and uncertain. Chaos was said to be everywhere – in the government, in social and political life. The decision-making process was extremely disorganized. The society felt disorientated, especially when the anti-Gamsakhurdia campaign gained strength. The external context was largely unpredictable and vague due to the collapse of Soviet Union.

▶ Key political actors/groups: former dissidents mostly from academic circles/humanists; former Communist Party members; criminal groups.

▶ The main groups of supporters: the so-called provincials, i.e. rural residents from the regions which were Gamsakhurdia’s main powerbase; intelligentsia, which was overwhelmingly opposed to Gamsakhurdia; armed forces and paramilitary groups – Mkhedrioni and elements of the National Guards under Tengiz Kitovani.

It is noteworthy that several respondents mentioned philosopher Merab Mamardashvili as one of a very few people who managed to retain common sense. Their assessment suggests that Mamardashvili had certain influence on part of the society.

"Merab Mamardashvili was the only 'bright spot'. He looked as if he were from another world. He preferred truth to nationalism... He said that nationalism could not and should not be an excuse for violation of human rights" (M. C.).

One respondent pointed out, however, that it was precisely Mamardashvili's ideas that laid the foundation for anti-Gamsakhurdia campaign and were effectively used by the opposition to justify and legitimize its radical anti-government actions.

Some of the respondents appeared to have shared the view that then Georgian society at the time was waiting for a "savior" who would solve all the problems of the country at once. Some respondents held a different opinion, arguing that citizens were quite active – once the civil war broke out they took up arms and fought for what they thought was right.

► **Background: Soviet system and its collapse.** Most of the respondents agreed that the Soviet system had a huge impact on society and several generations of Georgians. That is why the people who came to power immediately after breaking away from USSR were hardly able, if at all, to de-Sovietize the country in a short period of time and replace the old Soviet system with a new one. It was equally hard to change the deeply rooted Soviet mentality. The leaders of the Georgian national movement emerged precisely from this system. According to the respondents, they knew well enough how to challenge the system and organize protests, but had little idea of how the state functions.

In brief, the respondents' assessment of the main actors of the time – political leaders and the general public – was considerably critical and even negative. All characteristics were given in critical and negative terms. One respondent was even self-critical and acknowledged that what he did in 1991-1992 no longer seemed right to him as it led to very bad consequences for the country.

"I didn't support Zviad. Today I'm not ashamed of this but I'm not sure whether I was right to oppose him. But they [Gamsakhurdia's team] made a lot of mistakes. They didn't have any idea what to do" (A. R.).

One explanation of this negative perception is that people usually view the above-described events in terms of their disastrous consequences and destructive impact on the future of the country. It is for this reason, it seems,

that the respondents were extremely critical of everybody who was involved, directly or indirectly, in the civil confrontation, contributed to the escalation of tensions or did nothing to prevent them, and considered them responsible for the consequences. This explains why the society as a whole was assessed negatively, as a nation with vague values, which proved unable to ward off the turmoil of the early 1990s and allowed political actors to pursue private interests and ambitions. A majority of the respondents claimed that, after all, it is the society's responsibility to prevent political leaders with controversial and suspicious agendas, adverse for the public interest, from fulfilling their ambitions and goals.

▶ External factors were also examined and discussed, as they arguably contributed to the confrontation too. It should be noted, however, that the internal factor – namely the political leadership's incompetence and inability to manage processes efficiently – was identified as the main cause of the conflict. As to external factors, the respondents pointed the finger at Russia, claiming that it played a major role in provoking the tensions and had a negative influence on political processes. According to the respondents, Russia had an interest in destabilizing the situation in the newly independent Georgia and tried to achieve its goals by manipulating certain political groups.

There was a broad consensus among the respondents that the conflict was caused mainly by internal factors, while external forces simply exploited the situation to their own advantage. Therefore, in their opinion, solutions are to be found within the country, not outside.

2009 – perceived features

The respondents had very different opinions about the current government. Most of them accused the current leadership of having an authoritarian or semi-authoritarian style of governance. But they differed widely in their understanding of the main reasons for the rise of authoritarianism in Georgia. According to one view, the government is neither interested in nor willing to build a democratic society in Georgia and, therefore, it should resign. The respondents put forward various hypotheses to explain the deficit of democracy in Georgia. Most of them argued that it was caused by the weakness of society

in general and, particularly, the opposition's inability to challenge the country's leadership and launch a meaningful debate around the pressing issues. The complex geopolitical context was cited as another important reason. According to its proponents, the regime is anxious to concentrate political power and authority in the hands of the executive in response to national security threats coming from Russia, which is looking to destabilize Georgia with the help of various pro-Russian groups within the country. It is for this reason that the ruling elite has sought to strengthen its control as much as possible and adopted authoritarian methods, one of the respondents emphasized.

► When describing the current political **leadership**, the respondents were more specific.

The ruling elite was mainly portrayed as arrogant and indifferent to other people's opinions and feelings, especially those directly affected by their decisions. Although the ruling elite has proved its ability to implement successful reforms (for instance the reform of the police), it is said to be lacking political will to achieve consolidation of democracy. The ruling elite was also accused of employing forceful means to change – or modernize – the society while paying little respect to traditional Georgian values. It was also emphasized that the core of the current ruling elite was made up of young reformers who emerged from Shevardnadze's elite.

“Today we have a more educated team of young reformers who are implementing reforms in a way they think is appropriate and efficient. They do not have much respect for public opinion, because they think that the Georgian society is still too backward and reforms should be imposed from above. It seems that their main priority is not democratization but a strong centralized state” (G. T.).

The role of personalities in politics was also highlighted:

“The personal characteristics of the leaders have a strong impact on the country. This is because there are no democratic control mechanisms to oversee the government's policies” (N. S.).

The opposition. All opposition forces were assessed predominantly in negative terms. They were described as weak, disoriented, fragmented and disorganized.

According to the respondents, the opposition consists of a wide variety of different actors and motley groups with unclear goals and ideology. Although some opposition groups were said to be more patriotic and caring about Georgia's interests than the rest, their aims and agendas did not seem quite clear to the respondents.

► The main groups of supporters within society: according to some respondents, the ruling elite's supporters include mainly public servants, as they are heavily dependent upon the government, those who really believe the government and those who simply do not see an alternative, and those who gained relative financial sustainability under this government and are afraid to lose it. The opposition is supported mainly by those who are highly dissatisfied with or have a grudge against the government, those who failed to adapt to the current system and those living in poor social and economic conditions. There are also members and activists of opposition political parties and their relatives, and those who lost their former status and role (representatives of academic circles, intelligentsia).

► Society. Society's political choices are still based on emotions ("who is better for Georgia") rather than reason ("what is better for Georgia"). Part of the society remains opportunistic and tends to support everyone who promises more benefits. People are still looking for a charismatic leader. There is also some tendency towards nihilism and religious radicalism.

The opposition is described as a wide array of political actors and groups, some of which were in government in different periods in the past.

When talking about the 2009 unrest, almost all respondents agreed that every involved party should take its share of the blame: the ruling elite – because it makes decisions and determines the rules and, respectively, bears the main responsibility – and the opposition – because of its inefficiency and inability to represent the will of the people and challenge the government effectively.

The respondents evaluated the current society as nihilistic. They said it has confidence and interest neither in the government nor in the opposition, and is largely indifferent and passive in social and political life.¹⁰ In the respondents' opinion, the widespread nihilism and indifference can pose a serious danger to the internal stability of the country.

¹⁰ The Barometer 2009 (by IPS) showed that up to 40% of the population doesn't support any political leader or party. An additional 17% are undecided. This means that more than half of the population have no confidence in political actors (the ruling regime or the opposition).

"People have lost all illusions. They have witnessed and experienced a lot of hardship and don't trust anyone – it is very bad for the country. The spread of apathy in society is always dangerous, because it can turn into aggression" (N. S.).

Experts say that society has always been and will always be a key driving force of development, peace and stability. But they admit also that the current Georgian society is not mature enough – it lacks critical thinking, its choices are still based on emotions, and it fails to understand that it bears primary responsibility for the country's future.

"We have always hoped that a kind king will come and solve all our problems" (A. R.).

Such views are very much reminiscent of the perceptions in the early 1990s. In other words, people do not understand what their own role is and are still looking for a good leader in the hope that he/she will solve all their problems.

At the same time, however, the respondents noted that public attitude towards peace has obviously changed in Georgia. In their words, both the general public and political leaders have learnt the lessons of the past, both negative and positive:

"Today peace is valued in Georgia much more than before... I clearly see this progress... In 2009 people were ready to take even the most radical action, if urged to do so by opposition leaders. But current political leaders have explicitly denounced such actions" (I. A.).

General perceptions/summarized statements

The summarized perceptions of the respondents:

▶ In their answers the respondents frequently used the term "democracy", e.g., how democratic, how much democracy. The rule of law and fundamental human rights were defined as key principles of democracy;

▶ The respondents, regardless of their backgrounds and political preferences, shared a common understanding of what happened in Georgia in the early

1990s (although their opinion was mostly negative; President Gamsakhurdia was often spared from criticism). At the same time, their views on the current situation were somewhat contradictory and incoherent (whether the ruling elite have the political will for democratic transformation and whether the opposition is capable of bringing about any change);

▶ There were two dominant opinions as to what groups are in power now and what groups were in charge in the past: (1) the first maintained that the same group had been in power since Georgia regained independence and there was no space for political competition, as outsider groups have no opportunity to challenge the ruling elite. Accordingly, it was argued that Georgia had never undergone true regime change in the post-independence period. (2) According to the second, three successive governments (under Gamsakhurdia, Shevardnadze, and Saakashvili) – i.e. different groups and types of leaders – with different political goals and agendas have been in power in Georgia since independence;

▶ Extremism and internal confrontation were said to be integral parts of Georgian political culture;

▶ All respondents agreed that society has always been and will always be a key driving force of development, peace and stability, and bears prime responsibility for the country's future;

▶ When asked to characterize the political leaders, the respondents described Saakashvili as a hybrid – a mixture of Shevardnadze and Gamsakhurdia. The respondents used different/opposing terms in their assessment: populist, elitist, charismatic/non-charismatic, mentally unstable/balanced;

▶ Some of the respondents pointed out that the two conflicts – in the early 1990s and in 2009 – were similar in terms of their emotional impact, as both split the society into two conflicting groups. But other respondents argued that these conflicts were essentially different and there was no similarity between them.

Conclusion

There are many analytical articles and research papers about the past two decades of Georgian history. Political scientists have approached the social and political changes in Georgia from different conceptual perspectives and proposed different theories to explain them.¹¹ The perceptions of the respondents were basically consistent with the opinions expressed in these analytical papers.

According to the respondents, in some aspects Georgia's political culture has changed little since the early 1990s. Emotional rather than rational approach to political events, extremism expressed in "black-and-white thinking", intolerance of difference and lack of communication with opponents, easy-to-split and hard-to-unite society, consumer rather than participatory attitude to the state-building process and, consequently, minimal sense of civil responsibility remain deeply rooted in Georgian political culture and create a fertile ground for internal conflicts.

The respondents outlined some potential conflict situations. Today, in their opinion, a leader with a criminal background (and/or openly involved in criminal activities) is highly unlikely to get access to power and be accepted by society. But they admitted that exploiting nationalistic sentiments and religious feelings of Georgians can give a political leader a fairly good chance to win substantial support among the voters. Such a leader would then try to use *dark sides* of the nation to obtain and cling to power, and mobilize supporters against his/her opponents. In other words, the interviews suggested that the danger of a violent internal conflict was still quite real in Georgia and it may materialize if an extremist leader takes the helm. Most of the respondents deemed that the best way to reduce the danger was to build strong state institutions.

Although the respondents generally assessed the current leadership's competence and management skills as advanced, they emphasized that much has to be improved. In their words, the current ruling elite manages the country better than its predecessor did in the early 1990s, but it is not enough to maintain internal stability. The government needs to find efficient ways to engage in a constructive dialogue with its opponents, they said.

¹¹ Views of 16 experts on these issues are gathered in: Political Forum: 10 Questions on Georgia's Political Development published by CIPDD in 2007.

The respondents proposed several indicators to gauge the level of stability in the country. *Adequate and efficient work of law enforcement agencies* is one of them. According to the respondents, the government should control illegal arms sales/trafficking and take measures against weapons offences, including possession of unregistered weapons by citizens. Efficient policing is another important factor – the police should serve the society and maintain the law and order. In brief, efficient arms control and policing can considerably reduce the danger of civil conflict and violence. Based on the respondents' answers, it can be assumed that the authorities managed more or less to ensure that both factors were in place and helped to avoid violence. Recent public opinion polls clearly indicate that the Georgian police are widely viewed as one of the most trustworthy institutions of the country, as the citizens are mostly satisfied with how the police work, especially if compared with the *corrupt* and *ineffective* *militsiya* (Soviet term for police). So, one can conclude from these indicators that in the respondents' opinion the country is heading in the right direction. But is the increased capacity of dealing with civil unrest enough to make the country stable? Nearly all respondents said that the weakness of democratic institutions could contribute to tensions and conflicts. In their words, a democratic political system should enable *healthy* political interaction without leading to civil confrontation.

As mentioned above, today people value peace more than in the past. The trend was confirmed by a 2009 opinion poll,¹² which showed that people considered peace, followed by family and health, to be the most important facet of life. Also, the percentage of those who advocated military solutions to territorial conflicts was considerably low (4-5%).

In the respondents' opinion, during the 2009 crisis the authorities and society in general knew well enough what was at stake. The respondents shared opinion that violence was avoided in 2009 mainly due to the responsible attitudes of both the government and opposition leaders. But their motives seem to be different: the government could be interested in maintaining peace in order to secure support (both at home and abroad) for its policies and efforts to overcome the consequences of the 2008 war. For its part, the opposition might have been well-aware that it lacked resources to assume power in the event of the government's defeat. It remains to be seen, however, how long the people will remember the civil war.

¹² Georgia Public Opinion Barometer 2009 by IPS.

Even if a more experienced and skilled political leadership comes to power in Georgia, some potential for destabilization may remain anyway. On the one hand, the respondents ruled out ethnic and religious factors as primary sources of conflict. On the other hand, however, they argued that any political confrontation triggered by ethnic or religious reasons can easily turn into a serious conflict. It is a worst-case scenario, but not an impossible one.

"We are moving very slowly, we are lurching. We are too slow in learning the lessons of the past, though other countries did it quite quickly after gaining independence" (A. R.).

To sum up, we can say that the Georgian culture of political leadership has noticeably changed since 1991. Current politicians seem more experienced and competent than their predecessors. But if we consider internal conflict as a two-phase process (pre- and post-escalation situation), we can conclude that the 2009 crisis demonstrated some progress with regard to the second phase, i.e. post-conflict development. Georgia's political culture has yet to learn how to exercise caution and restraint in the pre-escalation phase of a crisis, and facilitate a dialogue and communication between political opponents and with society.

References:

1. Civil.ge
2. CRRC blog on Freedom House 2010 Report, <http://crrc-caucasus.blogspot.com/2010/07/post-soviet-states-democratic-decline.html>.
3. Political Forum: 10 Questions on Georgia's Political Development published by CIPDD in 2007.
4. Georgia Public Opinion Barometer 2009, IPS.

«ТЫ ЕЩЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ЖИВЕШЬ!»¹: СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ СОВЕТСКИХ УЧИТЕЛЕЙ В ГРУЗИИ

Анна Гусейнова

Идея взяться за изучение того, как адаптируются к современным школьным реалиям учителя, имеющие большой советский опыт работы, зрела у меня давно. Она выкристаллизовалась, можно сказать, из моей личной жизни.

Я родилась в семье учительницы начальных классов, которая ко времени развала СССР отдала школе 17 лет. Сама я все раннее детство провела в школе, что отразилось на моем дальнейшем выборе: в 1997 году я поступила в Педагогический университет им. Сулхан-Саба Орбелиани. И хотя к тому моменту Советского Союза не существовало уже несколько лет, обучение в университете проводилось практически по советскому образцу. Некоторые учебники по методикам преподавания, которые мы штудировали, были изданы еще в 70-е годы. Так что в какой-то степени я и себя могу отнести к советским педагогам. Довольно много людей из моего окружения – тоже педагоги с советским опытом работы. Советскую школьную «кухню» мне довелось наблюдать изнутри, хотя собственного опыта работы в школе у меня нет. В начале 2000-х, когда моя мать попала под сокращение, близкая связь со школой прекратилась. Но интерес к ней остался.

С тех пор как СССР не стало, изменились и условия жизни, и условия работы в школе, и цели и задачи образования. При этом число людей, которые начали свой профессиональный путь в советские времена, все еще велико. Основной вопрос моего исследования: как учителя, которые долгое время работали и жили в советский период, адаптируются к современным условиям жизни и школьным реформам? Для того чтобы ответить на этот вопрос, сначала надо понять, что изменилось после развала Союза. Затем следует

¹ Из интервью с Р. В., 63 года, грузинский сектор школы.

выявить факторы, от которых зависит степень адаптированности учителей. Наконец, я постараюсь описать основные жизненные стратегии (сценарии) учителей, направленные на совладание с новой ситуацией.

Исследование этой темы особенно важно в связи с тем, что от того, как учителя с советской социализацией чувствуют себя в современной школе, насколько они понимают свои новые задачи, зависит то, чему и как они будут учить новые поколения, которым жить и работать уже в другой стране.

Немного о методологии исследования

Исследование сделано методом «кейс стади»². В качестве кейса была взята конкретная средняя школа Тбилиси. Целевой группой являлись учителя, имевшие опыт работы в советское время. Для интервьюирования учителя выбирались из разных секторов этой школы (грузинского, азербайджанского, русского), поскольку советское прошлое у них было одинаковым, а современные условия, к которым им необходимо было адаптироваться, достаточно различны. В ходе исследования было проведено десять глубинных интервью. Также для сбора информации были использованы: а) наблюдение в школе при посещении уроков, родительских собраний и т. д., б) беседы с родителями, в) беседы со знакомыми учителями из других школ.

Все информанты – женщины. Знакомство происходило так: делопроизводитель школы знакомила меня с завучем сектора, завуч с учителем, а учитель потом «передавал» меня своим коллегам. Все интервью были проведены в школе, в свободных кабинетах после уроков.

Основная трудность исследования – получить доступ к полю. Было сделано две попытки попасть в школы. Первая не увенчалась успехом. В другой школе я получила разрешение находиться в школе, однако директор отнесся ко мне с недоверием. Как мне показалось из беседы с ним, это недоверие (как и в предыдущей школе) мотивировалось общим недоверием к неправительственным организациям.

Другая трудность была связана с моим опасением как исследователя, что я столкнусь с языковым барьером в грузинском и азербайджанском секторах, и, как следствие, с недоверием и замкнутостью учителей. Но на

² Исследование проводилось в 2008 году.

практике оказалось, что все «советские» учителя хорошо владеют русским языком и проблем в общении с ними, независимо от сектора, не было. Как ни парадоксально, наибольшие трудности возникли там, где по моим предположениям, их не должно было быть, а именно в русском секторе. Здесь учителя долго не шли на контакт, относились ко мне с подозрением и под разными предлогами отказывались от интервью.

Первые интервью были взяты в грузинском и азербайджанском секторах. Учителей из русского сектора я не беспокоила до окончания учебного года в надежде, что они за то время, которое я находилась в школе, привыкнут ко мне. Но процесс привыкания шел очень медленно, так как все сектора изолированы друг от друга. Все вместе учителя встречаются на педсоветах раз в триместр, иногда на совместных утренниках, которые тоже бывают не часто, и изредка в буфете (буфет в школе общий, в отличие от учительской, которая у каждого сектора своя). По сути, это три разные школы в одном здании и с одним директором.

Что касается наблюдения во время уроков, то учителя, особенно вначале, пытались продемонстрировать мне образцовое их проведение (как они это себе представляли), но по мере привыкания к моему присутствию, уроки возвращались в привычное русло.

Беседы с родителями и учителями из других школ помогали дополнить информацию. Контекстом при анализе, помимо прочего, служил Закон об общем образовании³.

Изменения, происшедшие в постсоветской школе

Одним из самых важных изменений, происшедших в школе после распада Советского Союза, явилось изменение статуса каждого из секторов. Ответственные изменения в целом логически привели к тому, что некогда считавшийся основным русский сектор стал стремительно сокращаться, трансформировавшись из основного в национальный⁴. Грузинский сектор, наоборот, увеличился. Произошло это из-за того, что основная масса русского населения выехала

³ Закон Грузии об «Общем образовании» от 8 апреля 2005 г. №1330/с., (www.mes.gov.ge).

⁴ В советской школе существовало понятие «основной» сектор, т. е. русский, и «национальный», т. е. грузинский, армянский, азербайджанский. Сейчас учителя тоже оперируют этими понятиями, только «основным» является уже грузинский.

из страны, а те люди, которые решили остаться, предпочли отдавать детей в грузинский сектор, чтобы они легче интегрировались в новое общество. Ко всему была распространена агитация среди родителей за грузинский сектор.

Русские классы закрывались, многие учителя остались без работы, а те, кто продолжал работать, должны были сами ходить по квартирам и уговаривать родителей отдавать детей в русский сектор. Кроме того, появились слухи, что к 2012 году русский сектор закроется полностью⁵. Те же проблемы коснулись и азербайджанского сектора, но там это происходило менее болезненно.

«Русским» учителям тяжело осознать, что грузинский сектор, который всегда был для них национальным, теперь стал основным, а они, «главные», стали фактически маргиналами. Что касается азербайджанского сектора, то он всегда был «национальным», так что смена «основного» сектора на их мировосприятии не сильно отразилась. К тому же уже решено, что в ближайшем будущем азербайджанские школы в Тбилиси не будут закрыты⁶.

Из вышесказанного следует, что «русским советским» учителям пришлось адаптироваться не только к принципиально новым методикам, но и к своему новому непривычному положению.

Другое важное наблюдение заключается в том, что серьезным ресурсом для сектора (а следовательно, и для учителя) является наличие «покровителя» в виде неправительственной организации или даже посольства. Особенно значимо это для национальных секторов. У азербайджанского сектора покровители есть. У русского сектора покровительство и раньше носило очень формальный характер, а сейчас его нет вообще. Покровители помогают материально (например, ремонтируют классы), а иногда могут влиять на решения администрации школы.

Внутри школы также есть различия. Одно из них – это то, что в грузинском и азербайджанском секторах среднее количество детей в классе 20-25. В русском – из-за того, что число русских школ продолжает уменьшаться и детей переводят в сохранившиеся, – в среднем в классе насчитывается около 35 человек. А в 11-х классах в этом году количество детей достигало 45⁷. Эта разница отражается на зарплате. Считается, что в классе не должно быть

⁵ В Законе Грузии об «Общем образовании» об этом ничего не сказано. Выяснить, откуда появилась эта информация, не удалось.

⁶ «В Тбилиси не намерены закрывать азербайджанские школы», Civil.ge, 14.07.2007.

⁷ В связи с тем, что грузинский сектор перешел на 12-летнее обучение, а в русском секторе можно было поступать в ВУЗ после 11-го класса, большое количество детей из грузинского сектора перешло в русский, чтобы не терять год.

больше 25 человек⁸, так как учитель при большем числе детей не сможет уделять им должного внимания, снижается качество преподавания. Поэтому чем больше детей, тем меньше зарплата учителя. Но что касается самих учителей из русского сектора, то они не жалуются, а наоборот, рады: раз есть дети, то больше шансов на то, что сектор протянет дольше.

Еще одно очень важное изменение – новые программы и переформулирование целей и задач обучения, наряду с новой организацией управления школой: «Следуя традиционной формуле, учеба, как и труд, считается оправданной конечной целью тяжелой работой, требующей напряжения силы воли. Аналогичное понимание имело место в классической немецкой школе, в созданной по ее аналогии школе царской России, а затем и в советских средних учебных заведениях. <...> Известно, что в школе подобного типа все элементы учебного процесса управлялись педагогом. От ученика требовалось лишь подчинение педагогу. <...> Распространение квалифицированного труда, каждодневное возрастание запаса профессионального и общего знания, а также невозможность растягивать до бесконечности процесс школьного образования повлекли за собой необходимость изменения не только методики обучения, но и цели, стоящей перед школой. Более важным по сравнению с передачей знаний должно было стать развитие у ученика творческого мышления и навыка независимого ориентирования в потоке информации. Развитие же творческого мышления, в свою очередь, подразумевает заинтересованность ученика учебным процессом, его активность, ощущение себя свободным человеком»⁹.

Новая концепция обучения диктует новые правила взаимоотношений с детьми. К современным детям уже неприменимы те подходы, которые были возможны в советское время. Утрата априорного авторитета, ощущение потери контроля над ситуацией бросают учителям серьезный вызов.

Хотя изменились цели и задачи обучения, но учителя продолжают работать, исходя из представлений, характерных для советской школы. В грузинском секторе можно встретить попытки работать по-новому, хотя новшества здесь носят больше экспериментальный характер. В русском

⁸ В Законе Грузии об «Общем образовании» об этом ничего не сказано. Информация со слов учителей. Но об этом правиле упоминали учителя из всех секторов.

⁹ Сакварелидзе Р. Интерактивное обучение и грузинская практика // От школы – к гражданскому обществу. Издательство ООО «Сиеста», 2003.

же секторе в лучшем случае про них слышали, но никто не применяет. В азербайджанском точно слышали, но внедрения в практику мне наблюдать не довелось.

Структура управления школой подверглась серьезному реформированию. Для реализации демократических условий были созданы следующие органы: дирекция, педагогический совет, попечительский совет, ученическое самоуправление и дисциплинарный комитет. Иногда, если необходимо опротестовать решение дисциплинарного комитета, создается апелляционный комитет. Но, по моим наблюдениям, значимую роль в школе играют только дирекция¹⁰ и попечительский¹¹ совет. При этом, как я поняла, у попечительского совета больше прав и возможностей для принятия решений, чем у директора.

Что касается материальной обеспеченности бывших советских педагогов, то зарплаты у них всегда были невысокие. И многие информанты об этом часто упоминали, но всегда с оговоркой: «Но на жизнь хватало». К тому же, несмотря на маленькую зарплату, педагог не чувствовал себя ущемленным, так как большая часть населения тоже была бедной. Так продолжалось до начала 2000-х годов.

С приходом новой власти в 2003 году материальное положение улучшается. Понемногу повышаются зарплаты. У тех учителей, кто имеет большую нагрузку (много часов или продленка), зарплаты достигают 200 лари (примерно 120 долларов). Многие учителя утверждают, что зарплата

¹⁰ Дирекция состоит из директора, его заместителей и бухгалтерии. Избирается сроком на шесть лет. Одно и то же лицо в одной и той же школе может избираться подряд только дважды. Кроме зарплаты директора, он не может получать никакую другую зарплату (Закон Грузии об «Общем образовании» от 8 апреля 2005 г. №1330/с. гл. 8, С. 41, пункты 1, 2, 5). Министерство образования и науки представляет кандидатуры директоров (не более трех) в попечительский совет, который избирается большинством голосов закрытым голосованием (Закон Грузии об «Общем образовании» от 8 апреля 2005 г. №1330/с. гл. 8, С. 42, пункт 2), (www.mes.gov.ge). До 2005 года директора выбирали при помощи лототрона (лотереи), случайным образом. Делалось это для того, чтобы директор не мог обзавестись прочными личными связями, которыми бы потом смог воспользоваться в неблагоприятных целях. При необходимости директор, как утверждают, мог обойти эти правила (каким образом, я не исследовала). Директор школы, в которой я проводила исследование, тоже был избран при помощи лототрона, однако он не скрывал, что попал он в ту школу, в которую хотел, а лототрон – формальность.

¹¹ Попечительский совет состоит из родителей и педагогов в равном количестве. Выбирается на три года. В него входят не менее 6 и не более 12 человек. Также в него входит один представитель из ученического самоуправления. Управляет советом председатель, который его созывает и представляет в отношениях с дирекцией. Председатель избирается из родителей и учителей поочередно. Ученик не может избираться председателем (Закон Грузии об «Общем образовании» от 8 апреля 2005 г., №1330/с. гл. 7, С. 37, пункты 1, 3, 4, 5).

В функции попечительского совета входят выборы директора школы, которого потом утверждает министерство. Попечительский совет утверждает представленный директором бюджет и предложенный им же устав школы, контролирует финансовые расходы дирекции, может прервать трудовой договор с директором, может требовать у директора увольнения учителя, если тот не соответствует нормам (Закон Грузии об «Общем образовании» от 8 апреля 2005 г., №1330/с. гл. 7, С. 38), (www.mes.gov.ge).

нормальная. Но тут же начинают себе противоречить, говоря, что ее ни на что не хватает. *Нормальной* зарплата становится при сравнении не с советским периодом, а с тем недавним временем, когда получали 12 лари (семь долларов). Следует учесть, что мэрия в этом году выделила на каждую школу по 10 000 лари в подарок учителям¹². Но это все равно мизер. Такое материальное положение бросает учителям вызов, и отвечать на этот вызов им приходится и по сей день. А с учетом того, что уже не все «одинаково бедные», что ученики часто богаче учителей, этот вызов становится для них особенно острым.

И, конечно, упомянутые выше отличия между секторами влияют на то, как учителя из разных секторов отвечают на вызовы, которые предъявляют им новые общественные отношения.

Стратегии совладания с ситуацией

А) Профессиональные стратегии

Большинство стратегий рассмотренных здесь, связаны с тем, что за последнее время в школе произошло много изменений, в том числе институциональных.

Язык

«В течение многих лет курсы повышения квалификации... не посещали. Ну как меня послать на курсы, если я плохо владею языком. То есть я не повышусь, это сто процентов, прохлопаю глазами. Что-то дойдет, что-то не дойдет» (Л. А., 56 лет, русский сектор¹³).

¹² В школе, где я проводила исследование, это было так. Долгое время никто из педагогов не знал ни про какие деньги. Потом какая-то учительница из грузинского сектора, входившая в попечительский совет, случайно обнаружила в интернете, что есть такое распоряжение. Она спросила у директора, где деньги. Директор ей предложил, чтобы она и еще несколько человек из попечительского совета согласились на аферу: им он выпишет деньги официально, а затем они неформально вернут их школе. Я попыталась узнать, предлагал ли им директор что-либо в качестве награды за аферу, но информантка сказала, что не предлагал, а просто приказал. Но эта учительница, несмотря на то, что входит в попечительский совет (по словам учителей, директор набирал в совет только «своих»), пошла против директора и сказала, что не хочет портить отношение с коллективом. В грузинском секторе возникла оппозиция, которая потом подняла и азербайджанский сектор. Директору пришлось выдать деньги. Деньги поделили по нагрузке, кто получил 70 лари, кто – 80. 25% удержали на нужды школы, в частности, на ремонт. Кстати, школа в плохом состоянии, но какие-то деньги на обустройство школы выделяются. В мае на школьном дворе был открыт новый стадион. Стадион типовой, мэрия бесплатно ставит такой в каждом дворе. Но директор сказал, что деньги на него ушли из фонда.

¹³ Далее русский сектор – рус., азербайджанский – азерб., грузинский – груз.

«Еще с депутатом познакомилась я, депутат Дманисского района, и я обещала ему обучать его азербайджанскому языку с сентября. Он уже меня учительница зовет, «масцавлебело» (Г. С., 52 года, азерб.).

«Она же украинский хорошо знала, ей предложили, и она пошла [работать в украинскую школу]. Ты же помнишь нашу хохлушку, так она теперь и по-грузински так шпарит!» (Л. А., 56 лет, рус.).

Из приведенных здесь цитат, а также из непосредственного общения с учителями становится ясно, что очень важным ресурсом адаптации становится язык. В первую очередь, это государственный язык, дающий возможность перейти в грузинский сектор, если русский закроется. А все остальные – дополнительный ресурс.

Соответственно у тех, кто владеет грузинским, не возникает многих проблем, которые появились у языка незнающих. Например, нет необходимости агитировать родителей при наборе детей в первый класс. Многие из знающих грузинский язык после сокращения стали преподавать русский в грузинском секторе.

Есть случаи, когда учителя частным образом изучают грузинский язык. По моим наблюдениям, это облегчает общение в быту, но достичь необходимого уровня для профессиональной деятельности удается редко. Очень мало учителей из национальных секторов владеют терминологией на грузинском.

Исследование показало, что изменение статуса языка стало важнейшим фактором, повлиявшим на биографическую траекторию учителя. В советские времена система распределяла учителей таким образом, что на каждого хватало учеников – носителей одного с ними языка. Наибольшую проблему незнание государственного языка представляет для русского сектора. Оно грозит им лишением работы по специальности в случае ликвидации сектора. Для азербайджанского сектора проблема менее остра, потому что сектор с советских времен сократился незначительно, количество учителей, потерявших работу из-за сокращения, намного меньше, чем в русском.

«В нашей школе только грузинский ведется на грузинском, а остальные предметы – на русском, а в других школах, я слышала, и другие предметы на грузинском. Но директор уже говорил, что так и будет, к 2012-му году русская школа это значит более углубленное изучение

языка, а все остальное на грузинском. Раньше были так называемые английские или немецкие школы с уклоном, теперь то же и русская школа. Все к этому идет.

– А Вы владеете грузинским языком?

– Нет, нет.

– И что Вы думаете о такой перспективе?

– Я просто сказала – все, мои дни сочтены. До 2012-го года, потом мне надо будет искать... если я продержусь, пока не будут требовать. А потом я не смогу...

– А какой процент учителей грузинским владеет?

– Вы знаете, здесь ни один педагог практически не может преподавать на грузинском, даже если он говорит по-грузински... дело в чем, нужно сесть и изучать эту терминологию. Не так-то просто объяснить на другом языке. Технический предмет, это же не просто литература, как там говорить, – производная или... Надо знать это, не просто владеть языком. Кого я ни спрашивала, они говорят, вряд ли мы осилим.

Я не знаю язык, потому что... это от среды зависит. В детстве у нас был многонациональный двор. Все говорили только на русском языке. Я выросла в абсолютно русской среде, где даже грузины говорили на русском. И в институте, и в школу я попала, везде русскоязычная среда. Потому, мне кажется.

Мне и стыдно, но не получилось. А моя дочь, младшая, она говорит только на грузинском. И в институте она учится на грузинском языке. И удивляется, что я так и не выучила. А для нее – это ее язык, она другого и не слышит. Это я считаю свой большущий минус. Среда мне этого не позволила, а сейчас сесть и учить просто нет времени. Семья, дети, внук, от старшей дочери. Старшей 25, младшей 18. Так что так, уже бабушка» (И. М., 52 года, рус.).

В этом нарративе – типичный пример того, как видят свои перспективы учителя «русского» сектора. Будущее для них – это внуки. Учителя из грузинского сектора чаще видят свое будущее в школе. Одна из моих грузинских информанток мечтает уйти на отдых. Однако в свои 63 года она является если не основным, то очень значимым кормильцем в семье, а главное, единственным членом семьи, у кого зарплата стабильна. Поэтому при всем своем желании, она не может уйти из школы. Даже в такой

ситуации «в школе по неволе» все ее планы на будущее связаны со школой. В азербайджанском секторе высказывания учителей, которые видят свое будущее в школе, и учителей, которые видят свое будущее дома, встречаются одинаково часто.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что советскость в школе изживается очень медленно и носит поверхностный характер. А в русском секторе она даже культивируется, пусть не всегда осознанно, и, наряду со стремлением к изоляции, «дабы не растерять все самое лучшее», является средством самозащиты от «незаслуженных обид».

С другой стороны, распространение новых представлений и практик происходит хоть и медленно, но неотвратимо, так что нет ни одного учителя, которому не довелось бы с этим сталкиваться.

Новые подходы к обучению

«Эта часть урока будет интерактивной, вы разобьетесь на группы, ...а потом мы устроим презентацию» (Ц. М., 58 лет, груз.).

«Пару лет назад послали нас на курсы. По логике и критическому мышлению...» (Л. А., 56 лет, рус.).

«Идти девять лет по одной программе, а в 10-м другую... не оправдало себя. Это и на энтузиазме детей сказывается, и на моем. Я многое сама в первый раз разбирала» (И. М., 52 года, рус.).

Пересмотр методов и самого содержания преподавания начался недавно. Попытки внедрить новшества в школу – еще позже. Исходя из своих наблюдений, я могу сказать, что учебники, которые по своей структуре и во многом по содержанию в корне отличаются от привычных учебников, появились пару лет назад. К этим учебникам практически нет методических пособий. Сказать, насколько они хороши или плохи, на самом деле трудно, так как не выработано критериев, определяющих их эффективность. Учителя новые учебники невзлюбили. Им не нравится все: от качества обложки до «хаотичности» знаний, которые эти учебники предлагают. Но из разговоров с учителями выясняется, что основные раздражающие «недостатки» – непривычность, а также необходимость самому что-то анализировать. Они вспоминают времена, когда всегда под рукой были журналы, такие как «Начальная школа», «Математика и школа» и т. п., где все методические вопросы были детально прописаны.

Что делают учителя в этой ситуации? Они пытаются разобраться в новшествах, кто как умеет, и стараются совместить их со старыми пособиями. Как конкретно происходит адаптация учителей к новым учебникам, я не исследовала, тут нужно рассматривать каждую дисциплину отдельно.

Что касается структуры урока и правил его ведения, то некоторые учителя в отдельных случаях (например, при проверке сверху) стараются использовать современные термины, дают больше возможности детям двигаться по классу или свободнее говорить (эти наблюдения сделаны в младших классах). Могут раздать листочки, на которых детям предлагают высказать свое мнение по поводу урока. А когда внешнего контроля нет, то урок проводится по проверенным лекалам – есть любимчики и аутсайдеры, «звонок на перемену звучит для учителя» и т. д. Так что новые «образцово-показательные слова» – это мишура, по сути своей урок остался прежним. По-настоящему новым здесь является только то, что дети свободно могут выражать свое мнение.

Критериями адаптации к новым веяниям является использование учителем современных терминов или получение какого-либо документа, говорящего о прохождении курсов по «логике и мышлению». В обыденной же жизни никто не пользуется ни терминами, ни знаниями логики.

«Многие дети считают, что компьютеры – это будущее. Да, я с этим согласна, что это будущее, но все равно без книг, без знаний, эта техника не поможет. Вдруг отключился свет, какая-то кнопка заела, вдруг что-то такое... А когда у тебя есть знания, тогда ты опираешься на свои знания... Всегда было, я говорила, и... и еще раз говорю, что знания во все времена нужны человеку и всегда пригодятся. И тот, кто старается получить эти знания, тот пробивается и добивается высот. Те дети, которые занимаются, не поднимая головы, те дети добиваются всего... Этапное обучение – это катастрофа. Только многократное повторение дает какой-то результат. Быстрым темпом преподавать – не усваивают дети. Эта объемная программа... она только интерес у детей отбивает. Тем более в нашей... национальной школе, где дети не настолько владеют книжным языком» (В. И., 67 лет, рус.).

Из этих высказываний видно, что «советского» педагога характеризует «культ знаний». Важен их объем, который необходимо вложить в ученика. Он даже приблизительно не представляет себе, в чем основные отличия

между современными и советскими тенденциями в педагогике. Курсы и тренинги по повышению квалификации носят фрагментарный характер. Учителя плохо о них информированы, а учителя из русского сектора еще реже посещают их из-за незнания языка. Разрыв в профессионализме, в доступе к информации увеличивается.

Исследование показало, что учителя достаточно враждебно относятся к изменениям в школе, потому что не понимают, из каких соображений они сделаны и как им самим действовать в этих условиях. А советская система была «хорошей», потому что была понятной. Учителя часто используют в этом случае стратегию оправдания, подчеркивая превосходство советской системы образования и выдавая свою отсталость за преимущество. Оправданным и верным в советском образовании им кажется все – и начало учебного года (исключительно первого сентября) и старая система оценок и т. д. Подо все это они находят обоснования, вроде того, что «раньше же не дураки были». Консерватизм свойственен учителям всех секторов, а русскому, как правило, особенно:

«Вот некоторые родители в Россию едут, и я обязательно прошу их, привезите мне в подарок книгу. Стараюсь ориентироваться на Москву. Раньше там... журнал у нас был «Начальная школа», все новинки там, все там, разные вещи печатали. Была связь, а теперь... нет никакой связи. Все, что у меня осталось, все старое. Конечно, задачи там... и то и се... но естественно, по математике «один плюс один» – оно хоть на английском языке, хоть на немецком, хотите... все понятно. А вот по русскому нет, почти нет никаких... Я очень недовольна, как составлен учебник. Я считаю, что вот те учебники, что у нас были в советское время... Даже можно было бы оставить о Ленине, почему... потому что это наша история. Это наша история, и ребенок должен... Не обязательно хвалить... Ах, Ленин такой хороший был, там, Сталин. Но вот это должен ребенок знать. Что война была. Это все должны дети знать» (В. И., 67 лет, рус.).

Из этого отрывка видно, что учитель из русского сектора во многом живет еще в прошлом. Его ориентиром является Москва. Да и Москва ориентир постольку, поскольку она больше всего ассоциируется с Советским Союзом. Тем Союзом, когда был «расцвет» русского сектора (у азербайджанского учителя и в мыслях нет ориентироваться на Баку!). Консерватив-

ность проявляется во всем: в трепетном отношении к обращению по имени и отчеству (вплоть до бытовых ситуаций), в сохранении традиционного для советского учителя стиля одежды, в некоторой дистанцированности от коллег из других секторов. Русским учителям свойственны частые воспоминания о том, «какой большой была наша школа, а теперь уже не то, нет того русского сектора».

Столь сильное цепляние за прошлое происходит по той причине, что русские учителя утратили свой статус «русских» (то есть самых важных в школе), а это, в свою очередь, отразилось на их статусе учителя в целом. Поэтому они продолжают культивировать тот мир, где они делали все то же самое, но были «главными». «Русские советские» учителя – самые советские. Возникает вынужденная коллективная самоизоляция, с помощью которой они обороняются от нового, чуждого им мира.

«Советские» учителя из грузинского сектора, по моим наблюдениям, наоборот, наиболее прогрессивные. Это проявляется в том, что именно в грузинском секторе быстрее внедряются и приживаются новые методы (хотя и здесь этот процесс происходит медленно), в том, что они открыты ко всему не советскому (для грузинских «советских» учителей советская школа привычна, но отнюдь не рождает ностальгических воспоминаний).

Взаимоотношения с детьми

«Теперь мы их все больше хвалим... Раньше приходили родители и говорили: «Ваше мясо, наши кости!», а теперь говорят: «Вы его испугали!» И никто не думает, что у учительницы давление, не нервируй ее!» (Дж. А., 50 лет, азер.).

«Я стараюсь не жаловаться родителям, как ребенок себя... это самое... говорю, на что надо обратить внимание... потому что я считаю, что не стоит, как говорится, психику родителей, особенно...» (В. И., 67 лет, рус.).

«Раньше у меня по 40-45 детей в классе было, и я запросто справлялась, а теперь 20 – и уже тяжело! Они стали очень шумные, но что поделать? Жизнь такая агрессивная. Этот «Джетикс»... Дети невоспитанные, но гораздо более раскованы, чем раньше. Нет такого трепета как раньше. В одном углу сидит, с противоположным углом переговаривается на уроке. Я понимаю, что все говорят – вот мы были..., а

теперь... Но дети, правда, изменились» (Дар. Г., 62 года, груз.).

Изменились взаимоотношения с детьми. Как видно из приведенных отрывков интервью, дети стали более раскованными и прежнего трепета по отношению к учителям не испытывают. Отношения с родителями детей также изменились, в большинстве ситуаций те выступают на стороне детей. Так что поддержки со стороны родителей учителям ждать не приходится.

В качестве стратегии адаптации они используют метод избегания конфликтов, хвалы детей, доходящий иногда до хвалы по любому поводу. Подобная ситуация для «советского» учителя нова. Если в начальных классах он еще более или менее сохраняет прежнюю властную позицию, то в старших классах ему приходится заигрывать с учениками. Положение, когда вся власть у учителя, осталось в прошлом. Теперь «балом правят» дети. Поменялась полярность, а отношения на равных еще не выработались.

Учителя сами постоянно акцентируют границу между собой и детьми, между «мы» и «они». В моих разговорах с учителями постоянно проскакивало «а вот мы... а они...». Дети, которые приходят в школу, подчеркивая свою индивидуальность стилем одежды, часто нервируют учителей, вне зависимости от сектора. Основной раздражающий фактор – дороговизна одежды. Другой – проявления сексуальности. Когда ребенок одет богаче, чем педагог, то, по словам учителей, это унижает их. Проявления сексуальности в одежде воспринимаются как распущенность, падение нравов. Борются учителя с этим, пытаюсь, например, стыдить девочек с декольте или объясняя детям, что не надо носить в школу дорогие вещи, поскольку их могут отнять, украсть и т. д.

Вывод, который уверенно можно сделать: прежние представления о том, что всех детей необходимо уравнивать, у «советских» учителей сохранились. И здесь никакой разницы между секторами не наблюдается.

Директор и учитель

«Ну и что, что в кабинете директора компьютер стоит – как я туда зайду? Что Вы?!» (Т. Г., 50 лет, азерб.).

Самое поразительное в этой фразе то, с каким удивлением и страхом она была произнесена в ответ на мой вопрос, есть ли у них доступ к интернету, когда понадобится для работы. Отношение с директорами в советское время зависело в первую очередь от характера директора. У каждого

советского учителя с ходу находится несколько историй про директоров. Из тех, что были рассказаны мне, только в одной директор выступал как положительный персонаж. В пределах школы директор обладал почти неограниченной властью.

В новых демократических условиях для школы был придуман такой орган, как попечительский совет, который контролирует в том числе и директора и обладает правом снять директора с должности. Но это официально. На самом деле в школе ситуация никак не изменилась, власть директора осталась безграничной. Только теперь директор еще и ни в чем не виноват, когда увольняет сотрудника, не объясняя причин. По словам учителей, существует неформальный механизм набора членов попечительского совета, в который набирают *«своих»*. Для учителя это демократическое нововведение ничего не меняет. «Коммуникативная стратегия подчиненного – оставаться под защитой неясного недовольства, выраженного не прямо, а с помощью интонаций, пауз, взглядов, молчания, а при случае сказать: «Да я и не жалуясь...»¹⁴

Специфики в отношениях с директором у учителей из разных секторов в этой школе нет. Все зависит от личных симпатий директора. Мне известно лишь одно исключение, когда вопреки воли директора был открыт первый класс в азербайджанском секторе¹⁵.

Репетиторство

«У меня всегда были ученики, как минимум двое» (Р. В., 63 года, груз.).

В советское время репетиторством чаще всего занимались в классе после уроков. Теперь занимаются дома. Привычка заниматься в классе сформировалась так: формально в советское время учитель обязан был дважды в неделю бесплатно заниматься с отстающими. О том, что эти занятия долж-

¹⁴ Трубина Е. Рассказанное Я: жизненные истории учителей. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 131.

¹⁵ В этой школе был такой случай: в начале учебного года директор не хотел создавать первый класс в азербайджанском секторе, объясняя это тем, что когда в классе мало детей (набралось всего шесть учеников), класс получается убыточным, ваучерных денег (ваучер – денежный сертификат, выделяемый государством на каждого ученика для использования в качестве платы за образование) не хватает на покрытие расходов. Однако, по словам учителей, существует правило, что класс открывается, если набирается пять человек. Учителя обратились за помощью в азербайджанскую общину. Тогда одни организации финансировали открытие класса, другие «надавили» на директора, и класс был открыт. Теперь у учителей, которые призвали помощь со стороны, отношения с директором натянутые. В русском же секторе в то же время набралось 13 детей, однако поддержки у русского сектора не было, так что первый класс создан не был.

ны быть бесплатными, знали только учителя. Неформально это становилось возможностью подработать, так как и тогда заработок у учителя не был слишком высоким. Сейчас учитель не обязан заниматься с отстающими. Поэтому дополнительные занятия становятся платными легитимно. Возможность приработка для учителей попытались превратить в возможность приработка для администрации. За занятия в классной комнате учитель теперь должен платить часть денег администрации. Это правило неформальное, но, чаще всего, обязательное (исключением может стать разрешение бесплатно заниматься в классе в том случае, если учитель входит в попечительский совет). Таким образом, учитель получил укол по самолюбию и был поставлен в некомфортную ситуацию. Чтобы уйти от поборов со стороны администрации, ему теперь приходится или ходить по домам учеников, тратя время на дорогу, или же вносить дискомфорт в жизнь своей семьи, принимая учеников у себя. По словам самих учителей, сначала было трудно, а потом привыкли. Так что попытка школы заработать на учителях не удалась, так как нет закона, который хоть как-то мог оправдать действие администрации и при этом удерживал бы учителя в школе. Учитель ушел домой.

Репетиторство я бы разделила на два типа: а) репетиторство-сделка; б) репетиторство-«дружба». В первом случае учитель учит, ученик платит за занятия учителю, и на этом их отношения заканчиваются. Во втором – у учителя завязывается ситуативная дружба с родителями ученика. Если рассматривать этот вид репетиторства с материальной стороны, то, помимо денежной оплаты, родители (из известных мне случаев) пару банок из заготавливаемых на зиму консервов оставляют учителю, занимаясь продажей сумок, учителю отдают сумку по себестоимости, работая на фармацевтическом складе, делятся лекарствами и т. д. В голодные 90-е годы родители, если была возможность, подкармливали учителей. Советский тип отношений, когда неформальное знакомство имеет большое значение, сохранился. Такие же наблюдения сделал и М. Лонкила в своей работе, посвященной петербургским учителям¹⁶.

Итак, низкая зарплата учителя компенсируется, как и раньше, платными занятиями с детьми. По сути практики репетиторства не изменились. Репетиторство только поменяло свое территориальное положение, пере-

¹⁶ Lonkila M., *Social Networks in Post-Soviet Russia. Continuity and Change in the Everyday Life of St. Petersburg Teachers*: Kikumora Publications. Stries A: Helsinki, 1999, p. 73

местившись из школы домой. Если говорить о секторальных различиях, то я бы отметила только то, что учителя из русского сектора, владеющие грузинским языком хотя бы на бытовом уровне, вне зависимости от своей специальности подтягивают учеников из грузинского сектора по русскому языку.

Б) Не профессиональные (домашние) стратегии

Все стратегии, которые я рассмотрю в этом разделе, связаны с одним, но очень важным вызовом, – нищенской зарплатой, на которую стало невозможно прожить.

Семейные стратегии

«Ну зарплата не очень такая... ну... ну... средняя. Я с мужем вместе живу, и он работает, и я работаю. Вместе все получаем» (Г. С., 52 года, азер.).

«Если бы не муж, который содержит семью...» (Т. Г., 50 лет, азер.).

«Нет... очень тяжело мне. У детей то есть работа, то нет. Муж не работает» (Р. В., 63 года, груз.).

«Но я насобирала... собрала эту сумму... удачно сделала. Ни один родственник со стороны бывшего супруга не помог, да еще и смеялись. Тут же Эллочка, которая богатая, муж за границей, купили дом, она в деньгах не нуждается, хоть 12 лар ей плати, хоть 15 лар ей плати, ей было все равно. Она была обеспечена. Это я была нищая, и без мужа...» (Т. А., 54 года, рус.).

Первое, что бросается в глаза при анализе интервью, это то, что очень важным социальным капиталом для советской учительницы является семья. И из всей семьи первое место по значимости занимает муж. Об этом же пишет и М. Лонкила¹⁷.

В советское время пединститут нередко называли «институтом невест», а полученный там диплом – «дипломом для мужа». То, как и в каких контекстах упоминается учителями муж, позволяет предположить, что его наличие или отсутствие влияет не только на материальную сторону жизни, но и на некий статус в коллективе.

Следующими по частоте упоминаний являются дети. Если дети устрое-

¹⁷ Ibid. pp. 177-179.

ны, самостоятельны и помогают своим родителям – это повод для гордости. Именно так звучит рассказ о «*дочке в Америке, которая учится в... и уже работает*» (Л. А., 56 лет, рус.). Если же они перебиваются временными подработками, а в промежутках «сидят на шее» у родителей, то в таких нарративах слышится усталость и почти обреченность, как, например, в рассказе одной учительницы о «*сыне, который не может работу найти, и квартиры у него нет – поэтому не может до сих пор жениться, а дочка в Турцию на сезон аниматором работать ездит, тяжело там, копейки получает*» (Р. В., 63 года, груз.).

Несколько реже в интервью упоминаются другие родственники и друзья: «*[Одна моя сестра] в больнице, в родильном [работает], она... ну... нормально работает. Получается неплохо у нее, и еще лишние есть... (смех). Брат юридический закончил. Но... он бизнесом занимается. Тоже в Баку. Это... в оптовом базаре у него есть магазин. По районам раздают оптовые товары, запчасти. Ну а старшая сестра... а еще есть в Баку подруга у меня есть, хорошая*» (Г. С., 52 года, азерб.).

Напрашивается вопрос: а что изменилось с советского времени? Из интервью, а также из других разговоров с учителями видно, что семейная стратегия выживания была выработана еще в советское время и с тех пор не изменилась. То, что дети стали выезжать за границу, в данном случае, роли не играет. Понятие «хороший муж» тоже не ново.

Разница между учителями из разных секторов заключается в том, что у грузинских учителей родственники живут в основном в пределах страны, у азербайджанских – также в Грузии либо в соседнем Азербайджане. У русских учителей родственники, чаще всего, в России, и доступ к ним осложнен. Некоторые потеряли связи с родственниками еще в 90-х. Дети и мужья, выехавшие на заработки за границу (Америка, Турция, Греция), встречаются одинаково во всех секторах. Но одно дело, когда сын или муж присылает тебе 200\$ в месяц и на этом внешняя помощь заканчивается. Другое дело, когда, наряду с материальной подпиткой, есть люди, которые так или иначе могут тебе помочь в сложной ситуации или даже просто пригласить в гости, чтобы поддержать эмоционально.

«Давай чем-нибудь займемся!»

«Потом моей дочери подружка приходила к нам и... мне говорит – тетя В. – вернее, я ей говорю – давай чем-нибудь займемся! Пирожками. Пирожки пекли. Сдавали там у нас... там в моем же дворе... какой-то... не будка, а... магазин открыли, вот это вот...» (В. И., 67 лет, рус.).

«Я фартуки шила. Из старья. А бабушка [ее мать] ходила на базар их продавать. Ну и вместе с этим мне стали думы... а чем я стану отдавать. Ну, продам из дома то, другое продам, третье продам. А мне этого не хватает, кроме того, надо жить, одеваться, кушать, коммунальные платить. Ни газа, ни света... Ну стала я потихоньку... однажды я увидела мой цветок... красивый на окне... цветет прекрасно. Дай я его продам – мысль мелькнула – продам. Продала. Детям на хлеб... и что-то... и картошку купила. У меня закралась мысль попутно, как я, педагог... не хватает этих копеечных денег... и стала заниматься разведением цветов... и продавать – сколько дадут. Ну... занялась цветами. Первое время все смеялись, может быть, надо мной – педагог, нагрузив детскую коляску... придумала... ходила на Московский торговать» (Т. А., 54 года, рус.).

В 90-е, да и в начале 2000-х, практически при полном отсутствии зарплаты (12 лари) репетиторство не могло полностью решить проблему выживания. В мышлении происходит перелом. Учитель, основным содержанием деятельности которого до сих пор было преподавание, понимает, что если он продолжит в том же духе, то не выживет. По тем или иным причинам учителя не смогли оставить школу полностью и открыть свой бизнес (по крайней мере, среди моих информантов таких людей нет). Но они нашли выход в сочетании преподавания в школе и крошечного предпринимательства. Теперь учитель не просто стыдливо печет, разводит цветы и т.п. на продажу, но, как можно заметить по цитатам, гордится своей находчивостью, своей деловой хваткой. А это уже совсем новое. Это уже рынок. Что еще убедительнее могло свидетельствовать о ресурсах адаптации, готовности ответить на вызов времени¹⁸? С другой стороны, такое предпринимательство таило в себе угрозу профессионализму учителей, которую многие из них сразу и не заметили. А если и заметили, то не смогли с ней бороться. Следующий случай очень типичен.

¹⁸ Трубина Е. Рассказаное Я: отпечатки голоса. Издательство Уральского университета, 2002. С.114.

«И вот однажды, проходя мимо... на Московском... стояла бутылка... стыдно было... это был вечер, до сих пор помню первую свою бутылку. Я взяла эту бутылку и быстренько спрятала в сумку, на ходу, чтобы никто не видел. И к концу... к концу недели я набирала достаточно... полная сумка бутылок. Зарплаты нет. Неизвестно когда будет. Деньги боятся люди друг другу одалживать – чем отдадут, когда отдадут, отдадут ли? Очень трудно было даже у людей одолжить деньги. В магазинах тоже, вроде, ничего нет... таких маленьких будок, чтоб под запись, не было еще, не писалось. Но я... сдав в Навтлуги эти бутылки, рискнула... Удивились, конечно, что я несу, попутно и свои пустые банки, которые на балконе... что они стоят напрасно? Сдала... и купила, помню, масла бутылку и картошки. Так была рада... я ни у кого не заняла, никому не должна и я сыта» (Т. А., 54 года, рус.).

Оказавшись в середине 90-х годов в очень тяжелой ситуации (с зарплатой в 12 лари, без мужа, в конфликте с директором, с необходимостью срочной операции и двумя детьми) одна из учительниц нашла такой выход. Она стала собирать все, что потом можно будет сдать (бутылки, цветные металлы, металлолом и т. д.). Да и для дома дрова на зиму. Когда она начала это делать, то работала еще в школе, у нее даже был один ученик дополнительно. Все это делалось с утра до работы, а также по дороге в школу и домой. Позже, когда она была уволена из школы по сокращению, то собирательство стало для нее самым важным видом деятельности. Конфликт с директором нанес ей психологическую травму, так что серьезных попыток устроиться в другую школу она не предпринимала, да и свободных вакансий практически не было. О возможности открыть свою школу, как это описано в книге Е. Трубиной¹⁹, даже разговора быть не могло.

Сегодня, по прошествии нескольких лет она занимается репетиторством, однако денег от занятий с учениками не хватает. Учителям начальных классов платят гораздо меньше, чем предметникам. Поэтому она продолжает заниматься этим своим скромным «бизнесом» и по сей день. Сама она то гордится тем, как она выжила, то у нее прорывается: «я так низко пала».

Побочные виды деятельности забирают у учителей очень много времени и сил. Но их основная опасность в том, что они ведут к депрофессионализации.

¹⁹ Там же. С.130.

С того времени как зарплаты повысили, побочная занятость постепенно сходит на нет. Способы заработка выбирались таким образом, чтобы они помогли пережить тяжелое время, не вынуждая бросать школу. При первой же возможности учителя возвращаются в школу полностью (при зарплате приблизительно в 180 лари и небольшой дополнительной социальной помощи). Оставшиеся верными исключительно школе педагоги позволяли себе иногда ноту превосходства. В истоке этого превосходства лежало не только глубоко въевшееся в наши поры убеждение в престиже какого-никакого, но умственного труда. Гордость от собственного постоянства, от занятия одним делом всю жизнь, нередко и на одном месте, здесь тоже присутствовала²⁰. Е. Трубина в своей книге пишет, что в начале перестроечных лет можно было читать очерки о тех, кто смело занялся предпринимательством, становился челноком и т. д. Однако среди моих информантов таких людей не нашлось.

«Педагог должен быть... иметь материальную заинтересованность здесь, в школе. То есть чтобы он свою квалификацию повышал. Чтобы ему не нужна была лишняя работа вне школы. То есть нам приходится вести частную практику, чтобы подработать. Чтобы иметь дополнительный заработок. А некоторые подрабатывают и другим способом. Вплоть до того, что в какой-то период торговлей занимались. Выжить было при тех зарплатах очень сложно. Я считаю, что педагог должен быть материально обеспечен, чтобы он мог заниматься собой, своей квалификацией. И чтобы мог больше времени уделять детям и в школе, и своим» (И. М., 52 года, рус.).

У меня напрашивается вывод, что для советского учителя и здесь мало что изменилось. Какая-либо внешкольная деятельность была временной, вызванной острой необходимостью дополнительного заработка. Так, никто из моих информантов даже не задумывался об организации собственной частной школы.

Основные жизненные типы

Анализ полевых материалов позволяет мне выделить три основных жизненных сценария – и, соответственно, три типа – «советских учителей». Основной критерий этой типологии – уровень владения грузинским (государственным) языком.

²⁰ Там же.

Учитель, владеющий грузинским языком

«Это не школа у нас прогрессивная. А сектор грузинский, а то там... русские, азербайджанцы остались такими... еще в Советском Союзе. Сидим мы на педсовете. А Л. встает, и что-то там говорит «широка страна моя родная», а я не выдержала, и говорю ей: – Где твоя сторона широка?! Вспомнила! Ты еще в Советском Союзе живешь! – Что я? Не права?» (Р. В., 63 года, груз.).

В первую очередь, это учителя из грузинского сектора. Как верно подмечено в приведенной выше цитате из интервью, грузинский сектор самый прогрессивный. Там учителя современнее, поскольку доступ к информации (которой и так мало, а та, которая есть, на грузинском языке) у них больше. Они чаще посещают курсы повышения квалификации. Несмотря на возраст, их планы на будущее связаны со школой. Они более открыты при знакомстве, выказывают меньше подозрительности. Они активны и в повседневной жизни вне школы, ходят в театры, музеи, на концерты и т.д. Их отличие проявляется даже в одежде: они одеваются наиболее современно, изящно²¹.

Учитель, не владеющий языком, но интегрированный через «общину»

«Цель здесь моей работы, чтоб научить детей не только языку, не только этой... культуре, но и чтоб человеком были. Чтоб поняли друг друга, чтоб не отличали – этот грузин, этот азербайджанец. Вот я, азербайджанка, здесь живу. В Грузии, где бы я ни была, все равно я чувствую себя дома. Вот этому хочу научить детей. Чтобы они поняли, что такое родина. В родине... В какой родине живут, в каком государстве, чтоб язык знали, государственный язык, чтоб поняли...» (Г. С., 52 года, азерб.).

Этот тип характерен для учителей из азербайджанского сектора. Многие из них владеют грузинским языком – не на том уровне, чтобы преподавать, но удовлетворительном для доступа к информации. Они достаточно открыты новшествам (например, на идеи о гражданском обществе, желание эти идеи привить детям я наталкивалась только в азербайджанском

²¹ Можно было бы предположить, что это связано с их лучшей материальной обеспеченностью, но в продаже есть масса недорогих современных вещей, которые может себе позволить любой учитель.

секторе). С другой стороны, и советских пережитков у них еще очень много. Я ни разу не наблюдала попыток вести урок в современных традициях. Что касается одежды, то стиль сохраняется советский, вернее, я бы сказала, традиционный.

В жизни вне школы этот тип учителей достаточно активен. Некоторые из них имеют непосредственное отношение к неправительственным организациям. Будущее свое каждый видит по-своему – кто-то в школе, кто-то с внуками, а кто-то в общественной деятельности.

Учитель, который не владеет государственным языком

«А зачем? Не надо вам это знать. Это вас не касается... А что исследовать, и так ясно, что все плохо...» (Л. А., за 60 лет, завуч в русском секторе).

Сюда можно отнести большинство учителей из русского сектора. Грузинский язык или не знают совсем, или знают на бытовом уровне, из-за чего затруднен доступ к информации. Уже чувствуется заметное отставание от современных запросов. Но даже когда узнают что-то новое, воспринимают его «в штыки». Основной аргумент – *«Мы и так все знаем. У нас большой опыт»*. Эти учителя видят мир в рамках «катастрофического сознания», они подозрительны и недоверчивы. Вне школы свою жизнь проводят только дома. Почти не выходят «в свет». Произошла самоизоляция. Большая часть из них одета как «классическая советская учительница», то есть одежда вне моды, они могли ее носить и 20-30 лет назад.

Заключение

В этой работе я попыталась выделить основные стратегии адаптации учителей к современным условиям жизни, а также основные жизненные сценарии. На самом деле, стратегий несколько больше, нежели описано. Все они используются учителями не в чистом виде, а в различных комбинациях. И жизненные сценарии условны, потому что каждый конкретный учитель в чем-то более современен, а в чем-то консервативен, может вести математику по советским пособиям, но при этом устраивать родительские собрания в виде конференции²².

Исследование показало, что, несмотря на огромное число нововведений и реформ, по-настоящему серьезным вызовом учителям стали только два из них – необходимость знания государственного языка (для национальных секторов) и необходимость выстраивать новые отношения с детьми. Маленькая зарплата – это, конечно, вызов, но умение справляться с нищетой новыми способами уже выработано в 90-х. Сейчас же с маленькой зарплатой справляются, в основном, так же, как и в советское время. Отсюда я могу сделать вывод, что большая часть изменений, происшедших в школе, не сильно изменили жизнь и сознание советского учителя. Он так и не пошел в суд, когда его уволили, не объясняя причин, и по возможности попытался использовать заступничество тех, кто сильнее.

Также не могу не обратить внимания еще на одно наблюдение. Кроме того, что сектора относительно изолированы друг от друга по объективным причинам (таким, например, как знание/незнание языка), их разделение усугубляется еще и тем, что расположены они на разных этажах, и в каждом секторе свой завуч и своя учительская. Если не считать трех общих педсоветов в год и нескольких совместных утренников, учителя из разных секторов практически не общаются друг с другом. По сути это три разные школы с разным внутренним содержанием, но в одном здании. Дети из разных секторов общаются на переменах чаще, чем учителя, но тоже не так интенсивно, как в пределах одного сектора. И если сами учителя не задумываются над таким положением вещей или считают их нормой, то

²² Мне довелось присутствовать на родительском собрании в грузинском секторе. Проводилось оно в виде современной конференции – столы были поставлены в круг, присутствовали все учителя, преподающие в этом классе, родители и дети. Классный руководитель выполнял роль модератора.

дирекция или вышестоящие структуры не могут не понимать, к чему ведет такая разобщенность. Кроме того, что растет разница в качестве образования между секторами, эта ситуация не способствует развитию гражданского общества. Почему такое разделение поддерживается? Интересно было бы продолжить исследование в этом направлении.

ЖЕНСКИЕ И МУЖСКИЕ ОБРАЗЫ В ГРУЗИНСКОМ КИНО

Тамта Татарашвили

Постановка проблемы

Гендерные стереотипы приобретаются в процессе социализации. Кино при этом является одним из мощных агентов навязывания таких стереотипов. Символическо-репрезентативные практики массмедиа, поп-культуры и т. п. параллельно и воспроизводят и отражают идеологические значения, с помощью которых формируются идеологические субъекты, в том числе фемининные и маскулинные. Кино в этом аспекте можно понимать как отражение коллективного подсознательного, в котором хорошо прослеживаются все характерные страхи и ограничения.

Всегда, когда речь заходит о репрезентации женских образов в грузинских фильмах, дискуссия касается асексуальности этих образов и отсутствия эротики в грузинском кино. Считается, что главным компонентом женственности в грузинских фильмах является невинность, целомудрие и «аэротичность»/асексуальность. Цель этой статьи проследить специфику репрезентаций мужских и женских образов в грузинском кино. Как эти две стратегии репрезентаций взаимодействуют и взаимоопределяют друг друга? Какую связь с ними имеет понятие сексуальности или эротичности, и какую роль они играют в конструировании гендерных субъектов?

С помощью феминистической кинокритики как теоретического инструмента, я постараюсь ответить на эти вопросы, с одной стороны, с помощью анализа истории развития грузинского кино и главных его тенденций в свете гендерных и сексуальных значений. С другой стороны, я, в виде примера, попытаюсь проанализировать один современный фильм («Ре-

верс», режиссер Дито Цинцадзе, 2005, грузинское производство). Хотя он и нетипичен для сегодняшнего кинопроцесса и является редким исключением, но в то же время касается тех проблем, которые до сих пор были не артикулированы в дискурсе грузинского кино.

Для того чтобы нарисовать общую картину развития грузинского кино и подчеркнуть в нем специфику гендерных и сексуальных репрезентаций, я обратилась к экспертам по истории кино и гендерных исследований¹. В то же время, я начала изучать литературу по истории грузинского кино, поскольку эти тексты дают возможность периодизировать этапы развития кино и выявить в них господствующие тенденции. Таким образом, я смогла проследить возникновение разных форм гендерных репрезентаций в историческом развитии, потому что они, как правило, определялись теми политическими, социальными, экономическими обстоятельствами, которые существовали в стране в том или ином историческом периоде (под «страной» я имею в виду как независимую Грузию, так и Советский Союз).

В результате полученный материал категоризировался следующим образом: а) анализ истории развития кино, б) выявление основных тенденций в кино из перспективы гендерно-сексуальных репрезентаций, в) определение общих факторов, которые повлияли на формирование гендерно-сексуальной репрезентации в грузинском кино.

Первые годы грузинского кинематографа (1910-е гг.): виктимизированная женщина

Начало грузинского кино связывают с документальными хрониками А. Дигмелова и В. Амашукели, первым полнометражным документальным фильмом «Путешествие Акакия Церетели в Рача-Лечхуми» (1912, реж. В. Амашукели) и первым полнометражным художественным фильмом «Кристине» (1917, реж. А. Цуцунава). Современные историки кино, в отличие от советских коллег, отделяют эти фильмы от последующих фильмов, производимых в Советской Грузии 20-х годов. Главным фактором такого разделения служит не только историческая грань между

¹ Было проведено четыре интервью с экспертами кино и гендерных исследований.

двумя эпохами, но и идеологическое различие между дискурсами национально настроенных политических сил и социал-марксистов. И тем, и другим кинематограф служил оружием пропаганды: первым – для подчеркивания национальных ценностей, вторым – для пропаганды классовой борьбы.

Это различие выявилось и в понимании репрезентации женского образа в фильме «Кристине». Здесь была представлена история женщины, которая была изнасилована богатым помещиком и вынуждена покинуть родной дом в деревне. Она идет в город, становится куртизанкой и в конце фильма еще молодая, но уже изуродованная и больная, умирает на улице в мучениях. Образ Кристине как жертвы современные историки кино связывают с проблемой репрезентации грузинских (кавказских) женщин в русской литературе и сравнивают с другими женскими образами экранизаций грузинской литературы в фильмах 20-х годов². Большинство случаев отражает тенденцию к экзотизации восточных женщин, всегда представленных как жертвы насилия. Именно так интерпретировалась «Кристине», снятая в 10-е годы XX века. «Кристине» отличается от них тем, что там не акцентируется классовая борьба. Несмотря на личное унижение, главный персонаж не руководствуется чувством классовой мести по отношению к представителям высшего слоя. «...Причины деградации национального сознания главной героини Кристине заложены в отчужденности от родной земли, в социальном превращении, а не в социальных притеснениях, как это было отображено позднее, в 20-е годы»³. Таким образом, можно различать причины виктимизации женских персонажей в фильмах национального дискурса и в фильмах советского периода. В обоих случаях, несмотря на то, какую идеологию выражали авторы, советскую либо национальную, женщина все-таки становилась жертвой. Ее, чистую и невинную, насилует какая-нибудь «нечистая» сила. Особенно явно этот процесс виден при анализе фильмов 20-х годов.

² В основном эти фильмы, как и «Кристине», были экранизацией произведений Эгнате Ниношвили (1859-1894). Его рассказы давали хорошую почву для акцентирования классового противостояния и описания угнетения крестьян.

³ Жгенти О. Национальный и социальный вопрос в грузинском кино – 10-20 годы. Университет театра и кино имени Шота Руставели, 2007. С. 40.

1920-е годы: женщина и ее социальные функции

20-е годы в истории советского кино знаменуются новейшими и революционными кинопоисками и находками. Обобщая, всю эту эпоху называют киноавангардом⁴, и это движение нашло свой отклик и в фильмах грузинских режиссеров Н. Шенгелая, К. Микаберидзе, М. Калатоцишвили и др.

«Наверное, это самый интересный период в истории грузинского кино, из-за существовавших в то время авангардных тенденций. В этом периоде тоже трудно говорить о чем-то без рассмотрения контекста. Эпоха была переломных изменений, серьезные катаклизмы происходили в социуме, и это, конечно, отображалось на культуре, и это было прецедентом, когда авангардное искусство и официальная идеология были переплетены друг с другом. Как правило, авангард развивается всегда в стратах, отстраненных от официального дискурса. Но в этом случае новая идеология и новое правительство нуждались в новом языке, и авангардное кино стало одним из главных механизмов идеологии. В случае искусства 20-х годов это двухстороннее слияние состоялось»⁵.

Актуальным оставался вопрос о женских персонажах. Целая серия victimизированных женщин появилась в фильмах режиссеров А. Бек-Назарова и И. Перестиани, которые в этот период переселились в Грузию и делали, в основном, экранизации грузинской классической литературы («Натэла», 1926; «Разбойник Арсена», 1923; «Убийца отца», 1923; «Дело об убийстве Тариела Мклавадзе», 1925). Эти фильмы представляли собой экзотические иллюстрации кавказских традиций. Тогдашние критики писали, что мнение чиновников царской России о Кавказе, как дикой экзотической стране, автоматически перешло в советские фильмы. В таких фильмах историческая роль грузинской женщины нарочно принижалась и обесценивалась.

⁴ Авангард (фр. avant-garde – передовой отряд) – течение в кинематографе, тесно связанное с новаторскими тенденциями, получившими развитие в европейском театре, живописи и литературе 1920-х гг. во Франции, Германии и России. Русский авангард был тесно связан с общим подъемом искусства после Октябрьской революции и отличался разноплановостью. Поиски велись как в сфере кинодокументалистики (фильмы Дзиги Вертова), так и в игровом кинематографе, явно отмеченном влиянием театра (ФЭКС, фильмы Г. Козинцева и Л. Трауберга), (см.: Соколова Н. П. История и теория кино. РИЦ ТТАКИ, 2007).

⁵ Из интервью с экспертом.

Этим экзотическим картинам можно противопоставить фильмы экспрессионистов-авангардистов. В плане женских репрезентаций таким примером вполне может служить фильм Николоза Шенгелая «Элисо» (1928). Краткий сюжет фильма таков. Царское правительство собирается выселить чеченских жителей из родного аула и поселить там русских казаков. Элисо – чеченка, которая любит грузина по имени Важиа. Она может уйти с ним жить в Грузию и избежать унижения и вынужденного переселения, но она решает остаться со своим народом. Элисо прощается с родиной и с любимым и перед уходом из аула сжигает его, чтоб не оставить врагу. По мнению эксперта, в этом фильме сочетаются авангардные художественные приемы и архетипические образы грузинской культуры. Персонаж Элисо тоже один из примеров таких архетипических женских образов, для которых выше личных переживаний стоят их социальные функции, которые лейтмотивом следуют через всю историю грузинской культуры, в частности кино.

1930-40-е годы: дидактика, образы могучих мужских героев

Это десятилетие в грузинском кинематографе отмечено появлением звука⁶. Вместе с этим изменились и ведущие тенденции. Еще со второй половины 20-х годов главными темами создаваемых фильмов стала борьба с буржуазными пережитками, конфликты между «кулаками» и колхозами. Такие фильмы принадлежали к разным жанрам. Они касались как деревенской («Угубзиара», 1930), так и городской жизни («Саба», 1929; «Хабарда!», 1931), появлялись как социальные драмы, так и комедии («До свидания!», «Приданое Жужуны», 1934)⁷. Эти дидактические фильмы, по мнению кинокритиков, были схематичны и плакатны, главная их цель состояла в пропаганде нового советского гражданина. В 30-е годы советская идеология больше не нуждалась в дискриминированных персонажах.

Появились активные женские образы – «железные женщины», у которых общественные обязанности выше личных чувств («Оранжевое поле», 1937, Н. Шенгелая; «Дарико», 1936, С. Долидзе). Главные персонажи в

⁶ Первый звуковой фильм «Ротэ Фанэ» был снят в 1932 году, реж. Д. Рондели.

⁷ Церетели К. Грузинское советское кино. Искусство, 1971.

фильмах были героями труда, строителями коммунизма. Одинаковая активность требовалась как от женских, так и от мужских героев, а репрезентация любви между ними носила сильно идеологизированный характер.

«Часто даже смешны эти любовные сцены, которые ничего общего не имеют с лирическими и интимными сценами, как будто любовники на комсомольское собрание выходят»⁸. Эта черта в фильмах напрямую отражала тогдашнюю гендерную политику, которая декларировала подчинение личной и даже интимной жизни своих граждан классовым интересам⁹.

В 30-е годы с особой силой проявилась тенденция идеологизировать героический образ могучего отца/вождя, который боролся против богатых и защищал угнетенных («Арсена», 1937, реж. М. Чиаурели). А позже, во время Великой Отечественной войны, он становится общенациональным героем («Георгий Саакадзе», 1943), который готов пожертвовать своим сыном/будущим поколением для защиты Родины (прямая ассоциация со Сталином). Эксперты считают, что архетип могучего покровителя-отца с наибольшей силой активировался именно в этот период, проявляя себя в кризисные моменты истории.

1950-е годы: девчонки-сорванцы, исчезновение гендерных различий

Началом этой эпохи можно считать смерть Сталина – 1953 год. Политика «оттепели» в кино проявилась в том, что прежняя дидактическая конъюнктура смягчается. Кино перестает быть напрямую дидактико-поучительным, обращаясь к жанру комедий и легкой лирики, хотя его суть остается той же: «Надо быть достойным гражданином, надо быть хорошим работником, чтобы тебе везло в жизни и в любви отчасти»¹⁰. Тот конфликт, который в первые годы советской власти был обостренным – идеология активно боролась с остатками буржуазного сознания, – смягчился. Началась пропаганда идеаль-

⁸ Из интервью с экспертом.

⁹ Пушкаревы А. и Н. Ранняя советская идеология 1918-1928 годов и «половой вопрос» (О попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920-1930-х годов: идеология и повседневность, 2007.

¹⁰ Из интервью с экспертом.

ного советского гражданина, которого можно было упрекнуть лишь в мелких, легко исправимых, недостатках. Любовная линия в фильме играла роль дополнительной мотивации для главного героя на его пути к исправлению. Женщина в таких фильмах стала более инфантильной, «девчонкой-сорванцом», но она по-прежнему сдержана и влюблена платонически («Наш двор», 1956, Р. Чхеидзе; «Стрекоза», 1954, С. Долидзе, Л. Хотивари; «Заноза», 1956, Н. Санишвили). Главной чертой этого периода является уравнивание мужских и женских персонажей по отношению к идеологии. Гендерные различия сведены к минимуму, персонажи репрезентируются не как мужчина и женщина, а как граждане советской страны. Если взять любой фильм этой эпохи и заменить главного героя представителем противоположного пола, сюжет все равно сработает (например, можно взять фильмы «Заноза» или «Жених без диплома»).

В грузинском киноведении период конца 50-х гг. считается как бы подготовительным для перелома 60-х. Особенно знаменательным становится фильм режиссёров Резо Чхеидзе и Тенгиза Абуладзе «Лурджа Магданы» (1956), который получил приз лучшей короткометражки на кинофестивале в Каннах. Этот фильм также считается одним из ярких примеров репрезентации женского архетипа матери.

1960-70-е годы: жанр притчи

Эти годы в истории грузинского кино называют эпохой перелома. Пришло поколение режиссеров (Э. Шенгелая, Г. Шенгелая, М. Кокочашвили, О. Иоселиани, Л. Гогоберидзе), которое начало выступать против доминирующих идеологических стереотипов. Основным приемом в этом процессе стал жанр притчи, который позволял авторам косвенно выражать свои мысли. Фильмы стали говорить языком символов и метафор. В отличие от прежней героической пропаганды, в этих фильмах появился антигерой («Листопад», 1966, «Жил певчий дрозд», 1970, О. Иоселиани; «Необыкновенная выставка», 1968, «Чудаки», 1973, Э. Шенгелая; «Алавердоба», 1962, Г. Шенгелая и др.). Главные персонажи этих фильмов стоят в подчеркнуто неконформистской позиции по отношению к окружающей среде и в основном инфантильно-романтичны. Появление такого характера кинокритики объясняют существованием фаллоцен-

трического сознания, которое сакрализирует образ отца, и если он физически отсутствует, всегда остается инфантильное желание его покровительства. Указывают на то обстоятельство, что все протесты этих персонажей-нонконформистов происходят на национально-культурной почве:

«Подчеркнутое указание на их аристократические корни, подавляемые коммунистическим диктатом, носило в то время диссидентское значение... поэтому их «контркультура» всегда культурная»¹¹.

На фоне этой общей картины появились фильмы, которые эксперты считают своего рода отклонениями от мейнстрима в свете сексуальных/гендерных репрезентаций («Большая зеленая поляна», 1967, Мераба Кокочашвили; «Несколько интервью по личным вопросам», 1978, Ланы Гогоберидзе). В фильме «Большая зеленая поляна» страсти и сексуальные желания играют важную роль в судьбе персонажей. Главный герой, пастух Сосана, старается сохранить свое любимое занятие и свое стадо, спасти старую поляну от новых технологий. Из деревни он переселяется поближе к поляне и везет с собой жену и сына. Но жена сопротивляется, она хочет спокойствия и нуждается в любви и семейном уюте. В конце фильма она оставляет Сосану одного.

«В этом фильме наиболее интересно показана женщина. Более нешаблонно и при том в подчеркнута мужской среде [муж – пастух], где она не чувствует своей необходимости. Она уходит от него, и этот женский протест полностью понятен и приемлем. И по правде, можно считать этот фильм из ряда вон выходящим, потому что здесь на первый план выходит женственность, а не социальная функция женщины»¹².

Второе такое исключение – фильм Ланы Гогоберидзе – можно считать единственным фильмом с феминистским уклоном, который рассказывает о жизни с точки зрения женщины. Он выводит на первый план проблемы ежедневного бытия в той специфической обстановке, которая сложилась для женщин в Советском Союзе 70-х годов, когда им приходилось сочетать

¹¹ Хатиашвили Т. Женщина и мужчина: гендерные стереотипы и модификации на примере грузинского, американского и испанского кино // Гендер, культура, современность / Ред. Л. Гаприндашвили. Тбилиси, 2005. С. 290. (на груз. языке).

¹² Из интервью с экспертом.

обязанности матери, работницы и общественного деятеля. Фильм детально раскрывает этот ролевой конфликт на примере женщины-журналистки, которая жертвует своей личной жизнью ради работы – она теряет любимого мужа. Позиция этой женщины, выдвинувшей на первый план свою социальную функцию, а не личные переживания, может и не отличаться от позиции других женских персонажей. Но уникальность фильма в том и состоит, что он проблематизирует эту женскую дилемму.

1980-е годы: кризис киноязыка

Новое поколение режиссеров (Темур Баблуани, Нана Джанелидзе, Годердзи Чохели, Алеко Цабадзе), пришедшее в кино в эти годы, на первый взгляд, внесло волну обновления. Были серьезные попытки найти новые темы, работать в разных жанрах (триллеры, приключенческие, исторические фильмы, фильмы в жанре ретро)¹³, которые до этого не появлялись в грузинском кино. В это время продолжали работать и режиссеры предыдущих поколений, которые старались искать новые формы. Но, в конечном счете, эти поиски не принесли обновления киноязыка. Этот период можно считать временем молодежных экспериментов, новизна которых не шла дальше дебютных работ (например, «Перелет воробьев», 1980, Т. Баблуани, или «Пятно», 1985, А. Цабадзе). В то же время продолжалась активная эксплуатация жанра притчи, который стал не только как бы главной характеристикой грузинского кино, но и уже его недостатком, поскольку развитие могло происходить только на почве тематического обновления, а без этого кино перестало быть релевантным по отношению к историческому контексту и реальности.

1990-е годы: национальная патетика

90-е годы считаются кризисными как для кинопроизводства, так и для творчества. Исчезла цензура, которая ранее заставляла режиссеров обратиться к жанру притчи, чтобы завуалировать проблемные темы. Пре-

¹³ Кучухидзе И. Экран и время. Издательство Тбилисского государственного университета театра и кино, 2009. С. 90-92.

жний метафорический язык потерял релевантность в новом контексте независимой Грузии. Советскую идеологию заменила национально-религиозная патетика, ставшая своеобразной цензурой для режиссеров, от которых новые власти требовали создать «новое грузинское национальное кино». На этом фоне в свете гендерных репрезентаций в фильмах наблюдается тенденция роста числа фильмов, где главным героем становится отец, в котором нуждаются его слабые, порой больные, дети. В этих фильмах («Солнце неспящих», 1992; «Здесь рассветает», 1998; «Двуликий», 1997; «Евангелие от Луки», 1998) женские образы либо незаметны, либо совсем отсутствуют, либо даже выступают как отрицательные персонажи, жертвующие своими детьми или пренебрегающие ими. Наблюдается своего рода парадоксальная ситуация: если в советском грузинском кино мы находили яркие женские образы и могли говорить о могущественном архетипе матери, то с 90-х годов они как будто исчезают. По мнению эксперта, поскольку советская идеология и цензура исчезли, ожидалось развитие демократических ценностей, в том числе и в отношении репрезентации женщин. Но вместо этого женские персонажи и их репрезентация в фильмах этого периода указывают на своего рода феминофобическую тенденцию:

«Это тоже было вызвано социально-экономической ситуацией того периода. Мужчины потеряли свою функцию кормильца семьи, и это доказано статистически, женщины взяли на себя решение всех экономических проблем. Но этому не следовала соответственная оценка роли женщины. Ее права не улучшились, увеличился только ее труд. То, что в кино появились агрессивные и деструктивные образы женщин, указывает на травму и комплексы маскулинности. Мужчины потеряли доминантные позиции и вот так среагировали – представили женщин как деструктивную силу, которая угрожает им, мужчинам. А в действительности оба – и женщина и мужчина – были жертвами этого общего кризиса»¹⁴.

¹⁴ Из интервью с экспертом.

Факторы, определившие специфический контекст

Основными факторами, которые определили характер гендерной/сексуальной репрезентации, существующей в грузинском кино XX века, по мнению экспертов, являются:

1. Традиционная кавказская культура с жестко определенными и разграниченными гендерными ролями и запретами в сфере сексуальности. По мнению одного эксперта, можно сказать, что в грузинской культуре даже на вербальном уровне (в повседневных разговорах, например) постоянно проблематизируется, что значит быть «настоящим мужчиной», что входит в функции мужчины, как он должен вести себя и т.п. Та же культура дает женщине определенную власть, иногда даже маскулинизируя ее, но гендерная роль женщины и ее сексуальность всегда тесно связана с репродуктивной функцией и существует только в пределах семьи. Отличной иллюстрацией такого определения женского места в культуре является слово «дэдакаци»¹⁵ («дэда» – мать, «каци» – мужчина).

2. Советская идеология и культура, которые нивелировали личность. Коллектив в советском дискурсе считался более важным, чем личные/индивидуальные чувства и проблемы. Женщина в советской идеологии была эмансипирована, в социальном плане стояла наравне с мужчиной, гендерные различия были стерты, от женщины требовалось то же самое, что и от мужчины (но не наоборот!). Семья и репродукция оставались женской прерогативой, ее прямой сферой ответственности и, что важно, основным регулятором ее сексуального поведения.

¹⁵ Понятие «дэдакаци» связано с дискуссией конца XIX века по женскому вопросу общественными деятелями и писателями того времени. Основной темой дискуссии было определение роли женщины: можно ли женщинам наравне с мужчинами участвовать в общественной жизни или их роль ограничена только репродуктивной функцией, а высшим предназначением для нее следует признать только уход за семьей и воспитание детей для родины. В эту полемику особую ясность вносит критическое письмо Ильи Чавчавадзе «Маленький разговор», в котором он сопоставляет две концепции – «дэдакаци» и женщины. Первую он определяет как основополагающую для грузинского сознания, в котором «женственность» приравнивается к «человечности» и ставится намного выше, чем понятие просто «женщины». «Дэда» на грузинском означает мать, «каци» – слово, которое используется как для обозначения человека, так и для обозначения мужчины. То есть материнство – это то, что поднимает женщину до уровня мужчины, это ее самая главная социальная функция, без которой она не станет полноценным человеком. См.: Л. Гаприндашвили. Материнский/женский вопрос в Грузии // Гендер, культура, общество / Ред. Л. Гаприндашвили. Тбилиси: Добра, 2005. С. 28–48; Чавчавадзе И. Маленький разговор // Избранные сочинения в пяти томах. Т. III. Тбилиси: Советская Грузия, 1986.

3. Православная церковь, которая после распада Советского Союза стала самым мощным институтом в стране и надежной опорой для государственного национального дискурса, согласно которому женщина обязывалась быть «матерью народа», а ее сексуальность опять привязывалась к репродуктивной функции и семье. По мнению одного из экспертов, на репрезентацию женщин в фильмах 90-х годов влиял не только националистически-религиозный фактор, а еще и социально-экономический кризис постсоветской трансформации, который сильно изменил гендерные роли как в семье, так и на рынке труда.

Главные характеристики

После анализа интервью и киноведческих текстов я сформулировала следующие основные характеристики, которые присущи грузинскому кино на протяжении всей его истории и которые связаны с вопросом гендерных и сексуальных репрезентаций.

Неразвитость жанра мелодрамы

Мелодраму можно считать основой особого фемининного нарратива, который способствует специфическому наслаждению женской аудитории и который отличается от мужских нарративов, таких как приключенческие жанры или боевики. Но эксперты указывают на одно обстоятельство – в грузинском кино этот жанр не смог развиваться в чистом виде. В советское время из-за политико-идеологического влияния существовали два направления: официальное кино, которое полностью соответствовало требованиям цензуры, и так называемое авторское кино, которое разрушало всякие жанровые нормы. Соответственно, не был развит и жанр мелодрамы, а в тех фильмах, которые иногда определяют как мелодрамы (например, «Нино», 1959; «Чужие дети», 1958), действие развивается на грани социальной драмы, где на первый план всегда выдвигаются морализаторские выводы. По словам одного из экспертов, невозможно вспомнить ни одного грузинского фильма с классической «love story», где главной темой были бы человеческие чувства и желания. По мнению всех экспертов, для грузинской культуры вообще неприемлема сексуальность, которая никогда не была предметом особого внимания.

Женщина как святая дева. Эротика и голое женское тело

Одной из тенденций, характерной для всей истории грузинского кино, следует считать разные проявления архетипа святой девы. Авторы статьи «Архетипные вариации в грузинском кино» указывают на существование двух взаимоуравновешенных архетипов – «святой девы» и «великого отца». «Архетип святой девы инертен по своей сути и всегда стимулирует и провоцирует действие, направленное на нее снаружи, являясь символом вечной красоты, беспорочности и женственности. К ней как к образу чистоты стремятся, ею овладевают в сражении или «возвышаются» вместе с ней»¹⁶. Авторы приводят примеры из трех фильмов: «Мольба» – белая женщина (Тенгиз Абуладзе, 1967); «Древо желаний» – Марита (Тенгиз Абуладзе, 1976); «Пастораль» Эдуки (Отар Иоселиани, 1975). Они утверждают, что героиня, воплощающая этот архетип, всегда является жертвой либо нечистой силы, которая старается овладеть ею, либо слепой и невежественной повседневности, в которой чистота просто невозможна и погибает, либо потребительской и бессмысленной жизни, которая загрязняет и поглощает ее.

Эта тенденция не оставляет места для восприятия и репрезентации женщины как обладательницы тела и собственных телесных желаний. Когда женственность в фильмах существует только как архетип святости и пассивности, всякое указание на эротику или сексуальное желание носит нелегитимный характер и репрезентируется в негативном контексте. Например, легко можно перечислить те эпизоды в грузинских фильмах, где появляется голое женское тело, ведь оно может быть самым прямым указанием на эротическое значение. В грузинском контексте такие эротические значения связаны или с «непорядочными» женскими персонажами (например, Наргиза в «Древе желаний», 1976, или Маргарита в «Чудаках», 1973), или со сценами насилия (Кику в «Дата Туташхия», 1978, или персонаж Хатуны Иоселиани в «Пустом пространстве», 2001).

Социальная функция женщины – «дэдакаци»

Вместе с архетипом святой девы, культ матери тоже можно считать архетипным, так как самые монументальные и мощные образы женщин в грузинских фильмах именно матери (Отарова вдова, Магдана и т.п.). Если же персонажи

¹⁶ Мирцхулава Р., Кучухидзе И. Архетипные вариации в грузинском кино // Экран и время / Ред. И. Кучухидзе, Тбилиси, 2009. С. 147.

и не матери в прямом смысле, то это женщины, которые ставят общественные обязанности выше личных чувств и приносят себя и свои желания в жертву во имя родины или чести (Майя Цкнетели, Элисо и т.п.). В таких случаях можно говорить о существовании в кино образа властной женщины, которая не является пассивным объектом, а является субъектом действия. Идеология же (будет она советская или национальная) обладает одним способом контроля, и этот способ есть ее «аэротичность»/асексуальность. Для того чтобы считаться полноценным человеком, женщина должна стать матерью, но всякое указание на личные желания или телесные потребности ей запрещены. Женская сексуальность в борьбе с социальной функцией побеждена, и этому самым лучшим примером служит фильм «Чужие дети» (1958), где прямо противопоставлены друг другу две женщины, тетья Нато и любовница главного героя. Первая готова стать матерью двух чужих детей даже тогда, когда ее любимый мужчина и отец детей уходит к той, которая лишает детей отца, движимая своими страстями и желаниями. В этом фильме прямо и четко поставлены акценты – женщина, которая рушит семью во имя удовлетворения собственных желаний, не имеет оправдания.

Архетип отца

Параллельно с женскими архетипами в грузинской культуре существуют разные репрезентации мужского архетипа, а точнее архетипа отца. В кино он часто напрямую представлялся как могучий, добрый и мудрый отец («Элисо», 1928; «Георгий Саакадзе», 1943; «Отец солдата», 1964). Такой образ имел прямой политический смысл, утверждая веру в могущество отца не только семьи, но и – что важнее – всей страны, поскольку эти персонажи вызывали непосредственные ассоциации с политическими лидерами СССР. «Грузинской» особенностью таких персонажей была их глубинная связь с родной землей и природой, что обогащало их не только патриотическими смыслами, но и связывало с архаическими/мифологическими образами¹⁷. Этот идеализированный образ отца параллельно с восхищением и любовью вызывал инфантильную зависимость.

Иллюстрацией к такому образу отца могут служить фильмы 60-х или 90-х годов. В 60-е годы архетип отца превратился в сакрализованный образ поте-

¹⁷ Мирцхулава Р., Кучухидзе И. Архетипные вариации в грузинском кино // Экран и время / ред. И. Кучухидзе, Тбилиси, 2009. С. 147.

рянного предка – культурного значения, которого неустанно искали и с которым сохраняли связь появившиеся в фильмах той эпохи инфантильные персонажи-нонконформисты. В 90-е годы присутствие отца стало неизбежной необходимостью, а его отсутствие трагической безвыходностью, на фоне чего образ матери потерял значение или в некоторых случаях совсем отсутствовал.

Архетип отца и женские архетипы взаимосвязаны и взаимоопределяемы. Если вспомнить три основных фактора, определяющих, по мнению экспертов, дискурс женской репрезентации, то увидим, что маскулинный архетип можно считать самой сутью этих идеологий, в то время как женские архетипы и образы всего лишь инструменты их осуществления. Мужской архетип остается всегда, несмотря на смену идеологий. Он либо непосредственно, либо через символическое значение воспроизводится и подразумевается всегда, а женские субъекты модифицируются в зависимости от потребностей идеологии. Патриархальное сознание легко адаптировалось как к советским, так и к национальным дискурсам. Чтобы потрясти его до самых корней, необходимо как изменение женского образа, так и пересмотр мужского идеологического субъекта – основополагающего значения «доминантного вымысла» патриархального сознания.

Контекст современного кинопроцесса

В последние годы кинопроцесс значительно активировался по сравнению с 90-ыми годами, наблюдаются попытки коммерциализации фильмов и, конечно, параллельно этому процессу происходит объективизация женского тела. Появилось эротическое кино (например, «Любовь в виноградунике», реж. Г. Шенгелая, 2000). В фильмах все чаще появляются обнаженная натура и эротические сцены. То, как принимается это аудиторией, вопрос отдельного исследования. Но одно бесспорно – эти примеры вносят контекст грузинского кино в классические границы концепции Лауры Малви¹⁸ – мужской взгляд ос-

¹⁸ Лаура Малви (Laura Mulvie) считается основоположником феминистской кинокритики. Главной ее работой в этой области считается статья «Визуальное наслаждение и нарративный кинематограф», опубликованная в 1975-м году, где она утверждает, что «контролирующий взгляд в кино всегда мужской. Зритель вынужден идентифицировать свой взгляд с точкой зрения мужского персонажа и превратить женский персонаж в пассивный объект эротического взгляда». См.: Feminist Film Theorists, Shohini Chaudhuri, Routledge, 2006, p. 31.

вобождается от прежних идеологических наслоений (и, может быть, загружается новыми, но это сейчас не предмет нашего обсуждения), а женское тело становится, в прямом смысле, объектом наблюдения/наслаждения.

На первый взгляд, фильм, выбранный мною для анализа, тоже входит в категорию фильмов, в которых женское тело и сексуальность становятся объектом мужского наслаждения и повторяется один из стереотипных образов сексуально подчиненных и пассивных женщин типа «Барби». Но сюжет и нарративная структура фильма дают повод копнуть глубже и увидеть, как сам маскулинный взгляд поддается критическому переосмыслению и обнажается психоаналитическая суть, связанная с мужскими страхами и желаниями. Можно сказать, что миф о «всемогущем отце» в этом фильме поддается серьезному пересмотру, и я хочу проанализировать, как это делается.

Реверс (режиссер Дито Цинцадзе, 2005)

Четверо молодых мужчин собираются у одного из них на даче. Они пьют вино, курят и разговаривают о женщинах. Общую фабулу фильма можно условно разделить на три части. В первой части мужчины разговаривают о женщинах вообще – кому какие нравятся, какие части женского тела более привлекательны и т. п. Разговору сопутствует внезапное появление виртуальной женщины в комнате, где сидят друзья. Они с азартом начинают создавать и переделывать внешние формы женщины. Во второй – каждый из мужчин поочередно развивает собственную фантазию по поводу того, как могли бы выглядеть его отношения с этой женщиной и какими путями он завладел бы ею. В третьей части женщина из виртуальной выдумки становится реальной и с оружием в руках входит в дом и мстит всем четверым. В финале женщина, сидящая в той же квартире с сигаретой, смотрит в пространство, где висят фигуры мужчин, которые под взглядом женщины один за другим исчезают.

Даны четыре разных сексуальных сценария и каждого из персонажей можно охарактеризовать по той роли, которую он играет в своих фантазиях: первый – муж-собственник, второй – друг-предатель, третий – романтический любовник, а четвертый – чудовище. Все они борются между собой

и делают все, чтоб завладеть женщиной. Женщина во всех этих историях представлена пассивной и покорной исполнительницей мужских желаний – с привлекательной внешностью, сексуальными формами, словом, объект мужских сексуальных фантазий.

Эта последняя черта становится особенным поводом для того, чтобы внимательнее всмотреться в текст и определить, в действительности ли можно считать этот фильм исключением из всех предыдущих текстуально-сексуальных практик в грузинском кино, является ли он одной из немногих попыток посмотреть на вещи не с привычной точки зрения. Для этого надо задать несколько вопросов из перспективы феминистского критического подхода: Где в этом тексте персонаж женщины и какую роль он играет во всех этих нарративах? Как конструируется нарративная структура фильма и как можно ее определить маскулинной или фемининной? Какой тип маскулинности можно усмотреть в фильме и, исходя из этого, какую позицию занимают мужские и женские субъекты по отношению к тексту?

Женщина, как отображение универсальной нехватки фаллоса

Женщина в фильме появляется как плод мужских фантазий. Сперва мужчины строят вербальную картину объекта их желания с помощью разных вопросов, которые они друг другу задают: какую часть тела женщины ты больше всего любишь? Какие женщины нравятся, блондинки или брюнетки? Толстые или худые? Те, кто много говорит или все время молчит и слушает? и т. п. Позже нарисованный образ приобретает реальность и мужчины корректируют при помощи слов внешность представшей перед ними женщины. Они в буквальном смысле слова создают ее. Таким образом, разделенная на части тела женщина лишена целостности, обезоружена и не представляет угрозы, то есть она по всем признакам классический сексуальный объект.

По мере развития сюжета мужчины начинают открытую борьбу за женщину. Главным «оружием» для ее завоевания является ее же сексуальное удовлетворение, которое в мужском сознании непосредственно связано с сексуальным опытом мужчины (чем опытнее, тем лучше владеет техникой удовлетворения женщины) и с размером сексуального органа (чем больше, тем лучше). В этих фантазиях мы наблюдаем их попытки добиться от

женщины позитивной оценки их сексуальных достоинств или их споры, кто из них лучше. Вот, например, диалог между «мужем-собственником» и женщиной:

- Тебе понравилось?
- Да.
- Оргазм испытала?
- Конечно.
- Сколько раз?
- Семь раз.
- Какой был лучше, первый или второй?
- Оба были очень приятны.
- А какой был лучше, третий раз, когда ты была сверху, или четвертый?
- Оба. Оба были очень приятными.
- Но все-таки, какой из них лучше?
- Третий раз было хорошо (пауза) и в четвертый тоже.
- У тебя до меня был оргазм?
- У меня же до тебя никого не было, никого!

Этими повторяющимися настойчивыми вопросами мужчины и равнодушными ответами женщины подчеркивается ироничность всей ситуации. На поверхность как бы выносятся механизм конструирования мужским желанием женщины, которая парадоксальным образом из «кастрированного другого» превращается в необходимость подтверждения мужского достоинства, поставленного под угрозу. Персонажи фильма нуждаются в обладании женщиной, поскольку это автоматически означает обладание фаллосом как символом недостижимой целостности и поскольку обладание фаллосом в доминантном вымысле патриархальной идеологии и есть основа классического маскулинного субъекта¹⁹. Вот почему эти мужчины стараются изо всех сил обладать женщиной, используя для этого все дозволенные и недозволенные способы – желятся на ней, читают романтические стихи, даже обманом или насильно ею овладевают. Но все оказывается тщетным, пока, в конце концов, в действие не включаются неземные и сверхъестественные силы.

¹⁹ Доминантный вымысел (Dominant Fiction) можно определить как совокупность образов и сюжетов, при помощи которых общество строит общий консенсус. В нем существует воображаемое уравнивание пениса и фаллоса, что укрепляет идентичность мужчины как субъекта власти и привилегий. Подробнее см.: Chaudhuri Sh., *Feminist Film Theorists*, Routledge, 200, p. 107.

Репрезентация тревожной маскулинности

Самыми активными персонажами фильма являются трое мужчин, которые сидят вокруг стола и разговаривают, именно они и занимают большую часть времени всего фильма. А четвертый, который появляется в первых же кадрах и вводит нас в пространство этой тройки, почти невидим как с точки зрения зрителей, так и для самих персонажей – трое друзей с самого начала исключают его из процесса, не дают ему играть в карты, о нем забывают и говорят «нас трое». О нем вспоминают только тогда, когда просят то принести вина, то зажечь огонь в камине, и каждый раз делают это снисходительным тоном, его даже ругают за ленивость. Одним словом, друзья не уважают этого героя, он все время сидит в кухне и даже в процессе конструирования женщины не участвует. Он исключен из ряда «правильных» и «нормальных» мужчин. Несмотря на то, что он не обладает классическими качествами, которые прямо указывают на альтернативную маскулинность (например, он не гомосексуал), он все-таки превращен в «другого» с помощью приписывания ему фемининных функций.

Своего рода эффект неожиданности возникает в эпизоде, когда оказывается, что именно этот невидимый мужчина и есть то самое «чудовище», которое сумеет уверенно отодвинуть всех соперников и овладеть женщиной.

То, что мужчина нуждается в неестественных, нечеловеческих силах для достижения цели, раскрывает противоречие, заложенное в самую суть нормативной маскулинности – никто из мужчин не может быть настоящим обладателем фаллоса, как универсального означающего. А патриархальная идеология просто заставляет достигать недостижимое, приписывая требования нормативной маскулинности. Осознание несоответствия реального мужчины, который по своей сути всегда несовершенен и неадекватен, символическому всемогущему отцу (на отрицании чего строится классическая маскулинность) и есть основа тревоги.

Нарративная структура фильма

В фильме намечаются две концовки, одна «логическая», которая завершает весь сюжет, заполненный мужскими фантазиями, – выдуманная женщина по очереди отдается всем четверым, последний из которых –

«чудовище». Мы видим, как он, заканчивая свой рассказ, резкими движениями разыгрывает перед друзьями сексуальный акт. Он оказывается самым грубым, беспощадным и жестоким к женщине, так как она, измученная этим актом, возносится в небо (это как бы напоминание всех женских персонажей, которые всегда предстоят в роли святых жертв). А друзья, сидящие в комнате, молчат, как будто усталые после кульминационного момента. Только один из них проговорит: «Что же мы с этой бедной девушкой наделали?!»

Кажется, это и есть конец фильма, так как цель достигнута, все фантазии, связанные с женщиной, реализованы. Но действие здесь не заканчивается, а двигается к новому концу. Слышен звонок в дверь, появляется женщина, уже как реальный человек, а не как воображаемый объект. Финал фильма, в котором мужские персонажи становятся привидениями, висят в воздухе и под взглядом женщины один за другим исчезают, выворачивает наизнанку всю нарративную структуру и всю кажущуюся суть фильма. Вдруг становится ясным, что это не женщина, а сами мужчины оказались виртуальными и, вполне возможно, выдуманными женщиной. Мужской финал оказывается вовсе не финалом, а цель овладеть женщиной – лишь способом достижения другой цели. Мужская фантазия и маскулинный нарратив превращается в женскую фантазию и фемининный нарратив. Множество концовок (в нашем случае две) – это один из признаков фемининного нарратива, который, в отличие от маскулинного, нацелен на действие, на процесс, а не на конечную цель и всегда оставляет возможность контрпатриархального прочтения текста, создания специфического женственного наслаждения. Нарративные стратегии различают, сравнивая женскую и мужскую сексуальность²⁰. Для обозначения кульминационной концовки в маскулинных нарративах используют понятие «climax», которое также может быть обозначающим точку высшего сексуального наслаждения. В фильме этот кульминационный момент и в самом деле совпал с оргазмическим состоянием мужских персонажей, но это состояние, в конце концов, послужило деталью женской фантазии.

²⁰ Подробнее о фемининных и маскулинных жанрах см.: Fiske John, *Television Culture*, Routledge, 1987, p. 210.

Как мы увидели, сюжетная линия фильма не вносит значительных изменений в репрезентацию женского образа. Главным объектом иронически-критического дискурса фильма становится мужской субъект и маскулинность, которые в традициях грузинского кино до сих пор оставались бесспорными и неприкосновенными. Поэтому фильм может показаться оторванным от общего контекста. Единственное, что может вызвать ассоциацию, связанную с традицией грузинского кино, это эпизод вознесения женщины в небеса как святой после перенесенных мучений. Этот эпизод является как бы логическим завершением эпизода конструирования этой женщины как телесного существа. Он напоминает, с одной стороны, о тех многочисленных женских персонажах грузинских фильмов, которые были представлены как святые, смиренные жертвы насилия, и, с другой стороны, о том, что женщина в грузинском кино вообще не является владелицей собственного тела. Ее телесное существование и опыт зависят от разных идеологических потребностей, которые появлялись на разных этапах исторического развития страны. То есть, если говорить критериями западной феминистической кинокритики, в нашем контексте в роли мужского взгляда выступают именно эти идеологические значения, а женская объективизация происходит способом подчинения, можно даже сказать, отрицания ее телесности/сексуальности.

Главное, почему фильм можно считать значительным феминистическим проектом, – это то, что он обнажает и выносит на поверхность весь механизм объективизации женского субъекта (и, наверное, эта прямолинейность есть художественный недостаток фильма), но также и то, что он дает пример механизма фемининной репрезентативной стратегии, способа изменения нарративной последовательности фильма. Таким образом, «Реверс» вполне может служить способом критического пересмотра всех сексуально-текстуальных тенденций грузинского кино. Он помогает увидеть то, что женские и мужские образы в связи с доминантным идеологическим дискурсом неравноправны. Маскулинность представляет основную и неотъемлемую часть доминантного вымысла идеологии (как это мы видели в историческом обзоре, потребность в нем оставалось почти неизменной при всех политических трансформациях XX века), а фемининность и фемининный субъект менялись в зависи-

мости от идеологических требований. Современная трансформация в направлении сексуально раскрепощенного женского образа опять оставляет его в рамках объекта сексуального наслаждения, приспособленного к патриархальным значениям. Для ее существенного изменения надо трансформировать сам маскулинный субъект.

АВТОРЫ

Анна Гусейнова (1980) в 1997-2002 годах изучала педагогику и методику начального образования в Тбилисском государственном педагогическом университете им. Сулхан-Саба Орбелиани. Стипендию Фонда им. Генриха Белля она получила в 2008 году.

Амалия Диланян (1985) получила степень магистра истории в Ереванском государственном университете. В настоящее время она работает ассистентом фокус-группы в Институте археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения. Стипендию Фонда им. Генриха Белля она получила в 2010 году.

Хатуна Марцквишвили (1977) получила академическую степень доктора психологических наук в Тбилисском государственном университете, Грузия. С 2005 по настоящее время она работает доцентом и сопредседателем Группы психологии личности на факультете социальных и политических наук Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили; также работает психометристом в Центре национальных учебных планов и оценок Министерства образования и науки Грузии. Кроме того, она является старшим научным сотрудником в научно-исследовательском проекте «Диспозиционные и атриционные предикторы национальной идентичности», финансируемом ASCN. Она получила стипендию Фонда им. Генриха Белля в 2010 году.

Алексей Овакимян (1980) получил степень магистра экономики в Ереванском государственном институте экономики и степень магистра по международному развитию и управлению в Лундском университете, а также академическую степень доктора наук в области экономического развития. С апреля 2010 года он работает экспертом по экологической экономике и развитию сельских районов в Германском обществе по международному сотрудничеству (GIZ) в рамках проекта «Устойчивое управление биоразнообразием Южного Кавказа». Он получил стипендию Фонда им. Генриха Белля в 2010 году.

Малхаз Салдадзе (1977) получил степень магистра политологии в Тбилисском государственном университете им. Ив. Джавахишвили, а также в Манчестерском университете / Московская высшая школа социальных и экономических наук. Он получил стипендию Фонда им. Генриха Белля в 2008 году. В настоящее время он работает координатором Программы поддержки гражданского общества в Фонде «Открытое общество Грузии», а также консультантом Региональной программы стипендий Фонда им. Генриха Белля.

Татьяна Саркисян (1982) получила степень магистра социологии в Ереванском государственном университете. У нее большой опыт работы в различных действующих в Армении гуманитарных учреждениях и организациях по вопросам развития. Она получила стипендию Фонда им. Генриха Белля в 2008 году.

Тамта Татарашвили (1985) получила степень магистра социальных наук по гендерным исследованиям в Центре социальных наук Тбилисского государственного университета, Грузия. В настоящее время она работает координатором Программы СМИ в Фонде ТАСО. Она получила стипендию Фонда им. Генриха Белля в 2010 году.

Тико Ткешелашвили (1978) получила степень магистра психологии в Тбилисском государственном университете им. Ив. Джавахишвили. В настоящее время она работает проект-менеджером в Кавказском институте мира, демократии и развития. Она получила стипендию Фонда им. Генриха Белля в 2010 году.

AUTHORS

Amalia Dilanyan (1985) lives and works in Yerevan, Armenia. She received the HBF scholarship in 2010. She holds MA in History from Yerevan State University. Currently, she works as the Focus Group Assistant at the Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Science of Republic of Armenia.

Aleksey Hovakimyan (1980) received the HBF scholarship in 2010. He lives and works in Yerevan, Armenia. He has MA in Economics from Yerevan State Institute of Economics and MS in International Development and Management from Lund University. He holds PhD in Development Economics. Since April 2010 he has worked as the Expert for Environmental Economy and Rural Development for the German Development Cooperation (GIZ) within its project: Sustainable Management of Biodiversity in the South Caucasus.

Anna Huseynova (1980) is from Tbilisi, Georgia. She received the HBF scholarship in 2008. In 1997-2002 she studied Pedagogy and Methodology of Basic Education at Tbilisi State Pedagogic University after Sulokhan-Saba Orbeliani.

Khatuna Martskvishvili (1977) lives and works in Tbilisi, Georgia. She holds PhD in Psychology from Tbilisi State University, Georgia. From 2005 to present, she has been working as the Assistant Professor and Co-Chair of Personality Psychology Unit at the Faculty of Social and Political Sciences of the Tbilisi State University after Ivane Javakhishvili. She also works as the Psychometrician at the National Curriculum and Assessment Center of the Ministry of Education and Science of Georgia. Furthermore, she is the Senior Researcher engaged in the research project: Dispositional and Attritional Predictors of National Identity funded by the ASCN. She received the HBF scholarship in 2010.

Malkhaz Saldadze (1977), the Georgian scholar and expert, lives and works in Tbilisi, Georgia. He holds MA in Political Science from Tbilisi State University after Ivane Javakhishvili, as well as from University of Manchester/Moscow School of Social and Economic Sciences. He received the HBF scholarship in 2008. Currently, he works as the Coordinator of the Civil Society Support Program at the Open Society Georgia Foundation. In addition, he works as the Consultant for the HBF Regional Scholarship Programme.

Tatyana Sargsyan (1982) lives and works in Yerevan, Armenia. She holds MA in Sociology from Yerevan State University. Throughout years she has worked for various humanitarian and development agencies operating in Armenia. She received the HBF scholarship in 2008.

Tamta Tatarashvili (1985) is from Rustavi, Georgia. She has MSocSc in Gender Studies, from the Center for Social Sciences at the Tbilisi State University, Georgia. Currently, she works as the Media Program Coordinator for the TASO Foundation. She received the HBF scholarship in 2010.

Tiko Tkeshelashvili (1978) is from Tbilisi, Georgia. She holds MA in Psychology from Tbilisi State University after Ivane Javakhishvili. Currently, she works as the Project Manager at the Caucasian Institute for Peace, Democracy and Development. She received the HBF scholarship in 2010.

■■■ HEINRICH BÖLL STIFTUNG
SOUTH CAUCASUS

The Heinrich Böll Foundation, affiliated with the Green Party of Germany, is a legally independent political foundation. The regional office for the South Caucasus was opened in 2003. Its main objective is to contribute to the forming of free, fair and tolerant societies in the region. The Foundation supports and facilitates cooperation of individuals and organizations throughout the region who, based on the principle values of human rights, search for the change of undemocratic and intolerant attitudes in societies and politics, for the transformation of ethno-political and territorial conflicts into the direction of fair and non-violent solutions and for the sustainable development of people and communities. The Foundation encourages critical public debate to make processes of decision-making democratic and transparent.

www.boell.ge

ISBN 978-994-19-0099-0

9 789941 900990